

The background of the entire page is a photograph showing a close-up of a hand firmly grasping a single strand of barbed wire. The hand is positioned in the lower half of the frame, with fingers wrapped around the wire. The barbed wire extends horizontally across the frame. The background is a bright blue sky filled with soft, white, fluffy clouds. The overall mood is one of resistance and struggle.

В.Б. Конасов

**ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ
В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ
(1918 – 1953)**

В.Б. Коначов

**ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ
В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ
(1918 – 1953)**

3-е издание,
исправленное и дополненное

Череповец
ИД «Порт-Апрель»
2021

УДК 94(470.12).084
ББК 63.3(2Рос-4Вол)631-361
К 64

Рецензенты:

- доктор исторических наук **Б.В. Петелин**;
- доктор юридических наук, профессор **А.Е. Епифанов**;
- кандидат исторических наук, доцент **А.Р. Павлушков**.

Конасов В.Б.

К 64 История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918-1953). – Изд. 3-е., исп. и доп. – Череповец: Порт-Апрель, 2021. – 256 с.: ил.
ISBN 978-5-6044919-3-5

На общеисторическом фоне книга знакомит читателя с трагическими страницами массового террора, ссылки, депортаций по национальному признаку, работой спецпоселений, тюрем и лагерей на Вологодской земле в период с 1918 по 1953 год. Источниковую базу составили архивные материалы, документальные сборники, периодическая печать, мемуарные свидетельства, а также публикации по проблематике исследования.

Книга вышла на основе 2-го издания, опубликованного при жизни автора в 2007 г., с изменениями и дополнениями. В настоящем издании опущено обращение «К читателю», но добавлены два предисловия: инициаторов переиздания и коллег автора, а также биографический очерк о В.Б. Конасове. Редакция всех приложений сохранена прежней, после текста правовых документов даны ссылки на их изменения, дополнения или отмену на 2021 г.

УДК 94(470.12).084
ББК 63.3(2Рос-4Вол)631-361

ISBN 978-5-6044919-3-5

© Н.В. Конасова, 2021
© Оформление.
ООО ИД «Порт-Апрель», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Ассоциация жертв политических репрессий при Совете ветеранов г. Череповца инициировала переиздание книги доктора исторических наук, профессора Вологодского института права и экономики В.Б. Конасова «История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918-1953)», вышедшей в 2007 г. Это было последнее, второе издание при жизни автора, который скоропостижно скончался в 2008 г. Из-за малого тиража книга, к сожалению, не дошла до широкого читателя – отсутствует даже в крупных библиотеках области.

А между тем, она имеет большое значение для понимания нашей истории. Особое место в книге занимает тема политических репрессий. Исследуя почти 40-летний период, начиная с «красного террора» и до хрущевской оттепели, автор показывает механизм зарождения и проведения массовых политических репрессий как одного из признаков тоталитарного государственного устройства. В этих исследованиях он был, в значительной мере, первопроходцем. История политических репрессий на региональном уровне – на примерах конкретных судеб наших земляков, ставших в одночасье «врагами народа», – до В.Б. Конасова в научной литературе практически не освещалась. Его труд ценен еще и потому, что в Вологодской области, в отличие от других регионов, до настоящего времени не создана по разным причинам Книга памяти жертв политических репрессий, в подготовительной работе над которой принимал участие и автор.

Какому читателю предназначена эта книга сейчас? Ответу однозначно: думающему патриоту, который хочет видеть свою страну процветающей, но не за счет рабского труда заключенных ГУЛАГа, а ее граждан – обладающими и ответственно пользующимися общечеловеческими правами и свободами, без страха репрессий со стороны государства.

Благодарим за большую помощь, оказанную в переиздании книги, А.Л. Кузьминых, С.И. Старостина и Н.В. Конасову.

*Председатель правления Ассоциации жертв
политических репрессий при Совете ветеранов г. Череповца,
руководитель проекта «Мы из XX века»
Александр Зельцер*

ПРЕДИСЛОВИЕ КОЛЛЕГ АВТОРА

Современность все время обращает нас к прошлому. Просматривая легендарную комедию Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968 год), наверное, каждый советский зритель понимал символический подтекст знаменитого диалога главных героев со случайным знакомым в ресторане:

- Будете у нас на Колыме, милости просим!
- Нет уж, лучше Вы к нам...

Действительно, в советское время открыто и публично говорить о сталинских лагерях было невозможно. Сейчас ситуация принципиально иная. В качестве примера можно привести документальный фильм Юрия Дудя «Колыма – родина страха» (2019 год), набравший 25 миллионов просмотров на YouTube.

Память о репрессиях незримо присутствует в сознании россиян. Помимо основных экзистенциальных страхов – смерти, болезни, войны, бедности, потери работы и сбережений, у наших сограждан сильны опасения политического порядка: произвола властей, возврата репрессий и ужесточения политического режима¹.

Политические репрессии в Советской России начались сразу после Октябрьской революции 1917 года. При этом жертвами становились не только непримиримые идеологические противники большевиков, но и простые люди, выражавшие несогласие с их политикой. Репрессии проводились по политическому и по социальному признаку – против бывших полицейских, жандармов, чиновников царского правительства, помещиков, казачества и духовенства.

Расстрел царской семьи, красный террор, расказачивание, философский пароход, дело лицейстов и шахтинский процесс – стали прологом сталинского террора. С началом принудительной коллективизации сельского хозяйства и ускоренной индустриализации в конце 1920-х – начале 1930-х годов, а также формированием режима личной власти Сталина репрессии приобрели массовый, системный характер. Особенно большого размаха они достигли в 1937–1938 годах («Большой террор»), когда сотни тысяч граждан были расстреляны или отправлены в лагеря ГУЛАГа по обвинениям в совершении политических преступлений.

В годы Великой Отечественной войны наиболее массовыми репрессивными акциями были депортации по национальному признаку, когда принудительно выслались или мобилизовались в трудовую армию целые народы, обвиненные в сотрудничестве с оккупантами. Репрессии продолжились в послевоенный период: ленинградское дело, борьба с космополитизмом, дело врачей...

¹ Динамика основных страхов россиян. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/09/dinamika-osnovnyh-strahov/> (дата обращения: 30.03.2021).

История политических репрессий в СССР – одна из дискуссионных и неоднозначно воспринимаемых тем в современном российском обществе. С одной стороны, многотысячными тиражами издаются «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына и «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, с другой – И.В. Сталин, по данным социологических опросов, по-прежнему остается одним из самых популярных правителей нашей страны².

Получается, что мы до сих пор не извлекли уроков из драматических событий советской эпохи. Именно поэтому работа по изучению тоталитарного прошлого является общенациональной задачей. Недопустимыми являются попытки оправдать репрессии особенностями времени или вообще отрицать их как факт нашей истории.

* * *

Вологодский край по праву может считаться регионом, в котором рождалась и функционировала чудовищная империя ГУЛАГа. Во время Гражданской войны здесь появляются лагеря принудительных работ. В 1930-е годы система мест лишения свободы стала стремительно разрастаться, достигнув своего апогея в предвоенные и послевоенные годы. В этот период на территории области располагались более ста режимных учреждений, включая тюрьмы, лагеря, колонии, спецпоселки, пересыльные пункты и т.п.

Одним из первых к теме репрессий на вологодской земле обратился наш земляк, замечательный вологодский ученый и краевед, доктор исторических наук, профессор Виктор Борисович Конасов. Книга, которую вы держите в руках, стала обобщением его работ по истории политических репрессий и пенитенциарной практики. В ней была поставлена амбициозная цель – на региональных материалах показать истоки, содержание и результаты репрессивной политики советского государства в отношении целых народов и отдельных людей. Это потребовало от автора обращения к огромному комплексу документов и воспоминаний, долгие годы недоступных для исследователя, а также зарубежной, общероссийской и региональной историографии.

В книге проявился многогранный талант Виктора Борисовича как страстного публициста и взвешенного академического ученого. Это позволило ему выйти за рамки традиционных историографических подходов и воссоздать объективную и многогранную, с глубоким человеческим измерением историю карательной системы советского государства на примере Вологодского края.

Остановимся на характеристике ключевых положений работы.

В первой главе – *«Спецслужбы, законодательная база и практика репрессий в первые годы советской власти»* – автор исчерпывающим

² Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c?> (дата обращения: 10.04.2021).

образом охарактеризовал классово-идеологическую природу советского уголовного права. Наглядно принцип социалистической законности воплотился в базовых нормативно-правовых актах советского государства, например, в Уголовном кодексе 1926 года, который не только давал возможность произвольно толковать и применять содержащиеся в нем нормы, но и постоянно дополнялся законами, которые объявляли политическими обычные уголовные преступления. На конкретном историческом материале показаны репрессивные акции, направленные на борьбу с представителями зажиточного крестьянства, дворянства, духовенства, интеллигенции и прочими «контрреволюционными элементами» в Вологодской губернии в 1920-е годы.

Во второй главе – «Политические процессы тридцатых годов. Пик массовых репрессий» – исследован механизм массовых политических репрессий в Вологодской области в 1930-е годы, выделены его региональные особенности. Особое внимание уделено периоду «Большого террора» 1937–1938 годов. Основываясь на архивных документах, автор приводит примеры работы «тройки» УНКВД по Вологодской области. Типичными явлениями в следственной практике были подлоги и фабрикация следственных дел, пытки, психологическое давление и другие противозаконные методы дознания и следствия.

Закономерным итогом увеличения масштабов репрессий стал рост системы исправительно-трудовых учреждений. В начале 1940-х годов на территории Вологодской области создаются исправительно-трудовые лагеря: Череповецлаг, Вытегорлаг, Опоклаг, Знаменитлаг. Однако начавшаяся война с нацистской Германией серьезно скорректировала процесс становления лагерной системы. Большинство лагерей были ликвидированы уже в первые месяцы войны.

В третьей главе – «Вологодская ссылка 30–50-х гг. XX века» – исследована система трудовых и специальных поселений. Начало этой системе было положено прибытием в Северный край почти 45 тысяч кулацких семей (158 тысяч человек) в 1930–1931 годах. Прибывшие на север семьи, в составе которых были малолетние дети и престарелые, оказались поистине в нечеловеческих условиях. Скученность, антисанитарные условия перевозки в товарных вагонах и проживание в неотапливаемых бараках приводили к массовой заболеваемости и смертности. Основным занятием трудпоселенцев являлась работа на объектах лесной промышленности.

Далее в центре исследования оказываются другие группы депортированных советских и иностранных граждан: финны-ингерманландцы, советские немцы, чеченцы и ингуши, «оуновцы», польские спецпереселенцы. Автор описывает жизнь представителей «наказанных народов» на вологодской земле, освещает особенности их правового статуса, материально-бытового обеспечения, географию трудового использования, динамику заболеваемости и смертности, формы сопротивления и протеста.

Четвертая глава – *«Репрессии в Красной Армии и на флоте»* – посвящена трагическим судьбам военачальников из числа вологжан, занимавших высшие командные должности в армии и на флоте. Жертвами репрессий стали командующий Белорусским военным округом И.П. Белов, командующий Северным флотом К.И. Душенов, заместитель начальника Генштаба РККА В.Н. Левичев и другие. Каждому из этих незаурядных представителей советской военной элиты автор посвятил отдельный очерк, названия которых говорят сами за себя: «Матерый шпион иностранных разведок», «Виновным себя не признает», «Прощу меня расстрелять, но не бить» и др. При всем различии в биографиях героев их объединяет одно: верная служба на благо страны, внезапный арест, вакханалия диких допросов и скорая, безжалостная и бессмысленная расправа.

В пятой главе – *«Репрессивная политика и пенитенциарная практика в годы Великой Отечественной войны»* – проанализированы особенности карательной политики в условиях военного времени. Автор рассматривает специфику судопроизводства военной поры, работу органов НКВД по перлюстрации писем, деятельность исправительно-трудовых учреждений. Основными тенденциями данного периода были ужесточение репрессий за преступления против порядка управления, перемещение огромных масс заключенных в ходе эвакуации, структурно-организационная перестройка мест заключения, массовая смертность в лагерях и тюрьмах.

Наконец, шестая глава книги – *«Лагеря и тюрьмы, люди и судьбы в первое послевоенное десятилетие»* – рассказывает о трансформации пенитенциарной системы в послевоенные годы, завершившейся распадом ГУЛАГа после смерти советского вождя. Лагерная система, по мнению ученого, вышла из Великой Отечественной войны весьма ослабленной. Она уже не обладала теми огромными людскими, материально-техническими и производственными ресурсами, которые у нее были в довоенные годы. В такой ситуации НКВД-МВД СССР делает ставку на использование труда военнопленных и интернированных. На территории Вологодской области формируется система лагерей и спецгоспиталей для обезоруженных солдат и офицеров противника. Подробно автор останавливается на проблемах трудового использования «узников войны» на стройках и предприятиях Вологодской области, их привлечения к судебной ответственности. В основе судебного преследования бывших военнотружущих вермахта и их союзников лежали отнюдь не только факты их участия в преступлениях и злодеяниях на советской земле, но и политические мотивы.

К концу 1940-х годов лагерная система вновь начинает разрастаться. Именно в это время на территории Вологодской области действовали исправительно-трудовые лагеря, выполнявшие крупномасштабные гидротехнические работы на северных реках. Однако уже к началу 1950-х годов система ГУЛАГа находилась в состоянии кризиса, что проявлялось в потере управляемости над огромным «архипе-

лагом», экономических провалах и издержках, росте фактов лагерного бандитизма, саботажа и неповиновения заключенных.

В «Заключении» книги повествуется о процессе реабилитации жертв политически репрессий. По данным автора, за период с 1992 по 2005 годы органами внутренних дел Вологодской области было рассмотрено 22732 заявления от граждан, реабилитировано 10219 человек, признано пострадавшими 1595 человек, отказано в реабилитации – 4890 лицам.

Монография В.Б. Конасова аргументированно опровергает устойчивый миф о том, что якобы жертвами политических репрессий стала прежде всего партийно-советская номенклатура, сами сотрудники НКВД и в гораздо меньшей степени рядовые советские граждане. Автором убедительно показаны причины и последствия всеобщей шпиономании и доносительства, ставших поистине массовым явлением 30–50-х годов прошлого века.

Нельзя не согласиться со словами Виктора Борисовича о том, что история накладывает на каждого из нас тяжелое бремя свободы и ответственности. Выбор будущего – в наших руках. Прошлое же дано нам для того, чтобы не совершать старых ошибок на долгом и трудном пути обновления страны и самих себя.

* * *

Тема политических репрессий имеет не только историческое, но и правовое измерение, напрямую связанное с вопросами реабилитации, политико-правовой и моральной оценки преступлений сталинского режима в действующем законодательстве.

Юридическое толкование политических репрессий дано в Законе «О реабилитации жертв политических репрессий» № 1761-1 от 18 октября 1991 года. Политическими репрессиями, согласно упомянутому закону, признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями (статья 1).

Кроме того, подвергшимся политическим репрессиям и подлежащими реабилитации признаются: дети, находившиеся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменявшими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении; дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам (статья 1.1). Пострадавшими от политических репрессий признаются дети, супруга (супруг), родители лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно (статья 2.1).

В настоящее время база данных «Жертвы политического террора в СССР», составление которой ведет Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», содержит более 3,1 миллиона имен граждан, пострадавших от политических репрессий в годы советской власти³. По данным Е. Жемковой, всего в СССР по политическим мотивам было репрессировано примерно 11–11,5 миллионов человек, из них 4,7–5 миллионов человек были подвергнуты политическим репрессиям по индивидуальным обвинениям, 6,3–6,7 миллиона человек стали жертвами депортаций⁴.

В 1990–2000-е годы сотрудниками Управления МВД России по Вологодской области была создана электронная база данных жертв политических репрессий советского периода, которые преследовались в административном порядке на территории нашей области. Подобная работа, касающаяся реабилитации лиц, преследовавшихся по политическим мотивам в уголовном порядке, проводилась и в областном УФСБ. В общей сложности электронные базы данных УМВД и УФСБ о лицах, преследовавшихся по политическим мотивам, содержат биографические сведения о более чем 36 тысячах человек⁵. Следует отметить, что базы данных продолжают пополняться.

Вопросы реабилитации лиц, подвергшихся политическим репрессиям, находятся в компетенции органов внутренних дел – в случаях, когда репрессии осуществлялись в административном порядке органами исполнительной власти, должностными лицами, общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями, и органов прокуратуры – в случаях, когда репрессии осуществлялись в уголовном порядке по решениям судов и внесудебных органов.

По состоянию на 1 января 2021 года численность реабилитированных составляет по данным Информационного центра УМВД России по Вологодской области 10 922 человека.

³ Жертвы политического террора в СССР. URL: <https://base.memo.ru/> (дата обращения: 31.03.2021).

⁴ Жемкова Е. Масштабы советского политического террора. URL: <https://www.memo.ru/media/uploads/2017/08/22/masshtaby-sovetskogo-politicheskogo-terrora.pdf> (дата обращения: 31.03.2021).

⁵ Реабилитация жертв политических репрессий. URL: https://vologda-oblast.ru/vlast/koordinatsionnye_i_soveshchatelnye_organy/komissiya_po_reabilitatsii_zhertv_politicheskikh_repressiy/reabilitatsiya_zhertv_politicheskikh_repressiy/ (дата обращения: 11.04.2021).

**Деятельность УМВД России по Вологодской области по реабилитации
жертв политических репрессий (1992–2020 годы)**

Год	Количество заявлений	Реабилитировано (чел.). Выдано справок о реабилитации	Признано пострадавшими от политических репрессий	Отказано в реабилитации (чел.)
1992	892	535	-	66
1993	1902	756	138	148
1994	4516	1450	961	359
1995	5999	1614	432	2140
1996	3964	3043	14	697
1997	1677	988	21	450
1998	981	490	22	338
1999	437	233	3	158
2000	375	182	-	103
2001	530	340	-	80
2003	401	163	-	103
2004	325	107	-	63
2005	245	87	-	54
2006	193	64	-	41
2007	189	69	-	57
2008	213	89	-	38
2009	178	85	-	29
2010	287	73	-	68
2011	233	88	-	89
2012	179	34	-	45
2013	183	51	-	49
2014	162	43	-	31
2015	138	37	-	10
2016	119	30	-	18
2017	42	3	-	11
2018	42	4	-	14
2019	27	18	-	7
2020	25	2	-	5
Итого	24971	10922	1595	5408

К сожалению, актуальных данных по другим ведомствам – областной прокуратуре и Управлению ФСБ – нам получить не удалось.

Без памяти о репрессиях невозможно строительство правового государства и гражданского общества, нравственное развитие граждан страны. Россия не может в полной мере обрести авторитет и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий.

15 августа 2015 года Правительством Российской Федерации была утверждена «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий»⁶. В ходе реализации этой Концепции предполагалось создать музейно-мемориальные комплексы и тематические экспозиции по истории политических репрессий, разработать учебные пособия и образовательные программы, создать базы данных, издавать книжно-журнальную продукцию, реализовывать научно-исследовательские проекты и т.д.⁷

Одним из результатов этой работы стало открытие общенационального мемориала жертв репрессий – Стены скорби в Москве в День памяти жертв политических репрессий – 30 октября 2017 года. Открывая монумент, президент РФ В.В. Путин сказал, что *«политические репрессии стали трагедией для всего нашего народа, для всего общества, жестоким ударом по нашему народу, по его корням, культуре, самосознанию»*, и *«это страшное прошлое нельзя вычеркнуть из национальной памяти и тем более – невозможно ничем оправдать»*⁸.

В январе 2020 года президент по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) поручил Федеральному архивному агентству (Росархиву), ФСБ, МВД и ФСИН рассмотреть вопрос о создании единой базы данных жертв политических репрессий и представить соответствующие предложения. Одновременно Госдуме было рекомендовано рассмотреть вопрос о внесении в российские законы поправок, определяющих понятие «место массовых захоронений» и регулирование деятельности по выявлению, учету, содержанию, благоустройству и сохранению мест массовых захоронений жертв политических репрессий⁹.

⁶ Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/393/> (дата обращения: 01.04.2021).

⁷ По итогам заседания совета при президенте по развитию гражданского общества и правам человека, состоявшегося 11 декабря 2018 года, Владимир Путин поручил правительству продлить до 2024 года срок реализации концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. См.: Путин поручил продлить срок реализации концепции о памяти жертв репрессий. URL: <https://ria.ru/20190221/1551188992.html> (дата обращения: 09.04.2021).

⁸ Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55948> (дата обращения: 31.03.2021).

⁹ Путин поручил продумать создание единой базы жертв политических репрессий. URL: <https://www.rbc.ru/society/30/01/2020/5e32c90f9a794746074b25f3> (дата обращения: 10.04.2021).

Однако реальность, как это часто бывает в России, расходится с благими начинаниями. В последние годы наметилась тревожная тенденция, заключающаяся в стигматизации и подавлении общественных организаций, занимающихся вопросами изучения политического террора в СССР. К примеру, Международное общество «Мемориал», ведущее активную исследовательскую, правозащитную и просветительскую работу, в 2016 году было внесено в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранного агента»¹⁰, что повлекло за собой неоднократные прокурорские проверки, значительные штрафы и бесконечные судебные процессы. С противодействием со стороны местных властей в некоторых городах столкнулись участники гражданской инициативы «Последний адрес», суть которой заключается в установлении на стены домов, в которых жили репрессированные, памятных табличек с краткой информацией о судьбах погибших¹¹. Все это, наряду с героизацией советской истории и табуированием ее трагических страниц, создает неблагоприятный общественно-политический фон для проведения историко-просветительской и научной работы по изучению и мемориализации мест, связанных с историей политических репрессий.

В результате существенно снизилось количество упоминаний о массовых репрессиях в СССР в средствах массовой информации: на телевидении, радио, в газетах и журналах, в интернет-ресурсах. Стоит ли после этого удивляться, что по данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2018 году, почти половина российской молодежи ничего не слышала о сталинских репрессиях¹², а по улицам российских городов стали курсировать «сталинобусы»¹³?

Важным шагом на пути увековечения имен репрессированных является издание Книг памяти, содержащих краткие биографические справки о расстрелянных, отправленных в лагеря, насильственно депортированных и сопутствующие исторические очерки, документы и приложения. Подобные книги-мартирологи опубликованы в большинстве субъектов Российской Федерации. Они нужны сотням тысячам людей в нашей стране и за ее пределами для того, чтоб найти хоть какие-то сведения о судьбах родственников. В ряде регионов (Алтайский край, Республика Коми, Республика Татарстан, Псковская и Самарская области и др.) в Книгах памяти названы почти все репрессированные, но в некоторых субъектах

¹⁰ Общество «Мемориал» признано иностранным агентом. URL: <https://www.vesti.ru/article/1511882> (дата обращения: 09.04.2021).

¹¹ «Самовольные объекты». Мэрия Екатеринбурга не приветствует установку знаков в память о жертвах Большого террора. URL: https://www.znak.com/2020-03-06/meriya_ekaterinburga_ne_privetstvuyut_ustanovku_znakov_v_ramyat_o_zhertvah_bolshogo_terrora (дата обращения: 10.04.2021).

¹² Почти половина российской молодежи не слышала о сталинских репрессиях. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bb7680b9a7947d994e9de30?from=materials_on_subjecthttps://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bb7680b9a7947d994e9de30?from=materials_on_subject (дата обращения: 10.04.2021).

¹³ Сталинобусы возвращаются. URL: <https://www.interfax-russia.ru/view/stalinobusy-vozvrashchayutsya> (дата обращения: 10.04.2021); Сталинобусы на День Победы проедут в 40 городах, включая Минск и Прибалтику. URL: <https://www.vesti.ru/article/1942953> (дата обращения: 10.04.2021).

Российской Федерации, в том числе в Вологодской области, таких изданий, к сожалению, до сих пор нет. И это при том, что всероссийскую известность получил вологодский опыт издания Книг памяти участников Великой Отечественной войны¹⁴. Главной причиной этого представляется, в первую очередь, отсутствие соответствующего решения областной Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, так как материалы по крайней мере для первого тома региональной Книги памяти давно подготовлены, но не издаются из-за отсутствия финансирования.

Вместе с тем, необходимо отметить, что запрос общества на сохранение памяти о жертвах политических репрессий существует.

В крупных городах области – Вологде и Череповце – установлены памятные камни. В областном центре мемориал расположен на улице Предтеченской, на месте бывшего Управления НКВД по Вологодской области. Памятник представляет собой гранитную плиту с выбоинами, похожими на следы от выстрелов, и имитацией колючей проволоки. В Череповце памятный камень уставлен недалеко от Макаринской рожи, где в 1940-е годы располагался Череповецкий исправительно-трудовой лагерь. В 2010 году памятный знак жертвам политических репрессий появился в г. Белозерске. Текст на плите гласит: «Землякам, погибшим в годы гонений и репрессий в 1920-е – 1950-е годы».

Мемориальные знаки установлены и в других местах Вологодчины – возле деревни Опоки, где располагался Опокский ИТЛ, в поселке Явенга Вожегодского района на месте бывшего спецпоселка, в местечке Чашниково под Вологодой, где производились захоронения расстрелянных. Таким образом, можно говорить о начале оформления топографии сталинского террора.

В последние годы работой по сохранению памяти репрессированных земляков активно занимается Ассоциация жертв политических репрессий при Совете ветеранов г. Череповца под руководством Александра Григорьевича Зельцера. Ее члены ведут поиск сведений в архивах, записывают воспоминания оставшихся в живых родственников, собирают фотографии и документы. Материалы публикуются в сборниках «Мы из XX века»¹⁵, а также на странице «Память о репрессиях» в социальной сети «ВКонтакте»¹⁶. Одним из важных результатов работы Ассоциации стало создание списка жителей Череповца и Череповецкого района, репрессированных в период с 1918 года до начала 1960-х годов¹⁷.

Аналогичную работу на базе образовательных учреждений проводят учителя и учащиеся. В 2006–2007 годах коллективом педагогов и учеников Полдарской средней образовательной школы Великоустюгского района были

¹⁴ Конасов В.Б., Латышева Л.А. Книга памяти Вологодской области: история создания, научно-исследовательское и воспитательное значение // Историк и его время. Памяти профессора В.Б. Конасова: сборник статей / под ред. В.В. Попова; сост. А.Л. Кузьминых. Вологда: Граффити, 2010. С. 39–57.

¹⁵ Мы из XX века: воспоминания жителей Череповецкого края о политических репрессиях. Кн. 1–5 / сост. Е.Ф. Булатова. Череповец: ИД «Порт-Апрель», 2016–2020.

¹⁶ Память о репрессиях. URL: <https://vk.com/club91083747> (дата обращения: 31.03.2021).

¹⁷ Жертвы политических репрессий. URL: <https://kniga.cherinfo.ru/repressirovannye> (дата обращения: 31.03.2021).

организованы несколько экспедиций в деревню Опоки с целью изучения истории родного края в период сталинских репрессий. На основе исследования архивных документов, воспоминаний очевидцев, обследования территорий бывшего Опокского ИТЛ и остатков гидроузла была подготовлена брошюра «Историческая память как духовно-нравственная проблема наших дней. Островок ГУЛАГа на Опокской земле»¹⁸.

Некоторые из школьных краеведческих работ по истории репрессий отмечены призовыми местами и дипломами лауреатов на конкурсах всероссийского и регионального уровня. Так, в 2018 году диплом 2-й степени по итогам Всероссийского школьного конкурса «Человек в истории. Россия – XX век» получила работа ученицы 9-го класса Явенгской школы Глянцева Веры «Забывать нельзя – помнить!» (научный руководитель: Людмила Ювенальевна Кратирова), в которой рассказывается о жизни и судьбах заключенных и спецпоселенцев в 1930–1940-е годы¹⁹.

Наконец, необходимо констатировать, что существует и круг профессиональных исследователей, изучающих историю политических репрессий и пенитенциарной практики. Региональные аспекты истории мест заключения, репрессий и депортаций представлены в монографиях и статьях Н.А. Беловой, А.Л. Кузьминых, С.И. Старостина, С.Н. Цветкова и других исследователей²⁰. Серия научных

¹⁸ Островок ГУЛАГа на Опокской земле: Историческая память как духовно-нравственная проблема наших дней / Бычихина Ольга Васильевна, Тчанникова Наталья. СПб.: ГАЛАРТ, 2009. 22 с.

¹⁹ Лауреаты XIX конкурса «Уроки истории. XX век». URL: <https://urokiistorii.ru/article/54715> (дата обращения: 11.04.2021).

²⁰ См.: Белова Н.А. Региональные аспекты пенитенциарной системы России (на материалах Вологодского края). Курс лекций. Вологда, 2013; Белова Н.А. Уголовно-исполнительная система и ее роль в реализации репрессивной политики Советского государства в 1937–1953 гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей). Вологда, 2014; Калашникова Н.В., Павлушков А.Р. История пенитенциарной системы Вологодского края: монография. Вологда, 2011; Кузьминых А.Л. Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). М., 2017; Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б. «Теперь я прибыл на край света...»: Т. 1. Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных Вологодской области (1939–1949): очерки и документы. Вологда, 2009; Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937–1953 гг.). Вологда, 2014; Органы внутренних дел Вологодского края в XX веке: страницы истории: сборник документов / Вологодский государственный университет, Вологодский областной архив новейшей политической истории; [составители: А.Л. Кузьминых, С.И. Старостин]. Вологда: ВоГУ, 2020; Старостин С.И. «Красный террор» в г. Кириллове // Великая российская революция 1917 г. в контексте региональной истории XX в. Материалы межрегиональной научной конференции. Вологда, 2017. С. 138–150; Старостин С.И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 212–317; Старостин С.И. Механизм массовых политических репрессий 1937–1938 гг. в Вологодской области (на примере газеты «Красный Север») // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2020. № 8. С. 90–107; Цветков С.Н. О прошлом ради будущего: из истории политических репрессий в Вологодской области (20–50-е годы XX столетия) // Историческое краеведение и архивы: материалы 4-й науч.-практической конференции. Вологда, 1997. Вып. 4. С. 21–29; Цветков С.Н. Политические репрессии против вологодской православной церкви в 1937–1938 гг. // Историческое краеведение и архивы: материалы научно-практической конференции. Вологда, 2000. С. 181–185; Цветков С.Н. Репрессии в Белозерье // Белозерье: краеведческий альманах. Вологда, 2007. Вып. 3. С. 219–227.

сборников по истории репрессивно-карательных органов, их взаимоотношениям с властью и обществом подготовлена сотрудниками кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России²¹.

В настоящее время важнейшей задачей является подготовка и публикация Книги памяти жертв политических репрессий Вологодской области, что возможно только путем объединения усилий историков, краеведов и архивистов, а также при организационной и финансовой поддержке со стороны региональных властей. Издание подобного мартиролога станет достойным вкладом в изучение истории нашего края, продолжением научных начинаний Виктора Борисовича Конасова и увековечением памяти жертв политических репрессий в XX веке.

*Профессор кафедры философии и истории
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний России,
доктор исторических наук, доцент*

А.Л. Кузьминых

*Главный архивист Вологодского областного архива
новейшей политической истории*

С.И. Старостин

²¹ См.: Исправительные учреждения Европейского Севера России накануне и в годы Великой Отечественной войны: сборник материалов научно-практического семинара. Вологда, 2005; Органы внутренних дел Вологодской области накануне и в годы Великой Отечественной войны: сборник материалов научно-практического семинара. Вологда, 2006; История пенитенциарных учреждений Вологодского края: сборник материалов научно-практического семинара. Вологда, 2006; История пенитенциарной системы России в XX веке: сборник материалов международного научного семинара. Вологда, 2007; Органы управления уголовно-исполнительной системы и карательная политика государства на Европейском Севере России: сборник материалов научно-практического семинара. Вологда, 2008; Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории. Ч. 1: Исторические очерки. Вологда, 2009; Ч. 2: документы и материалы. В 2-х т. Вологда, 2012.

К настоящему времени издано большое количество литературы о политических репрессиях в Советском Союзе. Однако относительное богатство фактологической базы соседствует с рядом принципиально не решенных вопросов. Так, отсутствует концептуальное объяснение природы и механизма массовых репрессий. Современного читателя вряд ли удовлетворит заявление о том, что репрессии были результатом злой воли и патологической подозрительности Сталина, поставившего цель уничтожить своих политических противников. Равным образом не раскрывает суть явления вывод о необходимости иметь своего рода «подсистему страха» для «поддержания всякой авторитарной политической системы»¹.

В опубликованных работах имеется и другой существенный пробел. Политическая юстиция, как справедливо замечают В.Н. Кудрявцев и А.И. Трусов, не рассматривается авторами «как единый институт в системе тоталитарного государства – институт, ставший инструментом «большого террора». Как следствие, остались без ответа вопросы о сущности политической юстиции в СССР, о предпосылках ее возникновения, последствиях влияния на отечественную правовую теорию, законодательство и юридическую практику².

Зарубежные историки так называемого ревизионистского направления считают ошибочным представление о массовом политическом терроре в СССР, как целенаправленной акции руководства страны и рассматривают советское общество как активную силу, взаимодействующую с государством. Другими словами, ревизионисты склонны рассматривать сталинский режим не как тоталитарный, а как авторитарный³. Отраден, конечно, тот факт, что на историю советского государства наши зарубежные коллеги начинают смотреть иными глазами, не отводят народу, как ранее, роль «безмолвствующего статиста». Однако, на наш взгляд, стране победившего социализма были присущи все атрибуты именно тоталитарного режима. Прежде всего – тотальный контроль государства за всеми сферами жизни общества.

Важно не упустить из виду и то обстоятельство, что Сталину удалось привлечь на свою сторону широкие народные массы. Решающую роль в данном случае сыграли популистские меры, которые власть использовала в целом ряде случаев просто артистически. Среди этих мер – лозунги самокритики и критики начальников всех уровней, периодические разоблачения «вредителей дела социалистического строительства» и их наказание, прославление ударничества и стахановского движения, целенаправленное создание героев и мифов сталинской эпохи. Немаловажную роль играл сценарий проведения репрессий. Борьба с «врагами народа» шла волнообразно: наступление

на политических противников и прочий «контрреволюционный элемент» обязательно сменяло отступление. Это временное отступление сопровождалось наказанием тех рьяных исполнителей сталинских директив, которые допускали перегибы на местах. Таким своеобразным способом удовлетворялось исконно живущее в народе чувство справедливости. Как точно подметила И.В. Павлова, власть до такой степени научилась манипулировать настроениями народа, что от его имени оформляла решения по поводу наказания своих политических противников и принимала законы, ущемляющие права этого самого народа⁴.

В настоящее время крайне затруднен объективный анализ работы органов госбезопасности, внутренних дел, суда, прокуратуры. Критика этих ведомств затмевает их героическую деятельность в тылу противника, борьбу с иностранной разведкой и уголовной преступностью. Между тем необходимо четко разграничивать правовой порядок и беззаконие, ответственность и произвол. Только в этом случае мы сможем воссоздать максимально объективную картину функционирования советской правовой системы.

Обращает на себя внимание то, что история политических репрессий на региональном уровне всестороннего освещения в научной литературе пока не получила. Применительно к Европейскому Северу СССР исключение в данном случае составляет, пожалуй, лишь проблема кулацкой ссылки⁵ и депортации в отдаленные регионы СССР «наказанных народов»⁶. Однако такая проблема, как уголовные репрессии в отношении бывших царских чиновников, предпринимателей, духовенства, рабочих, колхозников, интеллигенции, партийных, советских и военных кадров, специально не изучалась. Единственным изданием на эту тему, охватывающим период так называемого «большого террора», является документальный сборник «Репрессии в Архангельске: 1937 – 1938. Документы и материалы»⁷. Фрагментарное освещение на региональном уровне интересующая нас тема получила в «Книгах памяти жертв политических репрессий»⁸. С учетом высказанных соображений, обращение автора к проблеме репрессий в Вологодском крае в период с 1917 по 1953 годы является вполне логичным и оправданным.

Настораживает тот факт, что моральному осуждению и объективной критической оценке политических репрессий в СССР в последнее время препятствуют определенные круги во властных структурах, переживающие ностальгию по канувшей в Лету советской эпохе. Не по их ли заказу история России обрастает новыми мифами, абсолютизируется угроза капиталистического окружения, снимающая с советского руководства вину за проводимую в стране репрессивную политику. Проведенный учеными по заказу Музея и общественного центра имени А.Д. Сахарова анализ показал, что школьные

учебники по истории очень фрагментарно освещают проблему противостояния личности, общества и государственной власти, равно, как и историю политических репрессий в СССР⁹. В средствах массовой информации почти не слышно некогда мощного голоса правозащитных организаций. Хотелось бы надеяться, что настоящая книга заставит читателя вспомнить не только о преступлениях сталинского режима, но и о необходимости бережного отношения к завоеванным правам и свободам.

* * *

Невозможно представить себе целостную и всестороннюю картину политических репрессий в СССР без истории пенитенциарной практики государства. Между тем отечественная и зарубежная историография не может похвастаться глубоким и всесторонним анализом различных аспектов функционирования советских пенитенциарных учреждений в 1918–1953 годы. Вплоть до настоящего времени подход к данной проблеме во многом определяли и определяют политические и конъюнктурные соображения. Так, до середины 80-х годов историки и юристы непременно делали вывод о положительной роли пенитенциарной системы в процессе строительства Советского государства¹⁰. В свою очередь зарубежные авторы, в основном эмигранты из СССР, видели в лагерях, колониях и тюрьмах «империи зла» лишь одну теневую сторону¹¹. Это было связано с тем, что героями их произведений были лица, осужденные за свои политические убеждения и «контрреволюционные преступления». Уголовный мир в мемуарных свидетельствах этих авторов предстает перед читателем в лице отъявленных профессиональных бандитов и грабителей, с помощью которых начальство утверждает заведенные за колючей проволокой порядки.

Изменения в политической и духовной жизни страны, начавшиеся с приходом к власти М.С. Горбачева, положили начало новому этапу историографии пенитенциарной системы сталинского периода. Традиционные подходы, содержавшие марксистско-ленинские компендиумы, перестали быть единственно верными. Свободу и плюрализм мнений, появление новых концепций стимулировали научные дискуссии на конференциях российского и международного уровня. Вместе с тем явственно обозначилась тенденция крайне негативного освещения проблемы функционирования пенитенциарных учреждений в бывшем СССР. Разумеется, отыскивать в деятельности лагерей и тюрем сталинского периода позитивную сторону – дело неблагодарное, некоторые критики с легкостью навесят на историка ярлык ярого сталиниста.

Однако нельзя отрицать необходимость существования мест лишения свободы вообще. Точно так же, как делать вывод о том, что без пенитенциарных учреждений, с их порочной практикой превращения человека в «лагерную пыль», сталинский режим был бы куда более либеральным.

Впрочем, отзвуки традиционных подходов довлеют и над современными исследователями. Согласимся с мнением М.Г. Деткова об ошибочности тезиса С.И. Кузьмина о том, что исправительно-трудовая политика 30–40-х годов не содержала установок на притеснение и произвол в отношении заключенных¹². Равным образом, трудно признать правоту тезиса А.С. Смыкалина, считающего, что пенитенциарная политика Советского государства исходила из искреннего убеждения руководства страны в правоте марксистско-ленинских идей. В Кремле якобы верили, что революция продолжается, но только в новых международных условиях, заставляющих помнить о классовых врагах и необходимости уничтожения непримиримых противников советской власти¹³.

Одним словом, единства во взглядах ученых на пенитенциарную практику 20-х – начала 50-х годов не существует. И в этом нет ничего предосудительного. Изучение истории лагерей в отдельных краях и областях бывшего СССР, к примеру, еще только началось. Так, Н.В. Упадышев издал книгу «ГУЛАГ на Архангельском Севере»¹⁴. Яркую картину жизни Вятлага – одного из крупнейших лагерей СССР – рисует В.А. Бердинских¹⁵. Пребыванию иностранных военнопленных Второй мировой войны в лагерях Вологодской и Архангельской областей посвятил свою монографию А.Л. Кузьминых¹⁶. Несколько статей по истории Вологодских тюрем в 30–50-е годы опубликовала Н.А. Белова¹⁷.

В настоящей книге впервые делается попытка проанализировать два неразрывных звена одной цепи – репрессивную политику государства и его пенитенциарную практику в 1918–1953 годах. Комплексное исследование истории политических репрессий и истории лагерей, отдельных лагерных пунктов и тюрем на примере Вологодского края представляется методологически обоснованным и вполне своевременным. Хорошо известно, что достоверное полотно событий в масштабах государства невозможно воссоздать, не изучая ту или иную проблему на региональном уровне. Наконец, появление книги впишет еще одну, ранее неизвестную главу в историю родного края.

В работе над созданием этой книги автору оказали помощь работники архивов, областной и ведомственных библиотек, правоохранительных органов, правозащитных общественных организаций, а также сотрудники Вологодского института права и экономики. Особо хочется поблагодарить директора Вологодского областного архива новейшей политической истории С.Н. Цветкова, главного специалиста Информцентра УВД Вологодской области С.И. Старостина, старшего помощника прокурора области по надзору за процессуальной деятельностью органов безопасности Л.К. Калинину, председателя комиссии по правам человека при Губернаторе Вологодской области В.В. Судакова, коллег по работе А.Л. Кузьминых, Б.О. Смолина, Н.А. Белову, И.Н. Попову, Н.А. Фокиеву. Выражаю признательность рецензентам – доктору исторических наук Б.В. Петелину, доктору юридических наук, профессору А.Е. Епифанову, кандидату исторических наук, доценту А.Р. Павлушкову.

Примечания

¹ Попов Г.Х. С точки зрения экономиста (О романе А. Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь. – 1987. – № 4. – С. 62–63.

² Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – СПб., 2002. – С. 9.

³ См.: Павлова И.В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. – Новосибирск, 1997. – Вып. 3 – С. 5.

⁴ Там же. – С. 28.

⁵ Спецпоселки в Коми области (по материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.): Сборник документов / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. – Сыктывкар, 1997; Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера России и Приуралья: Материалы регионального научного симпозиума. – Сыктывкар, 2004; Старостин С.И. Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930–1956 годы // Историческое краеведение и архивы: Сборник статей. – Вологда, 2003. – Вып. 9. – С. 109–125.

⁶ Лозинская Т.Н. Репрессии против немцев (по материалам архива УВД Архангельской области) // Немцы и Русский Север: Сборник статей. – М., 2000; Старостин С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области (1940–1946 гг.) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции. – Вологда, 2005. – С. 219–229.

- ⁷ Репрессии в Архангельске: 1937–1938: Документы и материалы. – Архангельск, 1999.
- ⁸ См., напр.: Книга Памяти. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области. – Мурманск, 1997; Поморский мемориал: Книга памяти жертв политических репрессий / Отв. ред. Ю.М. Шперлинг. – Архангельск, 2001.
- ⁹ Школьные уроки по теме «История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР»: Итоги второго международного конкурса учителей истории и обществоведения. – М., 2004. – С. 11.
- ¹⁰ Крахмальник Л.Г. Труд заключенных и его правовое регулирование в СССР. – Саратов, 1963; Кузьмин А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений в России (1917–1924). – Омск, 1980; Курицын В. Участие общественности в осуществлении исправительно-трудовой политики (1917–1933 гг.) // Труды ВШ МВД СССР. – М., 1977 и др.
- ¹¹ Никольский Б. Принудительный труд в СССР. – Лондон, 1948; Исправительные работы в Советской России. – Париж, 1949; Бердихин А. Цена одной дороги // Голос народа. – Мюнхен, 1951. – С. 38–42; Андреев Г. Артемий самоцвет // Посев. – 1949. – № 1 и др.
- ¹² Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. – М., 1999. – С. 203.
- ¹³ См.: Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. – М., 1999. – С. 24.
- ¹⁴ Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы: Монография. – Архангельск, 2004.
- ¹⁵ Бердинских В.А. Вятлаг. – Киров, 1998.
- ¹⁶ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Вологда, 2005.
- ¹⁷ См. напр.: Белова Н.А. Вологодские тюрьмы и карательная политика государства в 1930–1950 годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции. – Вологда, 2005. – С. 204–210.

ГЛАВА 1

СПЕЦСЛУЖБЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА И ПРАКТИКА РЕПРЕССИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В официальной науке дореволюционной России господствовала классическая школа уголовного права с ее демократическими принципами презумпции невиновности, соразмерностью наказания степени вины, неприменения обратной силы закона и т.д. Во главе этой школы был выдающийся ученый Н.С. Таганцев. Когда в 1917 году к власти в стране пришли большевики, на роль главных теоретиков права стали претендовать ранее мало известные общественности юристы П.И. Стучка, Н.В. Крыленко, Д.И. Курский. Эти слуги закона сразу же заняли леворадикальные позиции в области правовой теории и практики. Отрицая прежнее право со всеми его атрибутами, они отводили решающую роль революционному правосознанию. В декрете СНК «О суде», принятом 24 ноября 1917 года (автор проекта П.И. Стучка), говорилось, что местные суды руководствуются старыми законами «лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»¹. Из судебной практики изымались как буржуазные и не отвечающие классовым интересам трудового народа все демократические принципы правосудия – независимость судей, состязательность и гласность судебного процесса, отделение суда от администрации и другие, выработанные еще реформой 1864 года.

Процесс создания нового пролетарского права (позднее оно получит название социалистического) шел трудно и противоречиво, в обстановке непрекращающихся споров о природе права, его отмирании. В основе всех этих дискуссий лежала идея разрушения буржуазных правовых ценностей и замена их такими, которые обеспечат стране победу диктатуры пролетариата. Новая плеяда пролетарских юристов особо подчеркивала абсурдность применения классической теории права в сфере борьбы с политическими преступниками. Так, П. Кузьмин отмечал, что «в организацию уголовной репрессии по политическим преступлениям вносятся совершенно иные принципы, чем принципы отвешивания по эквиваленту, а именно принцип политической целесообразности господствующих классов». Эти господствующие классы в лице пролетариата и беднейшего крестьянства, по мысли автора, должны применять к политическим противникам «крайние и жесткие виды репрессии, не считаясь с их несоответствием объективной тяжести преступления»².

7 декабря 1917 года В.И. Ленин писал Ф.Э. Дзержинскому: «Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс... Необходимы экстренные меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками»³. Вечером того же дня постановлением СНК РСФСР учреждается ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем во главе с Ф.Э. Дзержинским. Важнейшими функциями этой комиссии считались предотвращение и ликвидация всех контрреволюционных попыток, предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров. В числе возможных мер борьбы с политическими противниками назывались конфискация имущества, лишение продуктовых карточек, опубликование списков врагов народа в печати и т.д. Полномочия ВЧК были сформулированы весьма расплывчато. В частности, ни слова не говорилось об ответственности органов ВЧК за их превышение.

В марте 1918 года началось создание Чрезвычайных комиссий при губернских, областных и уездных советах. Эти комиссии наделялись правом производить аресты, обыски, реквизиции, конфискации. На практике полномочия ЧК в регионах были гораздо шире. Наводящие ужас на обывателя приказы о расстрелах «всех выступающих письменно и устно против Советской власти» издавались по всей России еще до официального объявления о «красном терроре»⁴.

5 сентября 1918 года после убийства председателя Петроградского ЧК М.С. Урицкого и покушения на В.И. Ленина СНК РСФСР принял постановление о красном терроре. Перед ВЧК ставилась задача изолировать классовых врагов в концентрационных лагерях. Далее говорилось, что лица, «прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам, мятежам», подлежат расстрелу. Списки расстрелянных контрреволюционеров и саботажников публикуются в печати⁵.

Руководствуясь постановлением Совнаркома и ВЧК, чрезвычайные комиссии на местах приступили к аресту в качестве заложников представителей буржуазии, царских чиновников, членов антисоветских партий. К высшей мере наказания приговаривались как руководители, так и рядовые участники контрреволюционных заговоров и мятежей. Репрессии коснулись и подавляющей части заложников. 1 декабря 1918 года Секретная инструкция ВЧК предоставила чрезвычайным комиссиям губернского, областного и уездного масштаба право в случае необходимости производить наложение штрафов, высылку, расстрелы в административном порядке. Вряд ли может существовать что-либо более не правовое, чем смертная казнь в административном, т.е. в приказном порядке.

Оправдывая практику работы чекистов, авторы изданной в 1989 году по инициативе КГБ «Красной книги ВЧК» пишут: «Разумеется, институт заложничества не укладывается в рамки категорий нравственности и законности.

Точно так же наделение чрезвычайных комиссий внесудебными полномочиями таило в себе угрозу нарушения ими законов, не давало возможности в должной мере гарантировать права граждан. Коммунистическая партия и Советское государство все это прекрасно понимали. В партийных организациях и Советах, в печати проходили острые дискуссии по вопросу изъятия у чрезвычайных комиссий права на непосредственную репрессию. Тем не менее обстоятельства неумолимо заставляли советскую республику идти на эти крайние меры борьбы»⁶.

Для большей аргументации выдвинутого оправдательного тезиса авторы процитировали В.И. Ленина, видимо, не задумавшись, насколько глубоко обнажат его слова суть политического террора и в каком нелицеприятном виде предстанет перед читателем вождь мирового пролетариата: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше – посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или *невиновных* (курсив мой. – В.К.) сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? – Первое лучше»⁷.

Еще в феврале 1919 года ЦК РКП(б) направил коммунистам, работавшим в Чрезвычайных комиссиях, специальное обращение. В обращении говорилось, что «ЧК созданы и работают лишь как прямые органы партии, по ее директивам и под ее контролем»⁸. На практике это означало, что, во-первых, нормативные акты по охране законности в стране принимались лишь с одобрения партийных инстанций. Во-вторых, руководители ЧК любого регионального уровня утверждались партийными инстанциями. Политические директивы партии рассматривались чекистами как руководство к действию. Получается, что эти директивы в виде призывов, решений партийных съездов и пленумов, постановлений ЦК и т.д. подменяли законы государства. В феврале 1919 года не без подсказки высшей партийной инстанции появляется Секретный отдел ВЧК, названный позднее секретно-политическим. Он был создан специально для борьбы с «антисоветскими партиями, политическими группами и организациями», а также для слежки за интеллигенцией и духовенством.

Таким образом, для большевиков ВЧК, действительно, стала самым настоящим «щитом и мечом». С помощью этой государственной машины В.И. Ленину и его соратникам удалось не только удержать власть, но и реализовать свою идеологическую доктрину, установив пресловутую диктатуру пролетариата.

Политические репрессии осуществляли не только чрезвычайные комиссии. Уже упомянутый нами декрет СНК «О суде» от 24 ноября 1917 года предусмотрел создание особых судов – революционных трибуналов. «Коренным отличием трибунального суда от суда общего, – говорилось в одном

из приказов ВЧК, – должны быть необычайная быстрота, во-первых, и необычайная суровость, во-вторых, где подсудимый имеет минимум прав и где его интересы сознательно приносятся законом в жертву интересам целого»⁹.

Революционные трибуналы должны были рассматривать дела о контрреволюционных преступлениях, мародерстве, саботаже. Их заседатели избирались Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При трибуналах образовывались следственные комиссии. В инструкции НКЮ РСФСР от 19 декабря 1917 года содержался перечень преступлений, которые мог рассматривать ревтрибунал, а также перечень наказаний, которые он мог накладывать: штраф, лишение свободы, удаление из отдельных местностей или из России, общественное порицание, объявление врагом народа, конфискация имущества, обязательные общественные работы¹⁰. Регламентируя судебную деятельность ревтрибуналов, Кремль стремился хоть в какой-то мере ввести репрессии в законодательное русло, ограничить внесудебные функции ВЧК. Трибуналам предоставлялась возможность проверки следственных действий чрезвычайных комиссий, их члены имели право проверить законность содержания арестованных под стражей. Увы, репрессивная практика революционных трибуналов, в состав которых избирали трех человек сроком на один месяц, несущественно отличалась от внесудебных расправ чрезвычайных комиссий.

С 21 февраля 1918 года права ВЧК в вопросе применения наказаний существенно расширяются, поскольку именно они становятся непосредственными исполнителями декрета СНК «Социалистическое Отечество в опасности». А этот декрет установил, что «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления». В феврале 1919 года высшее партийное и советское руководство вновь попыталось несколько сузить репрессивные полномочия ВЧК. Постановлением ВЦИК «право вынесения приговоров по всем делам, возникаемым в чрезвычайных комиссиях, передается реорганизованным трибуналам». Однако тут же говорилось, что за чрезвычайными комиссиями сохраняется прерогатива непосредственной расправы с участниками контрреволюционных выступлений.

Проходит четырнадцать месяцев. 29 мая 1920 года ВЦИК и Совет Труда и Оборона окончательно и бесповоротно закрепляют приоритет в области применения репрессий за ВЧК. Ей и ее периферийным органам предоставлялось право рассмотрения дел «в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности республики». К таким преступлениям были отнесены взрывы, поджоги, измена, шпионаж, спекуляция военным имуществом, преступное нерадение при проведении охраны военных объектов. Вновь вводилась смертная казнь, отмененная 17 января 1920 года. Таким образом, все четыре функции уголовной юстиции, обычно разделенные между ведомствами,

а именно: розыск подозреваемого, предварительное следствие, судебное рассмотрение дела и исполнение наказания оказались в руках чрезвычайных комиссий¹¹.

В связи с окончанием гражданской войны, в относительно спокойной обстановке нэпа, вопрос о реформе ВЧК был поставлен кардинально. В.И. Ленин предлагает дать ВЧК новое название, сузить компетенцию и ограничить права защитницы завоеваний революции. 28 декабря 1921 года IX Всероссийский съезд Советов принял решение о реорганизации ВЧК. Мотивировалось это решение тем, что «укрепление советской власти вовне и внутри позволяет сузить круг деятельности ВЧК и ее органов, возложив борьбу с нарушениями законов на судебные органы»¹².

6 февраля 1922 года президиум ВЦИК выносит постановление об упразднении ВЧК и организации при НКВД Государственного политического управления. Важнейшими задачами ГПУ признавались подавление открытых контрреволюционных выступлений, борьба со шпионажем, выполнение специальных поручений президиума ВЦИК и СНК по охране революционного порядка. Новому ведомству давалось право проведения обысков, выемок и арестов. Далее в постановлении говорилось, что «впредь все дела о преступлениях, направленных против советского строя», рассматриваются «исключительно в судебном порядке ревтрибуналами или народными судами по принадлежности»¹³. Надзор за следственными действиями ГПУ должен был осуществлять Наркомат юстиции.

Политические противники большевиков не поверили в искренность намерений советской власти отказаться от внесудебных политических репрессий. В заграничной прессе на этот счет появились статьи и памфлеты, суть которых нашла образное выражение в перефразированной классической цитате: «ЧК умерла, да здравствует ЧК». Действительно, без внесудебных репрессий большевистское правительство продержалось недолго. Уже через полгода, а именно 10 августа 1922 года, декрет ВЦИК «Об административной высылке» наделил ГПУ правом внесудебной репрессии. Высланные граждане лишались избирательных прав и поступали под надзор местного ГПУ. 16 октября 1922 года ВЦИК предоставил ГПУ полномочия на «внесудебную расправу вплоть до расстрела»¹⁴. Все эти карательные функции позднее автоматически перешли к ОГПУ. В 1926 году Президиум ЦИК СССР доверил Особому Совещанию при этом ведомстве внесудебную расправу, в том числе расстрел, в отношении лиц, уличенных в контрабанде или насилии над пограничной охраной. Год спустя ОГПУ было разрешено «рассматривать во внесудебном порядке вплоть до применения высшей меры наказания и опубликования в печати, дела по диверсиям, поджогам, пожарам, взрывам, порче машинных установок, как

со злым умыслом, так и без оного». Наконец, в этом же 1927 году право внесудебного рассмотрения дел, вплоть до применения расстрела, было распространено на белогвардейцев, шпионов и бандитов¹⁵.

И.В. Сталин категорически возражал против контроля ЦК ВКП(б), прокуратуры и прокуратуры за осуществлением ОГПУ внесудебных функций. В планы вождя уже тогда, судя по всему, входило превращение органов госбезопасности в средство решения определенных политических задач. Внесудебные полномочия ОГПУ призваны были не только обезопасить страну от контрреволюционных выступлений, но и уничтожить в недалеком будущем политических противников режима личной власти вождя. В этой связи признания председателя ВЦИК М.И. Калинина в печати о том, что «компетентные органы» допускают «ошибки, самоуправство и даже злоупотребление, которые, конечно, жестоко отзываются на попавших под воздействие ГПУ»¹⁶, по большому счету ничего не значили.

1 июня 1922 года в действие вступил Уголовный кодекс РСФСР. За усиление карательных мер в отношении контрреволюционно настроенных лиц в данном случае ревностно выступал В.И. Ленин. В своей записке нарком юстиции Д.И. Курскому вождь, ознакомившийся с проектом первого российского Уголовного кодекса, рекомендовал «расширить применение расстрела» за посягательства на советскую власть. В частности, предлагал «ставить к стенке» граждан, ведущих антисоветскую пропаганду и агитацию. 17 мая 1922 года В.И. Ленин направляет нарком юстиции набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Его идею председатель Совнаркома сформулировал предельно четко: «Суд должен не устранить террор, обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»¹⁷. Комментарии к данному заявлению вождя первой в мире страны социализма, думается, излишни.

Глава 1 УК РСФСР 1922 года имела два раздела «О контрреволюционных преступлениях» и «О преступлениях против порядка управления». Вопреки предложению В.И. Ленина, статья об антисоветской пропаганде и агитации (ст. 69) предусматривала расстрел только при чрезвычайных обстоятельствах. Зато было учтено его требование о вынесении высшей меры наказания любому участнику контрреволюционных организаций. Допускалось, правда, при смягчающих обстоятельствах, лишение политического противника свободы (ст. 60–63). В особенной части главы 1 УК РСФСР были сформулированы определения составов контрреволюционных преступлений.

1 января 1927 года вступил в силу УК РСФСР 1926 года. Приоритетом в защите от возможных преступных посягательств новый кодекс объявил «охрану социалистического государства рабочих и крестьян и установленного в нем правопорядка»¹⁸. Классовая, политическая направленность норм уголовного права была подчеркнута в ст. 6: «Общественно опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени». Основанием для применения закона необязательно должна была служить доказанная вина в совершении конкретного преступления. В соответствии со ст. 7 меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского либо медико-педагогического характера могли применяться к лицам, «представляющим «опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности».

Ссылаясь на обострение классовой борьбы в деревне, 25 февраля 1927 года ЦИК принял «Положение о преступлениях государственных». «Положение» ввело новые статьи, предусматривающие ответственность за антисоветские действия (ст. 11 – за участие в заговоре и ст. 14 – за саботаж). В документе также был унифицирован состав «контрреволюционной пропаганды и агитации», который теперь включал все их формы, содержавшие призывы к свержению, подрыву и ослаблению советской власти без контрреволюционных целей. Несколько позднее весь этот перечень преступных деяний вошел в особенную часть УК РСФСР под названием «Преступления государственные».

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года не только давал возможность произвольно, предубежденно толковать и применять содержащиеся в нем нормы, но и постоянно дополнялся законами, которые объявляли политическими обычными уголовные преступления. Так, 26 марта 1928 года ВЦИК по инициативе Наркомата юстиции и Наркомата внутренних дел принимает постановление «О карательной политике и состоянии мест заключения». В пункте 1 этого документа говорилось: «...Применять суровые меры репрессии исключительно в отношении классовых врагов и деклассированных преступников – профессионалов и рецидивистов (бандитов, поджигателей, конокрадов, растратчиков, взяточников и воров); дополнять назначение суровых мер репрессии в отношении перечисленных элементов не менее строгим осуществлением приговоров»¹⁹.

Таким образом, к началу массовых репрессий 30-х годов их законодательная база уже существовала, равно, как и богатый опыт карательной практики органов госбезопасности. Оставалось только использовать этот опыт в процессе фабрикации дел в отношении мифических «врагов народа» и перейти к глобальному политическому террору в стране.

Первые массовые репрессии в Вологодском крае, как и по стране в целом, начались еще на заре большевистской власти. 14 мая 1918 года декретом СНК в стране был объявлен режим продовольственной диктатуры. Вводились твердые цены, запрещалась торговля хлебом. Объявленный «великий крестовый поход» вооруженных рабочих в деревню за хлебом вылился в тотальную войну с крестьянством. С октября 1918 года по март 1919 года на Европейском Севере произошло 113 крупных крестьянских выступлений, причинами которых были в 18 случаях – «продовольственный кризис», в 10 – «изъятие чрезвычайного налога», в 19 – «мобилизации и повинности», в 5 – «недовольство действиями должностных лиц», в 31 – «контрреволюционная агитация», в 30 – «иные и неизвестные причины».

За короткий срок продотряды изъяли в Тотемском уезде Вологодской губернии 28 тысяч пудов хлеба, в Никольском уезде Северо-Двинской губернии – 850 тысяч. Борьба за хлеб была жесткой и бескомпромиссной. В Тотемском уезде крестьяне схватили 16 продотрядовцев, заперли их в сарай, а ночью расстреляли²⁰. В Никольском уезде изъятие хлеба осуществляли реквизиционно-продовольственные отряды под руководством большевиков Е.М. Шекуна, К.П. Хлюстова, Г.М. Шаршавина. В деревне Цибино под Чебсарой милиционер В.Г. Цветков, направленный из Вологды в родные края изымать «излишки» хлеба, был схвачен разъяренной толпой и жестоко избит²¹.

Уже тогда во внесудебном порядке были приговорены к различным мерам наказания, в том числе к расстрелу, не только руководители и активные участники крестьянских выступлений, но и лица, выражавшие несогласие с политикой советской власти²². В частности, в 1918 году за «неподчинение советской власти» постановлением Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем Никольского уезда был приговорен к расстрелу крестьянин Камкин Павел Иванович. Тогда же был осужден на длительный срок лишения свободы крестьянин Оштинского уезда Ваницын Николай Дмитриевич.

В дни работы X съезда РКП(б), принявшего решение об отказе от политики продрозверстки, в Вельском уезде Вологодской губернии началось крупное крестьянское восстание, подавить которое властям удалось лишь 29 марта 1921 года. Мятеж охватил Есютинскую, Никифоровскую, Морозовскую, Кокшеньгскую и Шадринскую волости. Восставшие задерживали подводы с хлебом, направлявшиеся на станцию Коноша, громили волостные исполкомы, избивали коммунистов. Двое были убиты²³. В том же Вельском уезде, в Кулойско-Покровской волости, крестьяне создали «Комитет свержения Советской власти». Для ликвидации восстания был послан отряд милиции во главе с Федором Басовым.

Для подавления мятежа в селе Верховье из Верховажья прибыл отряд красноармейцев в количестве 16 человек²⁴.

В 1918 году Вологодский край переживал очень тяжелое продовольственное положение. 19 июля в Вологде отпускаемый населению хлебный паек составлял 100 граммов на человека. В Усть-Сысольском уезде к 1 июля в шестнадцати волостях царил голод²⁵. Тяжелая продовольственная ситуация в Вологодской губернии весной 1921 года усугублялась не только тем, что крестьяне продолжали жить в условиях политики продразверстки, но и «отдавали» хлеб в фонд помощи голодающему Поволжью. В советской литературе голод, как известно, объяснялся бесчинствами белогвардейцев и невиданной засухой. На самом деле, как выяснили современные исследователи, погодные условия в 1920–1921 годах были гораздо лучше, чем, к примеру, в печально известные голодные 1891, 1906 и 1911 годы. «Главной причиной голода в Среднем Поволжье, – делает вывод И.А. Чуканов, – стала проводимая коммунистами экономическая политика. Она привела к резкому снижению товарности сельского хозяйства»²⁶.

В 1919–1920 годах наряду с отдельными выступлениями крестьян, саботированием мероприятий по изъятию хлеба особо значимое место занимало дезертирство из рядов Красной Армии. В июле-августе 1919 года в Вологодской губернии насчитывалось свыше шести тысяч дезертиров. В ряде случаев, как, например, в июле 1919 года, дезертиры объединялись в повстанческие отряды «зеленых». Движение «зеленых» охватило Вологодский и Грязовецкий уезды.

Все дезертиры по постановлению Центральной временной комиссии по борьбе с дезертирством от 28 февраля 1919 года делились на две категории: «злостных» и «проявивших слабость воли» («незлостных»). К первой категории относились красноармейцы, «пробывшие в отлучке более 14 дней; побег которых сопровождался уносом казенных вещей... оказавшие сопротивление при задержании, бежавшие два раза и более». Во вторую категорию попадали бойцы РККА, отсутствовавшие в расположении своей части менее двух недель, или беглецы, причина дезертирства которых признавалась губернскими, уездными комиссиями уважительной²⁷.

Нередко дезертиры из разряда «злостных» становились лидерами крестьянского повстанческого движения. За участие в уже упомянутом Вельском восстании 1921 года было осуждено 436 человек. Организаторами были признаны 13 человек, из них 8 дезертиров²⁸. Еще один пример по этому поводу. Рядовой Ардалион Семенович Веселов, оставив свой батальон и вернувшись в родную деревню Иванцево Корбангской волости Кадниковского уезда, вскоре возглавил группу дезертиров, численностью около 60 человек.

Эти противники советской власти агитировали население не являться на призывной пункт. В конечном итоге властям удалось схватить дерзкого дезертира, призывы которого находили отклик среди односельчан. Кадниковская дезертиркомиссия, направляя дело А.С. Веселова в Ревтрибунал, рекомендовала его расстрелять²⁹.

О масштабах дезертирства в Вологодском крае и борьбе с этим «позорным явлением» красноречиво свидетельствуют цифры. На 5 сентября 1919 года в лесах семи уездов Вологодской губернии укрывалось от мобилизации около 5060 человек. По состоянию на 14 марта 1920 года только Кадниковской уездной комиссией было зарегистрировано 6765 дезертиров. Всего по Вологодской губернии с января 1919 по 1 января 1921 года было зарегистрировано 51 102 армейских дезертира, из которых «злостными» были признаны 13 808 человек. Массовые расстрелы злостных дезертиров практиковались, к примеру, в Тотемском уезде. Только в Чучковской и Биряковской волостях было расстреляно 13 крестьян. Большевицкая власть наказывала за оказание помощи дезертирам их семьи, знакомых и близких, сочувствующих чиновников. Так, с 26 сентября 1919 по 27 января 1920 года были привлечены к ответственности за укрывательство в Каргопольском уезде 4 волостных военных комиссара и 6 работников уездных комиссий по борьбе с дезертирством³⁰.

В Череповецкой губернии, территория которой в 1927 году вольется в состав Ленинградской, а в 1937 году – Вологодской области, в ходе облав было задержано 13 365 дезертиров. Приговорено к расстрелу – 47, тюремному заключению – 562, отбыванию наказания в концентрационном лагере – 481, несению службы в штрафных частях – 849, принудительным работам – 19. Вынесено 785 условных приговоров. Более 1100 семей дезертиров и их укрывателей лишены имущества, конфисковано 698 голов рогатого скота, 8 лошадей, 172 надела земли. Укрыватели и семьи дезертиров были оштрафованы на 10 755 364 рубля. На «дезертирские» волости была наложена контрибуция на общую сумму 3 255 899 рублей³¹.

Причину дезертирства из рядов РККА во многом объясняет то, что крестьянам было необходимо поддерживать свои единоличные хозяйства. Им приходилось рассчитывать исключительно на свои силы, поскольку органы социального обеспечения не гарантировали семьям красноармейцев спасения от голодной смерти. Выдача красноармейского пособия Вологодским губернским отделом социального обеспечения и губернским продовольственным комитетом, к примеру, в 1919 году производилась только частично и несвоевременно. В свою очередь, деревенская община почти не оказывала помощи красноармейским семьям. Однако было бы ошибочно ограничиться только материальной стороной дела. Как социально-политическое явление,

дезертирство стало одной из важных составляющих протеста российского крестьянства, сомневающегося в успехе великого коммунистического эксперимента.

Одной из трагических страниц советской истории является судьба помещичьих хозяйств и их владельцев. Декрет о Земле 1917 года и Основной закон о социализации земли 1918 года ликвидировали частную собственность на землю, бывшие помещики в принудительном порядке выселялись из принадлежавших им усадеб. Так начался процесс уничтожения целого класса. По данным на 15 сентября 1918 года в Вологодской губернии было конфисковано 2577 построек, 2132 головы мелкого скота, 1676 единиц сельскохозяйственных орудий, 470 сельскохозяйственных машин, 6627 единиц сельскохозяйственного инвентаря и 63 единицы заводской техники³².

К 1921 году была решена судьба большей части помещиков. Кто-то из них сложил головы в братоубийственной гражданской войне, кто-то эмигрировал за границу, кто-то, будучи выселенным, получил землю от государства в пользование на общих основаниях. Надежды на возвращение конфискованных земель у их недавних владельцев были иллюзорны. 15 ноября 1922 года ВЦИК принял декрет «Об отклонении домогательств бывших помещиков о возврате отобранных имений». Более того, в 1924 году в правительстве рассматривался вопрос о скорейшей ликвидации всех помещичьих владений³³.

С мая 1924 года в Наркомат земледелия стали поступать списки бывших помещиков на предмет их очередного выселения. Тогда в Вологодской губернии было выселено шесть бывших помещиков. С весны 1925 года борьба против недавних эксплуататоров трудового народа приобретает характер политической кампании. В постановлении ЦИК РСФСР от 29 марта 1925 года вина за разорение помещичьих усадеб возлагалась на их владельцев, они обвинялись также в «непримиримо-враждебном отношении к большевистской власти». К концу 1927 года на территории РСФСР было взято на учет 10 тысяч бывших помещиков, из них 4112 подлежали выселению. В 38 губерниях было изъято 40 тысяч десятин земли, хозяйственного имущества приблизительно на 4 млн рублей. В Вологодской губернии было ликвидировано 31 хозяйство³⁴.

Выселение бывших помещиков превратилось в кампанию по уничтожению чуждой советской власти социальной прослойки общества. Главной причиной государственной атаки на помещиков было, конечно же, их эксплуататорское прошлое. Идеологическая кампания по уничтожению эксплуататоров народа послужила в недалеком будущем своеобразным политическим плацдармом для еще более масштабной кампании по «ликвидации кулачества как класса».

Второй удар по крестьянству большевистская власть нанесла накануне и в ходе коллективизации. Хлебозаготовительный кризис зимы 1927–1928 годов

существенно осложнил социально-экономическую обстановку в городе и деревне. В директиве ЦК ВКП(б) от 14 января 1928 года содержалось прямое указание «арестовывать спекулянтов, кулаков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен» и судить этих лиц «в особо срочном, не связанном с формальностями порядке»³⁵. В ответ по стране прокатилась волна антисоветских выступлений. 16 января 1929 года Вологодский губернский комитет ВКП(б) принимает постановление, в котором говорится о необходимости «усиления репрессий в отношении террористических выступлений кулачества», об ускоренном порядке «расследования дел, имеющих характер кулацких выступлений», о целесообразности проведения «в ближайшие две недели двух-трех показательных процессов против кулаков»³⁶.

Коллективизация на Вологодчине шла особенно туго еще и потому, что традиционно здесь преобладала не помещичья, а государственная собственность на землю, при которой крестьяне были в достаточной мере свободными. Столыпинские реформы позволили значительному количеству крестьян выйти на отруба и хутора. К середине 1929 года в Вологодском уезде, к примеру, было объединено в совхозы 8634 десятины земли, в колхозы – 4693 десятины, а на хуторах оставалось 17 337 десятин. В ходе посевной кампании 479 колхозов и совхозов засеяли площадь в 1335 га, а 968 владельцев хуторов и отрубов – 3303 га земли³⁷.

Начавшуюся в конце 1929 года коллективизацию сопровождали привлечение к уголовной ответственности и высылка наиболее опасной для советского режима части сельского населения, прежде всего зажиточных крестьян. Террор стал одним из важнейших методов создания колхозов. С его помощью осуществлялось запугивание крестьян, которые, дабы избежать участи репрессированных односельчан, вынуждены были записываться в колхозы. Конфискованное имущество репрессированных составляло основу производственных фондов колхозов.

Убийство активистов колхозного движения власть использовала для ответных широкомасштабных репрессивных акций. В 1928 году в Вологодской губернии было зафиксировано три убийства, восемнадцать активистов получили ранения. 9 марта 1929 года был убит селькор, член Леденгского сельсовета, житель деревни Дурачиха Тотемского уезда Бубнов. 3 ноября 1929 года в деревне Харино того же уезда был убит председатель сельсовета Котепов³⁸. Таким образом, цифры, свидетельствующие о вооруженном сопротивлении крестьян политике коллективизации, невелики. К тому же, убийство Бубнова, к примеру, вряд ли являлось актом политической расправы. Будучи совладельцем двух заводов, он принял смерть от своих компаньонов – Кускова и братьев Андреевых. Организованная по команде из Вологды крестьянская сходка в деревне Туфанове потребовала принять к преступникам строгие меры.

В свою очередь губернский суд приговорил исполнителя убийства к высшей мере наказания, соучастников – к десяти годам лишения свободы. Делу, однако, был придан политический характер. Жертва расправы именовалась бедняком.

Житель Вожегодского района В.К. Башкирцев вспоминает: «Только в Нижне-Слободском и в Мишутинском сельских советах от 150 до 170 семей были объявлены кулаками. Но откуда могло взяться столько кулаков? Ведь земля была разделена по едокам. И лишь пьяницы и лодыри могли быть бедняками. А раскулачивали лучших тружеников, кто трудился от зари до зари. Только в деревне Ереминская раскулачили около тридцати семей. Хватило лиха до слез. Начали людей забирать. Приезжают ночью и увозят неизвестно куда. Каждое утро страшная новость: «Забрали Федора. Увезли Николая»³⁹.

Помимо крестьян, репрессиям уже в первые годы советской власти подверглись представители дворянства, духовенства, интеллигенции, других социальных слоев общества. После захвата интервентами Архангельска председатель СНК РСФСР В.И. Ленин дает следующую команду Вологодскому губисполкому: «Необходимо немедленно мобилизовать буржуазию рыть окопы и вообще двинуть с максимальной скоростью фортификационные работы. Телеграфируйте исполнение. Шлите с надежнейшим человеком подробные данные и отчеты о ходе этих неотложных работ»⁴⁰.

В конце июля 1918 года Вологодская губернская ЧК раскрыла заговор так называемых «Польских легионеров». 200 заговорщиков были обвинены в попытке свержения советской власти. Все арестованные позднее были препровождены в Москву, в распоряжение ВЧК⁴¹.

После того, как угроза захвата интервентами Котласа миновала, Ленин 29 августа 1918 года ставит перед командующим Северо-Восточным участком М.С. Кедровым вопрос: «Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость и нерадение»⁴². Указание вождя выполняется без промедления. Буржуазия мобилизуется на рытье окопов, контрреволюционно настроенные представители эксплуататорских классов выселяются из своих домов и квартир. Списки выселяемых регулярно печатает газета «Известия Вологодского губисполкома Советов рабочих и крестьянских депутатов».

Крайне настороженно относилась советская власть к бывшим офицерам царской армии, если даже они не участвовали в белом движении. Так, сын крупного промышленника Александр Иванович Ген, служивший в Первую мировую войну поручиком, был арестован ОГПУ города Череповца в 1926 году. В вину ему вменялись преступные связи с «бывшими людьми» (так сотрудники ОГПУ именовали царских офицеров, чиновников, фабрикантов, купцов, торговцев, служителей культа). Следствие по агентурному делу № 126/15

с условным названием «Лесники» быстро набирало обороты. Разговоры «бывших людей» за чашкой чая или рюмкой водки именуется в деле «нелегальными собраниями антисоветского элемента». Понимая бездоказательный характер предъявленного А.И. Гену обвинения, сотрудники ОГПУ подкрепляют его ссылкой на общественное мнение, а точнее – на самые настоящие слухи. В агентурном деле есть такие слова: «Мнения крестьян по поводу ареста Гена сводятся к тому, что он арестован за контрреволюционную деятельность и шпионаж, так как имел связи с фашистской организацией. При этом крестьяне говорят, что Геном было получено письмо из Германии, в котором находилось постановление, подписанное 30 немцами против Советской власти и партии». Кроме того, череповецкие чекисты ухватились за факт его знакомства с неким Гроссом, который проходил по картотеке органов, как английский шпион. И хотя арестованный какую-либо связь с Гроссом отрицал, сотрудники ОГПУ сделали такой вывод: «Личность Гена политически неблагонадежна и социально опасна...»⁴³ В конечном итоге Александр Иванович Ген был приговорен к расстрелу. Военная прокуратура Ленинградского военного округа реабилитировала его только в феврале 2003 года.

Гонения на так называемую буржуазную интеллигенцию начались сразу же после октябрьских событий 1917 года. Инициатором преследования этих людей по политическим мотивам выступил В.И. Ленин. В своем письме И.В. Сталину он предлагает выслать из России писателя А.В. Пошехонова, историка В.А. Мякотина, литературоведа Горнфельда, либерального публициста А.С. Изгоева, экономиста академика И.Х. Озерова, врача меньшевика В.Н. Розанова, видного русского философа С.Л. Франка и еще нескольких политических противников советского режима⁴⁴.

31 июля 1922 года заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт направил Сталину проект постановления ВЦИК об административной высылке. Этим проектом предусматривалось создание Особого Совещания при СНК РСФСР и порядок высылки негодных режиму лиц за границу или в определенные пункты советского государства. 2 августа Уншлихт направляет Сталину списки антисоветской интеллигенции Москвы, Петрограда и других городов страны Советов. В список антисоветских агрономов и кооператоров попал сосланный в Вологду Шишкин Матвей Дмитриевич, в список антисоветских врачей – житель Вологды А.В. Фалин. В заключении комиссии Политбюро про первого из названных говорится: «Старый меньшевик. Проживает в Вологде, в ссылке, был членом Учредительного собрания. Постоянный организатор оппозиции Соввласти в кооперативном движении. Злостный противник Соввласти. Выслать за границу или в отдаленные места»⁴⁵. В заключении на второго политического противника большевистского режима сказано: «Врач, проживает в Вологде.

Активный участник 2-го Всероссийского съезда врачей секции Всемедикосантруда, принимал активное участие в прениях и голосовании за антисоветские резолюции. Выслать в северные или восточные губернии для использования по специальности»⁴⁶.

В конечном итоге М.Д. Шишкин окажется среди двухсот известных русских интеллигентов, которых посадят на пароходы и вывезут в Германию. Врач А.В. Фалин будет отправлен в ссылку в Северо-Двинскую губернию «для использования по специальности сроком на 2 года».

Первой жертвой террора, обрушившегося на крестьянских поэтов, был уроженец деревни Коншино Кадниковского уезда Алексей Алексеевич Ганин. Еще в 1923 году вместе с Сергеем Есениным, Сергеем Клычковым и Петром Орешиним он был обвинен в антисемитизме. Тогда дело ограничилось товарищеским судом. Скорее всего, потому, что Сергей Есенин был тогда в зените своей славы. Однако 2 ноября 1924 года А.А. Ганин был арестован и обвинен в принадлежности к антисемитской организации под названием «Орден русских фашистов». 30 марта 1925 года поэта расстреляли во дворе Бутырской тюрьмы. Алексей Алексеевич Ганин был реабилитирован 12 октября 1966 года «за отсутствием в его действиях состава преступления»⁴⁷.

Особая страница в истории репрессивной политики советского государства – это гонения против церкви. Первоначально служители культа, убежденные в недолговечности новоявленной власти, пытались образумить ее христианскими проповедями. Однако уже в январе 1918 года отношение между церковью и большевистским правительством до крайности обострилось, что было вызвано разграблением Александровской и Почаевской лавр и убийством митрополита Киевского и Галицкого Владимира при занятии Киева войсками красноармейцев. Репрессии против духовенства приняли массовый характер. В том же 1918 году было расстреляно 3 тысячи священнослужителей⁴⁸.

В качестве предлога для решающей атаки на церковь власти использовали голод 1921–1922 годов. 23 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей, мотивировав этот шаг необходимостью закупить продовольствие для голодающих регионов страны. На самом деле деньги предназначались на правительственные нужды, хозяйственное строительство, отстаивание позиции Кремля на дипломатических переговорах в Генуе. Обо всем этом говорилось в секретной записке Ленина членам Политбюро. В завершающей части этого документа с предельной откровенностью и цинизмом сказано: «Именно теперь, и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной

и беспощадной энергией... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»⁴⁹.

Изъятие церковных ценностей сопровождалось массовыми протестами верующих и священнослужителей в различных городах страны. Власть реагировала на эти протесты жестко и бескомпромиссно. Осквернение храмов сопровождали расстрелы на месте, аресты и судебные процессы. В Вытегорском уезде верующие Ягремской церкви категорически отказались отдавать храм на поругание. В этой связи председатель комиссии по изъятию церковных ценностей Курганов и председатель Тихмангского волостного совета Третьяков 18 мая 1922 года телеграфировали в уездный исполком: «Результат получился – восстание всего общества. Ввиду малочисленности милиции пришлось уйти без результата, просим срочно командировать тридцать красноармейцев в боевой готовности с пулеметом. Начальником отряда желательнее партийный»⁵⁰.

Весной 1922 года в Вологде прошел суд над настоятелем Никольской Глиновской церкви протоиреем о. Симеоном Видякиным и членами приходской общины А.А. Девятиным, И.А. Паникаровым, И.А. Вересовым. А последний процесс по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей проходил в Вологде 23 января 1924 года. На заседании судебной коллегии Уголовного отдела Вологодского губернского суда рассматривалось дело по обвинению священника Богородской Нижнедольской церкви о. Александра Дмитриевского. Его осудили в 1922 году по ст. 10, 73, 102 УК РСФСР за сокрытие церковных ценностей во время проведения акции по оказанию помощи бедствующим областям⁵¹.

Разрушительная кампания по закрытию храмов началась в Вологодской губернии в начале 1924 года. В Вологде было закрыто четыре храма на Сенной площади, а также Софийский собор. Тогда же появился и первый опыт в деле разрушения храмов. Коллективу безработных металлистов была передана под разборку Афанасьевская церковь. Постановлением Президиума Вологодского губисполкома от 12 декабря 1925 года подлежала разрушению Михаило-Архангельская церковь. Якобы по причине того, что «пришла в совершенную негодность»⁵².

Пик кампании по закрытию храмов падает на 1929 год. Именно в этом году один из ближайших соратников советского вождя Л.М. Каганович отправил на места директиву, в которой религиозные организации были названы «единственно легально действующей контрреволюционной силой»⁵³. На Вологодчине массовое закрытие церквей объясняет еще одна причина. В русле политики сплошной коллективизации через Вологду должны были проследовать на Север десятки тысяч раскулаченных

«врагов народа». По мнению властей, освобождение молитвенных зданий должно было разрешить проблему острой нехватки помещений. Разумеется, кампания по сносу и закрытию храмов встречала противодействие верующих. Так, 8 апреля 1928 года, в Вербное воскресенье, в церквях Вологды верующие при огромном стечении народа демонстративно выражали протест по поводу сноса храмов⁵⁴.

* * *

Декретом ВЦИК, принятым в апреле 1919 года, в стране вводились лагеря принудительных работ. Их организация первоначально возлагалась на губернские чрезвычайные комиссии с последующей передачей в ведомство НКВД. В докладной записке Отдела принудительных работ, подготовленной в январе 1920 года, необходимость появления этих лагерей объяснялась тем, что «страны Антанты активно содействовали белым армиям», а «внутренняя контрреволюция прилагала все усилия к свержению Советской власти». «Чтобы изолировать вредные элементы от общества, – говорится далее в документе, – советская власть признала рациональным открытие серии лагерей принудительных работ, главным образом в губернских городах»⁵⁵.

Появился такой лагерь и в Вологде. Как и в других, в Вологодском лагере предусматривалось обязательное привлечение заключенных к физическому труду, была введена строгая дисциплина. За побег устанавливалась круговая порука. Среди заключенных, осужденных на срок до 5 лет, было 39%, свыше 5 лет – 3%, заложников (до тех пор, пока длится гражданская война) – 36%, военнопленных белой армии – 18%, прочих – 14%⁵⁶.

Северо-Двинский губернский лагерь принудительных работ находился в стенах Михаило-Архангельского мужского монастыря в городе Великом Устюге. Комендант этого лагеря, которого совершенно не заботил вопрос о правомерности нахождения людей в местах лишения свободы, в январе 1920 года писал в своем отчете: «Могу в данный момент смело сказать, что лагерь в будущем принесет для государства большую услугу и пользу, а в особенности при полном его количестве людей, снабжении последних питанием и обмундированием»⁵⁷.

Энтузиазм и энергию таких комендантов лагерей всячески поддерживал начальник ОГПУ Ф.Э. Дзержинский. В 1923 году он так обрисовал круг первоочередных задач своему заместителю И.С. Уншлихту: «Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) – лагеря с колонизацией незаселенных мест и железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно»⁵⁸. Несколько месяцев спустя

Дзержинский, обосновывая принципы советской карательной политики, пишет: «Наказание не имеет в виду воспитание преступника... Республика не может быть жалостлива к преступникам и не может на них тратить больших средств – они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности...»⁵⁹

В двадцатые годы, однако, реализовать планы Дзержинского было достаточно сложно. «Экономические и политические проблемы (массовая безработица и отсутствие крупных промышленных объектов, острая внутривластная борьба и перманентные дискуссии о путях построения социализма), – справедливо замечают авторы книги «История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР», – не позволяли руководству страны организовать труд заключенных в общегосударственном масштабе, ограничивали сферу применения репрессий»⁶⁰. Положение кардинальным образом изменится в тридцатые годы.

Примечания

¹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М., 1953. – С. 16.

² Кузьмин П. Маркс и вопросы уголовного права // Маркс и пролетарское государство. – М.-Л. – 1933. – С. 141.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М., 1972. – Изд. 5. – Т. 35. – С. 156.

⁴ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Книга для учителя. – М., 2002. – С. 45.

⁵ Известия ВЦИК. – 1918. – 10 сентября.

⁶ Цит. по: Красная книга ВЧК. – М., 1989. – Изд. 2. – Т. 1. – С. 7.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 38. – С. 295.

⁸ Коровин В.В. История отечественных органов безопасности. – М., 1998. – С. 5–6.

⁹ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 46.

¹⁰ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – СПб., 2002. – С. 82.

¹¹ Там же. – С. 82–84.

¹² Михеев В.И. Роль спецслужб в осуществлении репрессивной политики советской власти в 1920-х – начале 1930-х годов // Отечественная история. – 2005. – № 6. – С. 79.

¹³ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: Сборник документов. – М., 1955. – С. 186.

¹⁴ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 48–49.

¹⁵ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – С. 88.

¹⁶ Калинин М.И. О социалистической законности. – М., 1959. – С. 122–127.

- ¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 189–191.
- ¹⁸ Цит. по: Уголовный кодекс РСФСР с изменениями на 1 июня 1937 г.: Официальный текст с приложением по статейной систематизированных материалов. – М., 1937.
- ¹⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. – С. 302–305.
- ²⁰ Очерки истории Вологодской организации КПСС (1895–1968). – Вологда, 1969. – С. 229; Калашникова Н.В. История Вологодской милиции. – Вологда, 2003. – С. 70.
- ²¹ Калашникова Н.В. История Вологодской милиции. – С. 70–71.
- ²² См. подр.: Саблин В.А. Хроника отчаяния и борьбы (Вологодская деревня в годы Гражданской войны) // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 1994. – Вып. 1. – С. 181–194.
- ²³ ВЧК-ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921–1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ) / Сост. Г.Ф. Доброноженко. – Сыктывкар, 1995. – С. 158–168; Калашникова Н.В. История Вологодской милиции. – С. 78.
- ²⁴ Калашникова Н.В. История Вологодской милиции. – С. 79–82.
- ²⁵ Очерки истории Вологодской организации КПСС. – С. 228.
- ²⁶ Чуканов И.А. Политика большевиков Среднего Поволжья в голодные 1918–1921 годы // Вопросы истории. – 2001. – № 3. – С. 128.
- ²⁷ Кукушкин В.Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919–1921 годах // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 3. – С. 191.
- ²⁸ Там же. – С. 196.
- ²⁹ Там же. – С. 191–192.
- ³⁰ Там же. – С. 194, 198.
- ³¹ Климов А.Н. О ходе, характере и особенностях мобилизаций в Красную Армию в годы Великой Отечественной и гражданской войн (по материалам Череповецкого района) // Уроки и проблемы изучения истории Второй мировой войны. – Вологда, 1995. – С. 154.
- ³² Саблин В.А. Судьба помещиков в вологодской деревне в 1920-е годы // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 2003. – Вып. 4. – С. 119.
- ³³ Там же. – С. 121–122.
- ³⁴ Там же. – С. 128.
- ³⁵ Правда. – 1988. – 16 сентября.
- ³⁶ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. – М., 1989. – С. 207–208.
- ³⁷ Красный Север. – 1929. – 23 июля.
- ³⁸ Очерки истории Вологодской организации КПСС. – С. 340.
- ³⁹ Цит. по: Аринин В.И. Тень генералиссимуса: Документальная повесть. Кузнецов М. Произвол. Записки репрессированного. – Архангельск, 1991. – С. 64–65.
- ⁴⁰ Очерки истории Вологодской организации КПСС. – С. 222.
- ⁴¹ Калашникова Н.В. История Вологодской милиции. – С. 69.
- ⁴² Очерки истории Вологодской организации КПСС. – С. 223.
- ⁴³ Личный архив автора.

- ⁴⁴ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 303-304.
- ⁴⁵ Лубянка. Январь 1922 – декабрь 1936. Документы. – М., 2003. – С. 41–42.
- ⁴⁶ Там же. – С. 42, 54.
- ⁴⁷ Ганин А.А. Стихотворения. Поэмы. Роман / Сост., предисл., комментарий С.Ю. Куняева, С.С. Куняева. – Архангельск, 1991. – С. 5–30.
- ⁴⁸ Покровский Н.Н. Документы Политбюро и Лубянки о борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Российский православный университет апостола Иоанна Богослова: Ученые записки. – М., 1995. – Вып. 1. – С. 128.
- ⁴⁹ Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. – М., 1999. – С. 518-519.
- ⁵⁰ ВОАНПИ. – Ф. 2334. – Оп. 1. – Д. 260. – Л. 11.
- ⁵¹ Спасенкова И.В. Церковная жизнь Вологды 1920-х – 1930-х годов // Вологда. Краеведческий альманах. – Вологда, 2000. – Вып. 3. – С. 259.
- ⁵² Там же. – С. 260– 261.
- ⁵³ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 106–107.
- ⁵⁴ Спасенкова И.В. Церковная жизнь Вологды 1920-х – 1930-х годов. – С. 265, 268.
- ⁵⁵ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – С. 534-536.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 184.
- ⁵⁸ Ф.Э. Дзержинский о социалистической законности // Исторический архив. – 1958. – № 1. – С. 10.
- ⁵⁹ Там же. – С. 24.
- ⁶⁰ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 184.

ГЛАВА 2

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ. ПИК МАССОВЫХ РЕПРЕССИЙ

В 1930 году И.В. Сталин четко обозначил те социальные группы, которые неизбежно будут репрессированы по мере продвижения страны к социализму: верхушка буржуазной интеллигенции, вредящая советской промышленности; кулачество, ведущее зверскую борьбу против коллективных форм хозяйства в деревне; бюрократические элементы партийно-советского аппарата, «саботирующие мероприятия Советской власти» и «являющиеся агентурой классового врага»; инакомыслящие – «люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности», по сути – «агенты наших классовых врагов»¹.

Главный удар наносился по кулачеству. 30 января 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Все хозяйства, которые были определены как кулацкие, подразделялись на три категории: кулаки 1-й категории, так называемый «контрреволюционный актив», направлялись в тюрьмы и лагеря, а члены их семей – в ссылку; кулаки 2-й категории – «крупные кулаки и бывшие полупомещики» выселялись вместе с семьями в отдаленные регионы страны; кулаки 3-й категории изгонялись из родной деревни и расселялись в пределах своего административного района на необжитых землях. Численность раскулаченных, таким образом, определяется учеными в диапазоне от 4 до 10 млн человек. При этом Р. Конквест определяет общее число погибших в результате раскулачивания (голод, эпидемии, болезни) примерно в 7 млн человек. Судя по всему, верна именно эта цифра (с ней соглашаются историки И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин, Е.Н. Осколков), а не 2–3 млн, на чем настаивает В.П. Данилов².

В Вологодском крае борьба с кулачеством в тридцатые годы проходила столь же драматично, как и по всей стране. Не затрагивая проблему кулацкой ссылки (ей в нашей книге посвящен отдельный очерк), посмотрим, как складывалось противостояние между властью и «эксплуататорами трудового народа». Уже 4 февраля 1930 года бюро Вологодского окружкома ВКП(б) призвало все партийные организации к «решительному проведению в жизнь решения ЦК ВКП(б) о ликвидации кулачества как класса на основе массовой коллективизации». 10–13 февраля Вологодская чрезвычайная окружная

партконференция призвала коммунистов завершить сплошную коллективизацию в районах уже в 1930 году³. В газете «Красный Север» появляются в эти дни статьи с броскими заголовками «Выявить все кулацкие хозяйства», «Беднота разоблачает кулаков», «Органы суда и прокуратуры слабо нажимают на кулака». В последней из статей идет речь о том, что «эксплуататоры трудового народа» саботируют лесозаготовки, но при этом не привлекаются к уголовной ответственности. Автор дает четкие рекомендации, как следует поступать с кулачеством, срывающим народнохозяйственные планы: лиц, ведущих агитацию против лесозаготовок, судить по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация). Отказывающихся от выезда на лесные делянки привлекать к ответственности по ст. 61 УК РСФСР. Далее жирным шрифтом выделены уже привычные для уха советского гражданина слова: «Меры репрессий необходимо усилить»⁴.

На 1 октября 1931 года в 14 сельсоветах Чарозерского района силами ОГПУ и «общественности» было выявлено 64 кулацких хозяйства⁵. Занесению того или иного крестьянина в разряд кулаков предшествовала примерно следующая процедура: составление акта обследования хозяйства, решение бедняцкого собрания при сельсовете, решение общего собрания колхоза, заседание президиума райисполкома. Так, в решении собрания колхоза «Красный Север» от 26 марта 1931 года говорится: «Просить Чарозерский РИК немедленно выселить из пределов сельсовета гр. Лысачева П.Е. дер. Кобылино как эксплуататора чужого труда, антисоветски настроен против колхозного строительства, держит весь сельсовет в руках своим положением, имеет две постоянные мельницы, кулак, индивидуально обложен на 1930 год в сумме 1983 рубля»⁶.

Главным направлением в работе органов ОГПУ по раскулачиванию считалась «ликвидация «контрреволюционной агентуры» из числа повстанческих организаций и «наиболее махровых одиночек» (первая категория)⁷. Так, Глеб Иванович Косов, проживавший в деревне Теплово Кадуйского сельсовета, был осужден 18 марта 1930 года «тройкой» ОГПУ по ст. 58-10 УК РСФСР⁸. Это был, по терминологии «компетентных органов», контрреволюционер из разряда «наиболее махровых одиночек». Из этого же разряда были осужденные «тройкой» ОГПУ Северного края по ст. 58-10 УК РСФСР Разин Михаил Степанович и два его сына – Иван и Вячеслав из деревни Гашково Вожегодского района. Все трое работали в колхозе «Новый путь», отец – рядовым колхозником, один сын – счетоводом, другой – заведующим свинофермой.

Разумеется, в ряде случаев кулаки оказывали советской власти ожесточенное сопротивление. Только за шесть месяцев 1930 года в Вологодском крае было совершено 95 террористических актов. В Грязовецком районе

кулаки избили колхозицу-активистку Сердцеву и убили организатора колхоза «Громобой» Скорбеева. 24 октября 1930 года бюро Северного краевого комитета ВКП(б) рассмотрело вопрос о фактах кулацкого террора в Никольском районе. Судебно-следственным органам было предложено в 10-дневный срок расследовать дело об убийстве двух активистов-бедняков, придав процессу широкое общественно-политическое значение⁹. Однако далеко не все нарушения законности, которые инкриминировались кулакам, имели под собой политическую подоплеку. Некоторые граничили с хулиганством и пьяными выходками. Так, в деревне Яковлевская Чибсарского района некто Косарев, названный в протоколе «подкулачником», пришел на собрание пьяный, стал угрожать ножом представителю райкома партии Е.Г. Филковой, погасил керосиновую лампу и в результате сорвал собрание колхозников¹⁰.

На акты сопротивления крестьян толкала, ко всему прочему, политика завершения сплошной коллективизации в рекордно короткие сроки. Только за январь 1930 года в Вологодском округе количество хозяйств колхозников увеличилось с 21 до 47 тысяч, или с 15,9 до 33%. В феврале темпы обобществления единоличных крестьянских хозяйств продолжают расти. В своем постановлении от 1 марта 1930 года Северный крайком ВКП(б) отметил, что в результате ошибочных директив Вологодского окружкома допущены серьезные политические ошибки, незаконному раскулачиванию только в пяти сельсоветах Нюксенского района подверглись 138 крестьян¹¹. И без того насильственную политику коллективизации дискредитировали «реформы» в виде обобществления жилых построек, последней коровы, мелкого скота, птицы.

В январе 1933 года прошел объединенный пленум ЦК ВКП(б) и ЦКК ВКП(б), давший ход кампании по проверке и обмену партийных документов. Инициатором ее проведения был И.В. Сталин. Проверка и обмен документов из чисто технического акта (факт наличия у коммуниста партийного билета и его подлинность) вылились в «чистку» партии, в очередную карательную операцию. Проверку партийные организации осуществляли совместно с органами НКВД. На декабрьском 1935 года пленуме ЦК ВКП(б) Н.И. Ежов, занимавший в то время должность заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК партии, сообщил, что, по неполным данным, на текущий момент в ходе «чистки» арестовано свыше 15 тысяч «врагов народа» и разоблачено свыше 100 «вражеских организаций и групп»¹². Работа по «чистке» партийных рядов продолжалась и в 1936 году. Всего было исключено из членов ВКП(б) и кандидатов в члены ВКП(б) 434 тысячи человек.

В Вологодской окружной партийной организации проверка партийных документов также превратилась в широкомасштабное репрессивное действие. Только в начале 1933 года во время месячника «Поход за лес» из партии было

исключено около 2 тысяч человек. Массовые исключения из рядов ВКП(б) сопровождались арестами «классово чуждых» и «пассивных» коммунистов. В результате многие партийные организации по количеству членов уменьшились почти наполовину. Десятки партийных ячеек были вообще распущены. Уже к апрелю 1934 года в Северном крае число коммунистов уменьшилось на 10 тысяч человек, а к началу марта 1937 года – еще на 5 тысяч¹³.

На 17 съезде ВКП(б) в феврале 1934 года И.В. Сталин под гром аплодисментов с гордостью заявил: «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде добывать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде – и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого. Все видят, что линия партии победила»¹⁴. И так, «бить некого». Однако сразу же после съезда и особенно после убийства в Ленинграде 1 декабря 1934 года С.М. Кирова Сталин и его ближайшее окружение начинают массовую кампанию по истреблению собственного народа.

В августе 1936 года в Москве прошел открытый судебный процесс по делу так называемого «объединенного троцкистско-зиновьевского центра», завершившийся вынесением смертного приговора 16 обвиняемым, в том числе таким известным оппозиционером, как Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев¹⁵. Этот процесс стал прологом к новым репрессиям, которым должны были подвергнуться «несогласные с генеральной линией партии». В конце сентября 1936 года пост наркома внутренних дел занимает Н.И. Ежов. Именно при нем получила самое широкое распространение практика фабрикации политических дел. Уже в конце января 1937 года в Москве состоялся второй громкий процесс, теперь уже по делу «параллельного антисоветского троцкистского центра». Среди 17 обвиняемых были известные всей стране политические деятели: Г.Я. Сокольников, Ю.Л. Пятаков, К.Б. Радек. Большинство подсудимых было приговорено к расстрелу¹⁶.

В конце февраля – начале марта 1937 года проходит пленум ЦК ВКП(б), который заслушивает доклад о бывших лидерах правого уклона Н.И. Бухарине и А.И. Рыкове. Затем последовал их арест. По печальной традиции судебные процессы по делу бывших партийных оппозиционеров отозвались фабрикацией дел об антисоветских организациях по всей стране. Так, Вологодским городским отделом НКВД была вскрыта подпольная эсеровская организация, вошедшая в союз с высланными в Вологду меньшевиками. Как следует из документов «компетентных органов», эта организация ставила перед собой две важнейшие задачи. Одна из них – объединение эсеровско-меньшевистских кадров и антисоветских элементов для подготовки вооруженного восстания на случай войны с целью свержения советской власти. Вторая – террор против

руководства ВКП(б) и советского правительства. Руководителем организации являлся бывший член ЦК партии левых эсеров А.П. Гельфгот, входивший с 1934 года в состав подпольного комитета эсеров Северного края. Всего по этому делу было репрессировано 17 человек¹⁷.

Одним из них был В.В. Матюхин. 24 апреля 1937 года заведующий кафедрой организации сельского хозяйства Вологодского сельскохозяйственного института Василий Васильевич Матюхин был исключен из рядов ВКП(б) как «враг народа». Вскоре его арестовали и предали суду. Он был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. 16 апреля 1937 года был исключен из института доцент кафедры механизации и электрификации животноводства А.А. Волягин. Больше никто из родных и близких его не видел. Судя по всему, Волягина привлекли по этому же делу. По иронии судьбы, в бытность свою редактором окружной газеты «Красный Север», он гневно бичевал пособников кулаков – «кондратьевцев»*: «Институт, при котором раньше сосредотачивалась научно-исследовательская работа по молочному хозяйству, до известной степени является также гнездом кондратьевской идеологии, поборником мелкого кустарного производства. Ярким представителем кондратьевщины в условиях института являлся Д.И. Деларов (бывший эсер) и его ученик Кристин. Деларов – «певец хуторского хозяйства и капиталистической кооперации, сам непосредственный организатор хуторов. Кристин – радетель индивидуального, мелкого, раздробленного хозяйства, борец за высокие цены на молоко в интересах кулачества, поборник рыночной стихии»¹⁸.

Между тем многие из раскулаченных и высланных на небольшой срок крестьян к середине тридцатых годов вернулись в родные места. Землю, постройки, сельскохозяйственный инвентарь, рабочую скотину и конфискованное имущество бывшим «эксплуататорам трудового народа», разумеется, никто возвращать не собирался. И они, лишенные экономической основы своего существования, были обречены на голод и нищету, на жизнь в землянках. Но и такой «жизни» скоро наступил конец. В разгар «большого террора» партия и правительство решили расправиться с этой категорией крестьянства окончательно. 31 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) утверждает приказ наркома внутренних дел № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» (под ними понимались, прежде всего, политические противники Сталина). Это была самая масштабная акция периода «большого террора». Операцию предписывалось начать 5 августа 1937 года и завершить в течение четырех месяцев.

* Н.Д. Кондратьев – профессор, бывший эсер, товарищ министра продовольствия Временного правительства. Работал в советских сельскохозяйственных органах, возглавлял конъюнктурный институт Наркомата финансов. Арестован ОГПУ в 1930 году.

Согласно оговоренной в приказе разрядке органам НКВД Северной области было дано задание привлечь к ответственности 2750 человек – 750 преступников первой категории и 2000 преступников второй категории. К первой были отнесены «наиболее враждебные» антисоветские элементы, подлежащие немедленному аресту и расстрелу; ко второй – лица, которых следовало арестовать и отправить отбывать наказание в лагеря на срок от 8 до 10 лет. Судьбу арестованных решала «тройка» в лице начальника УНКВД Северной области, секретаря обкома партии и прокурора области¹⁹.

Из Архангельска в Вологду по приказу начальника управления НКВД Северной области Б.А. Бака № 1011/105 от 2 августа 1937 года были отправлены уполномоченные – офицеры госбезопасности, которым предписывалось «самым беспощадным образом разгромить всю банду антисоветских элементов». Они должны были вести учет репрессированных, давать санкцию на арест по второй категории, контролировать ведение следствия по делам первой категории, представлять его результаты «тройке» в Архангельске и, получив оттуда заверенную выписку из протокола за подписью Б.А. Бака, приводить в исполнение смертный приговор. Одновременно приказ предписывал начать подготовку к направлению в лагеря лиц, отнесенных ко второй категории²⁰.

Вскоре в Вологде был арестован преподаватель Вологодского сельскохозяйственного института Ф.И. Юхнев. До революции он был хорошо знаком с идеологом Трудовой крестьянской партии С.С. Масловым, эмигрировавшим за границу в 1921 году. Находясь в Праге, Маслов в 1927 году становится инициатором проведения съезда, на котором бывшая партия «Крестьянская Россия» была преобразована в Трудовую крестьянскую партию (ТКП). По версии НКВД Ф.И. Юхнев был руководителем опорного пункта Трудовой крестьянской партии в Вологде. Директивы и денежные средства он получал через живущего в Москве С.М. Бараева и из Риги от П.И. Гейдана, ранее инструктора Вологодского общества сельского хозяйства. Отделения партии имелись в Ленинграде, Москве, Свердловске, Архангельске, Перми. «Целью организации, – говорится в документах, – было свержение советской власти и установление буржуазно-демократической республики»²¹.

Всего по делу о подпольных ячейках ТКП, которые якобы создали в ряде районов области повстанческие группы, проходило более 50 человек. На допросе участник контрреволюционной эсеровской организации С.А. Бессонов показал: «Вокруг ТКП, являющейся строго конспиративной сетью организаций, в которые входят вполне проверенные, готовые на все люди, имеется довольно широкий актив. Костяк организации ТКП составляют лично ему неизвестные люди... Если теперь правотроцкистский блок через меня сам пытается

установить связь с Масловым, то я могу это только приветствовать»²². Последняя фраза расставляет все точки над «і». Вне сомнения, подследственный Бессонов уже работает на НКВД, если дает согласие чекистам установить связь с лидером Трудовой Крестьянской Партии и заранее «приветствует» это мероприятие.

Далее в документах УНКВД Вологодской области сказано, что арестованные «противодействовали колхозному движению», готовили убийство И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, С.М. Кирова. В свои ряды они вербовали видных партийных и советских работников Н.И. Бухарина, И.Т. Смилгу, А.С. Енукидзе. И якобы еще в 1932 году между филиалами ТКП была договоренность о том, что после свержения советской власти будут созданы коалиционные правительства, в которые войдут представители всех социалистических партий. Однако реально «вредительская» деятельность» Ф.И. Юхнева заключалась в доведении до западной общественности правдивой информации о положении крестьянства в Вологодском крае: ходе заготовок зерна, состоянии посевов, сознательном убое крестьянами личного скота, принудительном характере коллективизации, выходе крестьян из колхозов и т.д.²³

Так или иначе, но почти все проходившие по делу Трудовой Крестьянской Партии были осуждены. К высшей мере наказания приговорили Ф.И. Юхнева и И.Т. Стрельникова. Некоторые умерли еще на допросах, не выдержав пыток и истязаний.

Высокие темпы ведения следствия и скорую расправу над членами контрреволюционной эсеровской организации и членами ТКП, на наш взгляд, объясняет еще одно обстоятельство. 23–29 июня 1937 года в Москве проходил пленум ЦК ВКП(б), на котором был рассмотрен проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». В нем говорилось, что выборы станут величайшим экзаменом на политическую зрелость и боеспособность каждой партийной организации. Выборы, как подчеркивалось в документе, вызовут оживление антисоветской контрреволюционной деятельности раскулаченных крестьян, спецпереселенцев, граждан, осужденных за службу в белой армии, высланных троцкистов и других оппозиционеров²⁴.

В постановлении пленума обкома ВКП(б) Северной области, состоявшегося 8–10 июля 1937 года, в частности, было записано требование к парторганизациям «решительно изгнать из Советов людей, не способных возглавить борьбу за выкорчевывание врагов народа», удалить с руководящих постов лиц, «находящихся в плену у буржуазно-обывательских элементов»²⁵.

28 сентября 1937 года УНКВД по Вологодской области возглавил бывший сотрудник второго отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР Сергей Георгиевич Жупахин. Становление партийно-советского аппарата

в только что образованной области проходило под грозный аккомпанемент привлечения к уголовной ответственности «врагов народа». В начале ноября 1937 года были арестованы и впоследствии приговорены к расстрелу исполняющий обязанности первого секретаря обкома ВКП(б) Григорий Андреевич Рябов, председатель облисполкома Николай Иванович Командиров, второй секретарь обкома ВКП(б) Николай Алексеевич Люстров, первый секретарь Вологодского горкома ВКП(б) Михаил Тадеушевич Крейвис, первый секретарь Грязовецкого райкома ВКП(б) Александр Петрович Акинъхов, редактор областной газеты «Красный Север» Клавдий Иванович Шульгин, заведующий отделом учащейся молодежи Вологодского ГК ВЛКСМ Казимир Александрович Косарев, секретарь Верховажского райкома ВЛКСМ Владимир Иванович Недевецкий. По сфабрикованным обвинениям также подверглись репрессиям комсомольские вожаки в Грязовецком, Никольском, Чебсарском районах²⁶.

Служивцы в защиту арестованных голос не поднимали. В своей книге «Та жизнь» журналист Г.А. Акинъхов пишет, что 10 ноября 1937 года по радио объявили об аресте его отца – первого секретаря Грязовецкого райкома партии. Недавние друзья и приятели Александра Петровича от семьи Акинъховых тут же отвернулись. А вскоре была арестована и Ольга Всеволодовна – жена «врага народа»²⁷. Та же участь постигла жену первого председателя Вологодского облисполкома Н.И. Командирова. Клавдия Константиновна после ареста мужа направила Сталину письмо, в котором пыталась доказать, что ее супруг – честный человек, хороший организатор, никогда не был и не может быть «врагом народа». Письмо, как вы догадываетесь, вернулось обратно – в Вологодский обком ВКП(б). Вскоре Клавдия Константиновна за то, что своевременно не разглядела в муже ярого противника советской власти, была исключена из партии и осуждена на 5 лет исправительно-трудовых лагерей.

13–14 ноября 1937 года в Вологде проходил партийный актив, на котором руководители областного, городского и районного уровней, директора предприятий и строек дружно каялись в своей политической недалекости, в неумении распознать замаскировавшихся «врагов народа». Бывших партийных руководителей Рябова, Люстрова, Крейвиса и других присутствующие именовали «агентами троцкистско-бухаринского блока», «сознательными вредителями делу социалистического строительства».

Уроженца деревни Савостьяново Вологодского уезда Вологодской губернии Николая Александровича Басина – бывшего секретаря Грязовецкого волостного комитета партии, бывшего председателя Архангельского совета депутатов трудящихся – исключали из партии в ноябре 1937 года в Архангельске. По приговору выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР Н.А. Басин был расстрелян²⁸. Уроженца села Богородское Череповецкого

уезда Василия Александровича Горохова также расстреляли. В вину ректору Архангельского лесотехнического института ставились его оппозиционные настроения, контакты с троцкистами, порочащая связь с границей (в 1918 году был увезен интервентами в качестве заложника во Францию), засорение преподавательского состава классово-чуждым элементом. Накануне исключения из партии и снятия с работы В.А. Горохов сделал следующее заявление: «Никогда не принадлежал ни к троцкистской, ни к зиновьевской оппозиции. Взглядов ее не защищал ни в устном, ни в письменном виде. Твердо стоял на генеральной линии партии»²⁹. Увы, оправдательные заявления в свою защиту были в то время, как говорится, гласом вопиющего в пустыне.

Уроженец деревни Верховино Стреленского сельсовета Великоустюгского района Федор Иванович Тчанников на момент исключения из партии занимал пост секретаря Онежского райкома ВКП(б) Архангельской области. В ноябре 1937 года в учетной карточке бывшего коммуниста появилась запись: «Исключен из рядов ВКП(б), как не оправдавший политического доверия». Дальнейший сценарий был предопределен. После нескольких месяцев нахождения в застенках тюрьмы НКВД обвиняемые признавались во всех мыслимых и немыслимых грехах. Затем – скорый суд и расстрел. К слову, грубо попирая нормы законности в отношении подсудимых, органы НКВД не забывали подшить в дело документы о приведении приговора в исполнение. В выписке из акта о расстреле сказано: «Постановление выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 22 апреля 1938 года о расстреле Тчанникова Федора Ивановича приведено в исполнение 22 апреля 1938 года»³⁰. К слову, как и Ф.И. Тчанников, Н.А. Басин и В.А. Горохов были расстреляны в день рождения вождя мирового пролетариата В.И. Ленина.

Конечно же, репрессии 1937 года были направлены не только против «оппозиционеров» в партийных и комсомольских рядах. В жернова сталинской юстиции попали в это время руководители предприятий промышленности и транспорта, инженерно-технические работники, рабочие, колхозники. Высокие темпы развития промышленности требовали опытных, профессионально грамотных работников. Увы, сталинский лозунг «Кадры решают все!» со скрипом претворялся в жизнь. Низкий уровень квалификации рабочей силы и инженерно-технического персонала, авральные методы организации труда вели к многочисленным авариям. К примеру, на судах Сухонского речного пароходства только в 1935 и 1936 годах их произошло около трех тысяч. Пароходство понесло убытки более чем на 9 млн рублей³¹. Однако обвинялись во всех этих производственных катаклизмах мифические «враги народа».

В «Очерках истории Вологодской организации КПСС» читаем: «Расстановка коммунистов на решающих участках способствовала успешному

решению задач в области промышленности. Одной из них являлась борьба с классово враждебными элементами, пытавшимися всеми мерами затормозить развитие экономики. В условиях нашей области это нашло выражение в том, что на ряде предприятий промышленности и транспорта враги организовывали аварии, выводили из строя ценное оборудование. Особую опасность представляли попытки классового врага парализовать железнодорожный и водный транспорт»³².

Одним из таких классовых врагов был объявлен специалист в области лесной промышленности управляющий треста «Севлес» Николай Александрович Салтыков. Опытному специалисту в области лесной промышленности, отмеченному правительственными наградами, вменялось в вину то, что он, будучи членом правотроцкистской организации, «в леспромхозах, на механизированных лесопунктах и тракторных базах провел вербовку отдельных лиц и через них осуществил поджоги нескольких лесобирж и лесных массивов»³³.

Низкие урожаи, потери зерна при перевозках, падеж скота по причине слабой кормовой базы и болезней животных, элементарная бесхозяйственность – не слишком убедительное объяснение срыва планов партии и народа. Проще объявить провалы в деле социалистического строительства происками «врагов народа». В результате к уголовной ответственности привлекаются председатели колхозов, бригадиры, агрономы, ветеринары, рядовые колхозники.

3 августа 1937 года партийные руководители республик, краев и областей СССР получают шифрованную телеграмму ЦК ВКП(б) за подписью И.В. Сталина. В телеграмме говорится, что за последнее время «вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв колхозов» и на «провоцирование настроений недовольства советской властью». Подчеркивается, что разоблачение врагов народа ведут органы НКВД, а колхозники на это дело не мобилизуются. В этой связи предлагается провести в районах каждой области по два-три открытых показательных суда над контрреволюционерами, «широко осветив ход судебных процессов в местной печати»³⁴.

И вот уже газета «Красный Север» дает материал о судах над «троцкистами», «бухаринцами», «фашистскими наймитами», наносящими урон сельскому хозяйству Вологодского края. В частности, в трех номерах газеты публикуется материал о вредительстве в Чебсарском районе. Корреспондент пишет: «...Район далеко отстал от общих темпов развития сельского хозяйства области. Где коренная причина отставания? На протяжении нескольких лет здесь орудовала контрреволюционная вредительская группа, состоявшая из работников райзо – ветврача Иеропольского, старшего агронома

Никитинского и др. Все они – выходцы из чужой среды. Эти подлые и грязные наймиты фашизма, злобные враги народа нанесли серьезный урон сельскому хозяйству района»³⁵.

В следующем номере «Красного Севера» читаем: «Вредители организовали падеж молодняка: сливали молоко бруцеллезных коров с молоком здоровых и поили телят, кормили телят жмыхом, вредительски строили скотные дворы». Серию материалов о суде над контрреволюционной группой завершает короткое сообщение: «Специальная коллегия областного суда приговорила Иеропольского Л.А., Никитинского В.А., Якимаха М.Х., Распутина В.М., Забияко В.Г., Вахрамеева Г.А., Хрусталева П.И. и Ширикова А.Н. к высшей мере наказания – расстрелу».

28 сентября 1937 года специальная коллегия Вологодского областного суда слушала дело о контрреволюционном вредительстве на Вологодской базе «Заготзерно». Хозяйственники этой базы были привлечены к уголовной ответственности за порчу хлебопродуктов и семенного материала путем заражения клещом. Даже газетный отчет о судебном процессе над «врагами народа» позволяет увидеть надуманный характер обвинений. Гораздо более важным аргументом при вынесении сурового приговора, чем все остальные, для судей был принцип классово-принадлежности. В отчете читаем: «Характерны личности обвиняемых. В числе их – белогвардеец Белых. Шляпников, Тетеркин не отрицают своего кулацкого происхождения. Головяшкин – двурушник, враг с партийным билетом». Показательный процесс завершился вынесением следующего вердикта: «Н.И. Головяшкин, А.А. Белых, Н.Х. Тетеркин приговариваются к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Н.Я. Стрекаловский, А.И. Каржавин – к лишению свободы сроком на десять лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет. Дело о Шляпникове выделено особо. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»³⁶.

28 ноября 1937 года специальной коллегией Вологодского областного суда был осужден по ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу председатель Аргуновского сельсовета Николай Александрович Куклин, который в составе группы руководящих работников Никольского района проводил «вредительскую деятельность в сфере полеводства и животноводства, бюджетно-финансовой и налоговой работы, допускал разбазаривание имущества колхозов». Однако судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР заменила ему высшую меру наказания 15-ю годами лишения свободы. Реабилитирован Н.А. Куклин был только 12 декабря 1957 года³⁷.

За соблюдением законности в стране, как известно, должны следить прокуроры. Однако именно они зачастую ущемляли права граждан, инициировали возбуждение уголовных дел против «врагов народа». Так, прокурор

Кадуйского района предал суду кузнеца Скороходова за то, что он отдавал в колхозную кассу лишь 10% своего заработка. Другого колхозника прокурор отправил за решетку «за долгое сидение и курение» во время сенокосных работ. Иногда в служебном рвении блюстители закона доходили до абсурда. Прокурор Ковжинского района привлек к уголовной ответственности председателя колхоза «Знание» за то, что свинья из его хозяйства «укусила лошадь из соседнего колхоза и та подохла»³⁸.

Для духовенства 1937 год, как и для остальных граждан Советского Союза, стал годом «большого террора». Было репрессировано 137 тысяч священнослужителей, из них свыше 85 тысяч расстреляно³⁹. По сообщению управления НКВД по Вологодской области в 1937 году была ликвидирована церковно-монархическая повстанческая организация, которая имела свои группы в Сокольском, Тотемском, Усть-Кубинском, Кубено-Озерском, Грязовецком, Чебсарском, Вологодском районах и в городе Вологде. Всего по делу было арестовано и осуждено 345 человек. Из них 147 священников, 35 бывших монахов и монахинь, 163 человека верующих (они именуется в документе как «кулацко-церковный актив»)⁴⁰.

Решениями «троек» в Вологодской области были приговорены к расстрелу Бартеньев Алексей Александрович – священник Георгиевской церкви города Кадникова, Вохомский Николай Андреевич – священник кладбищенской церкви города Никольска, Дуненкова Александра Максимовна – сторож Логиновской церкви Мяксинского района, Толстикова Ольга Васильевна – жена священнослужителя, проживавшая в деревне Подол Нюксенского района. Этот скорбный список можно продолжать и продолжать. Тех, кто сумел избежать расстрела, ждали различные сроки лишения свободы. Арестованным, как правило, выдвигались стандартные обвинения, а именно: «организация и руководство антисоветской группой церковников», «контрреволюционная агитация», «распространение провокационных слухов». При этом ссылки на ту или иную статью УК РСФСР в документах «троек» часто отсутствуют.

В ряде случаев обвинения против священнослужителей несут на себе печать ярко выраженного воинствующего атеизма. Так, священник Петининской церкви Сокольского района Усов был привлечен к уголовной ответственности за то, что открыл в алтаре для широкого доступа источник лечебной воды. В заведенном на него деле говорится: «Среди церковников распространялись слухи о том, что посредством употребления воды больные получают исцеление. Вокруг церкви организовалось большое паломничество»⁴¹.

Служителей культа арестовывали, невзирая на их преклонный возраст. Так, священнику Юнееву Павлу Викторовичу, проживавшему в деревне Перебытино Сокольского района, на момент задержания было 80 лет.

Проявляя недюжинное рвение, сотрудники «компетентных органов» с 1 октября 1937 года по апрель 1938 года изъяли (здесь и далее терминология сотрудников НКВД) в Вологодской области 392 попа, 179 человек монашеского элемента, 238 сектантов всех направлений, 937 человек церковно-кулацкого актива – всего 1746 человек⁴².

Особого внимания заслуживает дело «контрреволюционной повстанческой организации церковников» Кирилло-Белозерского края. Раскручивали и вели это дело ленинградские чекисты при активной помощи коллег из Вологодской области. Свообразным толчком к его началу послужила передача Усть-Кубинским районным отделом НКВД Вологодского округа следственного материала на священника Иоанна Борисова – «служителя культа и активного участника контрреволюционной организации Истинно Православной церкви». Эту «контрреволюционную» организацию вологодские чекисты ликвидировали еще в начале 1937 года. Воспользовавшись полученными документами, сотрудники УНКВД Ленинградской области 21 июля 1937 года арестовали Иоанна Борисова. Он в то время служил в Славянской церкви Кирилловского района. 16 августа в Белозерске был допрошен и арестован настоятель Ильинской церкви отец Сергей Шоленинов. 18 августа арестовали настоятеля Петропавловской церкви и благочинного города Белозерска отца Николая Федотовского. 20 августа допросили настоятеля Покровской церкви и благочинного города Кириллова отца Василия Остроумова⁴³.

Теоретическим обоснованием сфальсифицированному делу служил следующий тезис следователей НКВД: «Смежные между собой Кирилловский и Белозерский районы до Октябрьской социалистической революции в течение многих столетий являлись оплотом православия... Белозерское и Кирилловское духовенство более реакционное, чем в других районах Ленинградской области». Покончив с теорией, чекисты перешли к практике. На роль главного обвиняемого был выбран епископ Тихон – настоятель Князь Владимирского собора в Ленинграде. Между тем в Белозерском и Кирилловском районах начались массовые аресты. Руководство поставило задачу включить в состав мифической организации 100 человек. План пришлось перевыполнять за счет женщин. 23–25 сентября 1937 года были арестованы 33 бывшие монахини Горицкого монастыря, 30 сентября – еще 14. Всего же были арестованы 62 бывшие насельницы монастырей и мирянки⁴⁴.

9 октября 1937 года особая тройка УНКВД Ленинградской области приговорила 96 обвиняемых по делу «контрреволюционной повстанческой организации церковников» к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Ленинграде. В Белозерске расстреляли только игуменью Зосиму по причине ее немощи. В свою очередь, вологодские чекисты передали своим

ленинградским коллегам материалы еще на 44 кирилловских церковника. В следственных делах говорилось, что попы, монахини (38 насельниц Горицкого монастыря) и церковный актив собирались вызвать недовольство населения, развалить колхозы и сорвать выборы в Верховный Совет СССР. Как позднее стало известно, почти все показания от арестованных были получены методом физического давления. Если арестованный или арестованная не подписывали заранее заготовленный и обвинявший их протокол допроса, то они обрекали себя на невыносимые страдания. На голову жертве надевали тулуп, потом сбивали с ног на пол и били ногами. После этого следователи подводили человека к столу, вставляли ему в пальцы ручку и сами водили его рукой по бумаге. Еще один способ получения нужных показаний – ежедневное стояние под присмотром милиционера в углу комнаты в течение 12–17 суток⁴⁵.

30 октября 1937 года все 37 насельниц Горицкого монастыря, один священнослужитель и несколько мирян были расстреляны в Ленинграде. По неизвестным причинам не вывозили в город на Неве, а расстреляли в Белозерске только старосту монастыря Анну Кукушкину⁴⁶.

Инакомыслие в Советском Союзе, несмотря на все усилия большевистского режима, существовало всегда. Другое дело, что оно не могло подняться до уровня масштабного социального явления. Во второй половине тридцатых годов «оппонировать власти» решались немногие интеллигенты старой формации, воспитанные на ценностях христианской морали и нравственности. Во время «большого террора» именно они стали жертвами политических репрессий. И это не удивительно. Утвердившаяся в тридцатые годы командно-административная система безжалостно искореняла свободу творчества, неординарно мыслящая индивидуальность должна была либо подчиниться требованиям социалистического строя, либо ее ждали непризнание, арест, лагерь, расстрел. Вологодский поэт Б.С. Непеин входил в литературную группу «Борьба», исповедовавшую пролетарские идеи и ленинско-сталинские принципы партийности в художественном творчестве. Однако это обстоятельство не спасло Бориса Непеина от преследования по политическим мотивам, стоило ему проявить чуждое большевистской власти свободомыслие.

Крайне трагично сложилась судьба уроженца села Устье Кадниковского уезда Николая Васильевича Ильинского и его жены Аполлинии Александровны. Бывший преподаватель Тотемской учительской семинарии в годы большевистской власти работал профессором Вологодского педагогического института, затем – профессором Вологодского сельскохозяйственного молочного института. В 1924 году он избирается действительным членом Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Принимает активное участие в деятельности Вологодского общества изучения Северного края. В 1930 году был

арестован как участник троцкистско-кадетской партии, выступавший против мероприятий советской власти. Николая Васильевича приговорили тогда к 5 годам лишения свободы. Однако после подачи кассационной жалобы он был освобожден из заключения и продолжил свою работу в Вологодском молочном институте. Работал над докторской диссертацией в области биологических наук. Однако грянул 1937 год, и Ильинского вновь арестовывают. Его обвинили во враждебной деятельности против советской власти и 21 апреля 1938 года расстреляли. А 8 мая 1938 года в Вологде была взята под стражу Аполлинария Александровна. Как жену «врага народа», ее приговорили к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере. Она скончалась за колючей проволокой 18 августа 1943 года. Супруги были реабилитированы только в 1961 году⁴⁷.

Другой наш земляк – автор знаменитых «Колымских рассказов» В.Т. Шаламов – первый раз был арестован в 1929 году за распространение запрещенного ленинского «Письма к съезду», в котором, в частности, содержалась острая критика И.В. Сталина. Отбыв срок, Варлам Тихонович, был арестован вторично. В своих воспоминаниях он пишет: «...12 января 1937 года я был арестован, осужден на 5 лет трудовых лагерей с отбыванием срока на Колыме. И отправился на Колыму»⁴⁸. В 1942 году заключение Шаламову, осужденному «за контрреволюционную троцкистскую деятельность», продлевается до конца войны. В 1943 году на Колыме его привлекут по новому «делу» за то, что он осмелился назвать автора антисоветского произведения «Окаянные дни» И.А. Бунина классиком русской литературы... Результат закономерен: осужден на 10 лет лишения свободы по п. 10 ст. 58 УК РСФСР.

Наконец, вспомним о трагической судьбе еще одного поэта-земляка – Николая Алексеевича Клюева. Протокол допроса от 5 марта 1934 года передает нам мироощущение поэта, которое он не считал возможным скрывать от следователей: «Политика индустриализации разрушает основы и красоту русской народной жизни». И вслед за этим заявление, что коллективизацию он воспринимает «с мифическим ужасом, как бесовское наваждение»⁴⁹. В итоге – высылка из Москвы сроком на пять лет в город Колпашево Нарымского края, позднее – перевод на поселение в Томск. Однако это только пролог трагедии поэта, который «составляет и распространяет контрреволюционные литературные произведения». В 1937 году Томским УНКВД фабриковалось дело о «Союзе спасения России» – мощной монархической организации, которая якобы готовила вооруженное восстание против советской власти. Роль одного из вождей этой вымышленной организации была отведена тяжело больному Н.А. Клюеву. 5 июня 1937 года поэт был арестован, на допросах держался мужественно, факт наличия мифического «Союза спасения России» отрицал.

Выездная коллегия Особого совещания из Новосибирска приговорила его к высшей мере наказания. В конце октября 1937 года Николай Алексеевич был расстрелян⁵⁰.

В разгар массовых репрессий появился на свет приказ наркома внутренних дел № 00486 от 15 августа 1937 года, по которому «жены изменников родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций» подлежали аресту и заключению в лагерь на срок от 5 до 8 лет. Дети старше 15 лет подлежали заключению в лагерь, моложе – отправлялись в детские дома особого режима⁵¹. Во внутреннюю тюрьму управления НКВД Вологодской области жен «врагов народа» обычно приглашали под предлогом предоставления свидания с арестованными мужьями. Домой они уже не возвращались. Вообще внутренняя тюрьма НКВД пользовалась в Вологде печальной славой. Ходили слухи, что там нередко появляется и наводит порядки сам начальник областного управления НКВД С.Г. Жупахин.

В справке областной прокуратуры говорится, что с 23 сентября 1937 года, т.е. со дня образования Вологодской области, по 1 июня 1938 года включительно, из общего количества осужденных 35% граждан было привлечено к уголовной ответственности за совершение контрреволюционных преступлений⁵². Показатель по выявлению «врагов народа» при Сергее Георгиевиче, как видим, существенно возрос. 8 июня 1938 года печатный орган Великоустюгского райкома ВКП(б) и райисполкома газета «Советская мысль» писала: «Прибыв в Вологду по путевке Сталинского Центрального Комитета, С.Г. Жупахин с испытанной чекистской хваткой срывает маски с троцкистско-бухаринских извергов. Под руководством наркома Н.И. Ежова очищает область от контрреволюционной нечисти... Беспощадный к врагам народа, непоколебимый сталинец, Сергей Георгиевич – достойный кандидат от трудящихся Великоустюгского избирательного округа в депутаты Верховного Совета социалистического парламента нашей республики». Впрочем, вскоре на служебной карьере «непоколебимого сталинца» будет поставлен крест.

17 ноября 1938 года было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Видимо, главной причиной появления этого документа стало то, что задачи репрессивной политики, определенные партийным руководством страны, были к этому времени уже выполнены. При этом репрессии приняли такой размах, что привели к коллапсу управленческого, а частично и партийного аппарата. Кроме того, возникла угроза выхода органов госбезопасности из-под контроля партии. В постановлении осуждались массовые и необоснованные аресты, необъективное ведение следствия, практика строить обвинение только на признательных показаниях. Однако ответственность за все это возлагалась на пробравшихся

в органы НКВД и прокуратуры «врагов народа» и шпионов иностранных разведок, которые «сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы... создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей». Одновременно постановление накладывало запрет на производство массовых операций по выселению граждан, восстанавливался прокурорский надзор за следствием и дознанием⁵³. Двумя днями ранее, 15 ноября 1939 года, директивой СНК и ЦК ВКП(б) были ликвидированы такие внесудебные инстанции, как «тройки».

Через восемь дней, 25 ноября 1938 года, с поста наркома внутренних дел был снят Н.И. Ежов. На его место пришел Л.П. Берия. Заботясь о своей карьере и личной безопасности, прокурор СССР А.Я. Вышинский организовал серию проверок соблюдения законности в местах лишения свободы. Уже 27 декабря 1938 года он направил в адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова письмо под № 430л-сс, в котором говорилось о серьезных преступлениях, совершенных сотрудниками УНКВД Вологодской области. Дополнительная проверка дала основание Вышинскому направить 1 февраля 1939 года в адрес высокопоставленных лиц еще одно письмо с грифом «совершенно секретно». В этом послании приводились факты вопиющего беззакония, которые творились в исправительно-трудовой колонии № 14. Так, начальник Белозерского оперативного сектора УНКВД лейтенант госбезопасности И.Т. Власов имел задание по выявлению среди заключенных лиц, занимающихся контрреволюционной деятельностью. Не отягощая себя рутинной работой, Власов встал на путь подлогов и фабрикаций фиктивных дел. В колонию Власов и его подчиненные сержант госбезопасности Е.А. Воробьев и старший лейтенант чекист запаса И.А. Емин прибыли под видом медицинской комиссии. Отобрали 100 заключенных и составили подложные протоколы допросов, содержащие признания ничего не подозревающих людей в совершении тягчайших государственных преступлений. Затем обвиняемым предложили своей подписью удостоверить, якобы подготовленные комиссией «свидетельства о болезни» (на самом деле они расписывались на бланке протокола допроса). Сфабрикованные дела были переданы на рассмотрение тройки УНКВД по Вологодской области, которая приняла решение о расстреле всех 100 человек⁵⁴.

Далее в сообщении Вышинского говорилось о том, что начальник Белозерского районного отдела НКВД сержант госбезопасности С.П. Портнаго и его сотрудники «во время допросов доходили до изуверства», пускали в ход «всевозможные пытки». В процессе таких «допросов» четверо заключенных были просто-напросто убиты. Начальники 3-го и 4-го отдела УНКВД по Вологодской области старший лейтенант госбезопасности Лебедев и старший лейтенант госбезопасности Проскуряков, выполняя приказ НКВД СССР № 00485

от 11 августа 1937 года «Об операции по репрессированию членов Польской военной организации в СССР», не мудрствовали. Они арестовали граждан, имевших нерусские фамилии, оперативно фабриковали дела и передали их на рассмотрение тройки УНКВД по Вологодской области. Действия самой этой тройки, несомненно, посвященной в то, как добывались массовые признания обвиняемых, Вышинский назвал преступными.

Затем прокурор СССР информировал руководителей партии и государства о необходимости ареста названных лиц и ряда других сотрудников НКВД. Главных нарушителей законности, таких как Власов, он предлагал расстрелять, остальных – приговорить к длительным срокам лишения свободы. Наконец, Вышинский информировал Сталина и Молотова о том, что за участие в анти-советском заговоре взяты под стражу начальник Вологодского УНКВД С.Г. Жупахин и областной прокурор М.С. Дрожжин⁵⁵. В мае 1940 года И.Т. Власов, И.А. Емин, Е.А. Воробьев, С.П. Портнаго и В.Д. Овчинников предстали перед судом Военного трибунала. Основным мотивом обвинения в их адрес было противозаконное ведение следствия по делу об уже известной нам «контрреволюционной повстанческой организации церковников» Кирилло-Белозерского края. Первые трое были приговорены к расстрелу, двое других – соответственно к 10 и 5 годам лишения свободы.

В процессе амнистии, инициированной постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года, из лагерей ГУЛАГа было отпущено на свободу 222 622 человека⁵⁶. Однако следует заметить, что большинство амнистированных являлись все же уголовными преступниками, а не контрреволюционерами. Больше шансов оказаться на свободе было у тех, кого арестовали по политическим мотивам, но пока еще не осудили. Тем более, что некоторые следователи, ведшие их дела, сами оказались за решеткой.

Несмотря на указания Кремля о необходимости соблюдения законности, многие представители прокурорского корпуса не просто небрежно выполняли свою работу, но и продолжали мыслить старыми категориями, считая, что излишнее служебное рвение в будущем может сослужить плохую службу. В докладной записке начальника 1-го отделения союзной прокуратуры от 7 апреля 1940 года, адресованной прокурору СССР М.И. Панкратьеву, говорилось о неудовлетворительном положении в практике судебно-надзорной работы по делам о контрреволюционных преступлениях. В перестройке этой работы в свете постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года «имеются крупнейшие недостатки». В частности, автор докладной записки приводит пример по Вологодской области. Из 714 дел, поступивших в суды на «врагов народа» в 1939 году, в ходе подготовительного заседания 10 было прекращено и 119 возвращено на доследование. По заявлению председателя Вологодского

областного суда П.А. Бойцова, ни одно определение суда прокуратурой так и не было опротестовано. Критику в адрес прокуратуры Вологодской области завершают слова: «Большое количество дел о контрреволюционных преступлениях даже после директивы ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года передавалось в суды органами прокуратуры без достаточной критической проверки следственных материалов... Во многих случаях обвинительные заключения прямо штамповались, а дела, после поверхностного ознакомления с ними, направлялись в суды»⁵⁷.

Руководители Вологодского обкома ВКП(б) во главе с П.Т. Комаровым нашли в себе мужество откровенно сказать об имевших место нарушениях законности. В докладной записке обкома партии, направленной 4 октября 1940 года в Центральный Комитет, отмечается, что в погоне за количеством разоблаченных врагов народа часто в число этих врагов попадали честные люди, контрреволюционная деятельность которых ни в коей мере не была доказана. Далее в документе говорилось о том, что имели место многочисленные факты, когда обвиняемому неправильно инкриминировались статьи УК РСФСР. Партийно-советский актив, руководители предприятий и строек, интеллигенция, рабочие и колхозники, допустившие халатность, разгильдяйство, мелкие хищения, неосторожный умысел без всякого основания обвинялись в контрреволюционных преступлениях⁵⁸.

В свете постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 года Берии было предложено провести кадровую чистку в своем аппарате. Результаты чистки, хотя их и не стоит преувеличивать, были весьма существенны. Из органов НКВД было уволено 7372 оперативных сотрудника (22,2 % от списочного состава оперативно-чекистских кадров). Из этого количества было арестовано 937 наиболее рьяных проводников массового террора⁵⁹. В 1939 году были расстреляны бывший нарком внутренних дел М.Д. Берман, бывший начальник ГУЛАГа И.И. Плинер, начальник Тюремного отдела ГУГБ НКВД Я.М. Вейшток, начальник ГУЛАГа Л.И. Коган, начальник ГУШОСДОР Д.М. Лебедев и другие. Был переведен на должность наркома народного транспорта, а вскоре расстрелян Н.И. Ежов. Бывшего начальника УНКВД Вологодской области С.Г. Жупахина арестовали 14 декабря 1938 года. Дело нарушителя социалистической законности превратилось в дело отъявленного контрреволюционера. 16 мая 1940 года он был приговорен к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР за измену Родине (ст. 58-1«а» УК РСФСР), подрыв промышленности, транспорта, торговли и денежного обращения (ст. 58-7 УК РСФСР), организацию контрреволюционного подполья (ст. 58-11)⁶⁰.

Новый нарком Л.П. Берия, в отличие от Ежова, ставит во главу угла не аресты среди руководства НКВД, а их увольнение и перевод на хозяйственную работу.

Мотивы увольнения имели в первую очередь партийно-классовую и национальную подоплеку. Из руководящих органов были уволены почти все работники, в прошлом не принадлежавшие к большевистской фракции (анархисты, бундовцы, бывшие эсеры и т.д.). Если в 1934 году прослойка этих руководящих работников составляла 31,25%, то на начало 1941 года она равнялась всего 0,55%⁶¹.

Сталинской политикой русификации партийно-советского аппарата были продиктованы изменения в национальном составе руководящих кадров. Если в 1934 году в центральном аппарате НКВД трудилось, к примеру, 31,2% русских сотрудников и 38,5% евреев, то эти же показатели равнялись соответственно 64,8% и 5,5% на начало 1941 года⁶².

Политика массовых репрессий в стране потребовала соответствующего пропагандистского обеспечения. Ответственность за массовый террор, наряду с пресловутыми «врагами народа», пробравшимися в органы НКВД, руководство партии возложило на «клеветников», писавших доносы на честных граждан. Доносительство в стране действительно процветало, но кто подтолкнул этих радетелей государственной безопасности на сотрудничество с органами? И только ли корыстные мотивы двигали гражданами «самой свободной страны», когда они в очередной раз писали донос на своего соседа, товарища по работе или просто на человека, сгоряча нелестно отозвавшегося о советских бюрократических порядках?

Задачу повседневно отслеживать политические настроения всех групп населения поставило перед ОГПУ-НКВД партийно-государственное руководство. Сеть осведомителей во всех уголках Советского Союза существовала уже в конце 20-х годов. Сыск, слежка, составление досье на десятки и сотни тысяч граждан – все это стало неотъемлемой частью политического контроля в СССР. Полученная информация являлась основанием не только для единичных арестов, знакомства высшего партийного и советского руководства с реальной обстановкой на местах, но и поводом для массовых репрессий. К 30-му году в картотеках ОГПУ хранилось множество имен будущих жертв. Однако же доносы только стимулировали террор, но не определяли его масштабов. Решающую роль в данном случае играли все новые и новые выбитые следователями «чистосердечные признания» обвиняемых.

Доносительство вызревало на ниве шпиономании и подозрительности, в насаждении которых в стране огромную роль играла пропаганда. Образ врага начал создаваться в общественном сознании еще со времен гражданской войны. Сначала белогвардейцы и интервенты, затем – угроза новой войны. Гипертрофированный синдром военной опасности, когда объективно существовало капиталистическое окружение, как правило, безотказно влиял на общественное сознание. Большинство граждан верили в многочисленных агентов

иностранных разведок и их пособников, вредителей и противников социалистического строя. Всенародная бдительность постепенно перерастает в шпионманию, которая в свою очередь возводится в ранг государственной политики. В учебнике по истории для 3–4 классов, вышедшем в 1937 году, можно прочитать: «Шпионы пробираются на заводы и фабрики, в большие города и села. Надо тщательно следить за всеми подозрительными людьми, чтобы выследить фашистских агентов»⁶³.

На создание образа внешнего и внутреннего врага успешно работали пресса, кинематограф, театр. В статье «Пролетарская ненависть» певец революции А.М. Горький писал: «Подлинный, искренний революционер Союза Советских Социалистических республик не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему»⁶⁴. Как известно, завершал всю эту апологетику социалистического строительства в окружении акул империализма с их агентами и диверсантами знаменитый лозунг: «Если враг не сдается, его уничтожают».

Армия добровольных осведомителей НКВД стремительно растет. Не приходится удивляться огромному потоку верноподданнических писем в адрес Сталина с информацией о необходимости разгромить очередное «контрреволюционное гнездо». Селькор Машкин в августе 1936 года писал вождю: «Довожу до Вас, что в Вологде троцкистов кишит, и очень они мешают нам работать. Вообще Вологде нужна особая прочистка партийных рядов, очень уж там много чуждых элементов. А в организациях, даже руководящих, засели троцкисты... С классовым врагом борьба оступела, люди с партбилетом думают, что раз бесклассовое общество сейчас, то и бороться не с кем. Но врагов советской власти у партии и у товарища Сталина кругом кишит. Контрреволюционеры еще есть»⁶⁵.

14 декабря 1937 года один из коммунистов Леденгского района Вологодской области писал: «Тов. Сталин И.В., я хочу к Вам обратиться и найти истинную правду и принятия мер к тем, кто в нашем районе и в главках района поощрял орудовать врагам народа и засорять партийные, советские и хозяйственные организации. В настоящий момент хоть и выгнаны, разоблачены враги народа в районе, но еще остались подхалимы, я скажу ниже, почему раньше они не были вскрыты, потому что были зажаты критика и самокритика»⁶⁶. Далее перечислялись девять фамилий жителей Леденгского района, которые, по мнению автора письма, должны быть привлечены к уголовной ответственности.

Итак, «компетентные органы» не дремлют. И, видимо, небезосновательно считают, что в результатах выборов 1937 года есть и их немалая заслуга. Результаты, действительно, впечатляют. В Москву уходит информация о том, что на выборах 12 декабря 1937 года в Вологодской области блок коммунистов и беспартийных одержал полную и безраздельную победу. В голосовании участвовало

848 965 избирателей, или 96,4% всех избирателей области. За кандидатов блока отдали свои голоса 834 404 избирателя, или 98,3% всех голосовавших⁶⁷.

Прошло три месяца с момента принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 года. И что же? Для прокуратуры СССР первым сигналом к тому, что свертывание массовых репрессий носило временный характер, послужило письмо нового наркома внутренних дел Л.П. Берии, направленное прокурору страны А.Я. Вышинскому 2 марта 1939 года. В этом письме под грифом «совершенно секретно» нарком НКВД упрекает Вышинского в том, что его подчиненные якобы неправильно истолковывают упомянутое выше постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Свою позицию на этот счет Берия подкрепляет примерами. Так, прокурор Дагестанской АССР Филатов и помощник прокурора республики Мусаев ходили по камерам тюрем и фотографировали места побоев на телах заключенных. Кроме того, помощник прокурора Мусаев давал заключенным бумагу для того, чтобы они написали отказ от ранее данных показаний. «В результате, – возмущенно замечает Берия, – все арестованные, начиная от менее значительного преступника и кончая шпионом, террористом и диверсантом нагло заявляют: «Мы честные люди, арестованы врагами и дали свои показания в результате принуждения»⁶⁸.

Нет, сценарий геноцида против собственного народа, главным режиссером которого, безусловно, был Сталин, еще не был дописан. 10 января 1939 года первый секретарь Вологодского обкома ВКП(б) П.Т. Комаров получил, как и остальные партийные лидеры в республиках, краях и областях, телеграмму, в которой говорилось: «ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод»⁶⁹.

В заключение хотелось бы остановиться на двух принципиально важных моментах. Бытует мнение, что население поддерживало лозунги расправы над врагами народа из-за чувства страха. Однако в данном случае я солидарен с теми учеными, которые поддерживают следующую идею философа Ю.А. Шрейдера: «Не надо думать, что в годы сталинских репрессий страх был доминирующим чувством. Власть культивировала не страх (который привел бы к полной

депрессии общества), но энтузиазм участия в общем великом деле под звуки победных маршей. У людей создавалась иллюзия, что достаточно попасть в число участников общего строительства, чтобы оказаться защищенным от грозящих опасностей... В этом единстве ненависть к врагам важнее, чем симпатия к друзьям»⁷⁰. Добавлю, что именно *трудовой энтузиазм масс, в первую очередь и лишь во вторую очередь страх расплаты за плохо сделанную работу или невыполненную производственную норму* обеспечивали стране достаточно высокий уровень индустриального развития СССР в годы первых пятилеток.

Второй момент. Многочисленные мартирологи, изданные в краях и областях России, показывают, что большинство репрессированных составляли простые граждане. Процент высокого начальства (партийно-советская номенклатура, хозяйственные руководители) был не столь высок. По данным Управления ФСБ РФ по Вологодской области, на январь 2002 года судами области и прокуратурами городов и районов рассмотрены 16 757 дел, по которым реабилитированы 25 516 человек. Из них, по предварительным подсчетам, более 50% реабилитированных – это крестьяне и более 30% – рабочие.

Доказательством того, что в тридцатые годы партийно-государственное руководство намеревалось взять курс на увеличение армии подневольных работников за колючей проволокой, служит постановление ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 года «Об использовании труда уголовно-заключенных». Постановление предусматривало передачу осужденных на срок три года и выше в лагеря ОГПУ, организацию для их размещения новых лагерей, которые в дальнейшем будут именоваться исправительно-трудовыми. Принятое решение имело огромное значение для развития страны. Оно предопределило не только гулаговский вариант развития советской пенитенциарной системы, но и во многом обусловило дальнейший рост массовых репрессий. Заключенные отныне становились дешевой и мобильной рабочей силой, которую можно было направлять куда угодно и заставлять выполнять любую, самую тяжелую и трудоемкую работу. Именно с этого времени труд за колючей проволокой все больше рассматривается не как средство перевоспитания осужденных, а как важный *фактор социально-экономического развития страны*.

С начала 30-х годов «население» ГУЛАГа быстро растет. Уже в 1933 году было арестовано 505 тысяч человек, из них более половины были осуждены за контрреволюционные преступления. На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 27 сентября 1934 года исправительно-трудовые учреждения Народного комиссариата юстиции были переданы в органы НКВД по территориальному признаку. В конце 1930-х годов на территории Вологодской области появились лагерные подразделения ГУЛАГа. В частности, заключенные Волжского ИТЛ, управление которого размещалось в г. Рыбинск Ярославской

области, были заняты на работах по созданию водохранилища в районе Молого-Шекснинского междуречья и Шекснинского гидроузла. В сентябре 1940 года был образован Череповецкий ИТЛ, командовал которым капитан госбезопасности А.И. Хархардин⁷¹. В основном труд заключенных использовался на строительстве Череповецкого металлургического завода. Кроме того, заключенные трудились на прокладке железных и грунтовых дорог областного подчинения, водопровода, возведении жилья. Их труд использовался на лесозаводе, в подсобном сельском хозяйстве лагеря.

Вторая половина тридцатых годов – это время эволюции системы мест заключения в условиях становления централизованной плановой экономики. В 1940 году Вологодская область становится местом производственной деятельности Главного управления лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР (ГУЛГТС). Начальником главка с сентября 1940 года по октябрь 1941 года был старший майор госбезопасности Я.Д. Рапопорт. Самым крупным лагерем ГУЛГТС в Вологодской области был Вытегорский исправительно-трудовой лагерь. Он был организован по приказу НКВД СССР № 0440 от 11 октября 1940 года. Возглавил лагерь майор госбезопасности П.В. Чистов – опытный руководитель, награжденный орденом Ленина и орденом «Знак Почета». На момент возникновения Вытегорлага в нем насчитывается 10 253 заключенных, на 1 января 1941 года их было уже 14 643 человека, а на начало Великой Отечественной войны – 34 738 человек⁷².

Большая часть заключенных прибыла к месту основного производства, т.е. на строительство Волго-Балтийского водного пути, из Самарского исправительно-трудового лагеря. Среди оказавшихся на Вологодской земле было, по нашим подсчетам, не менее 15% осужденных по политическим мотивам. Особенно высокий процент осужденных за контрреволюционные преступления зафиксирован среди инженеров, техников, прорабов, специалистов различного профиля. Люди прибывали в Вологодскую область, в необжитые северные края, проделав путь длиной в тысячу верст. Жили в палатках, строили бараки для себя и новых партий заключенных. В декабре 1940 года весь прибывший контингент располагался на семи участках (район № 1, район № 2 и т.д.) вдоль будущей трассы канала. Район № 7 с центром в Оште имел особую задачу: к середине 1941 года следовало протянуть линию электропередач от станции Свирь-3 до села Карданга Вытегорского района. Этот стройучасток был укомплектован бесконвойными заключенными, поскольку организовать охрану на многокилометровой лесной трассе, где люди работали небольшими бригадами, было крайне сложно⁷³.

Планы по строительству Волго-Балта были крайне напряженные: навигацию 1943 года предполагалось открывать уже по новому каналу. В план 1941 года была заложена сумма в 350 млн рублей⁷⁴. Однако начавшаяся война заставила пересмотреть сроки осуществления проекта.

Приказом НКВД № 0440 от 11 октября 1940 года был организован Опокский ИТЛ, его начальником назначили старшего лейтенанта госбезопасности З.С. Салтанова. На реке Сухоне было решено создать два гидроузла, один из них Опокский в районе деревни Пороги Великоустюгского района. В ноябре того же года начались подготовительные работы, строились землянки, завозилась рабочая сила. К январю 1941 года на Опокстрое было уже 1123 заключенных. К концу марта работы были выполнены только на 44 %. Причины срыва планового задания самые обычные для «строек социализма»: необеспеченность стройматериалами и транспортом, несвоевременное поступление проектной документации, низкая квалификация подневольных рабочих. С началом войны строительство было приостановлено⁷⁵.

Второй гидроузел на реке Сухоне, в 8 км от Кубенского озера, было решено реконструировать в районе деревни Шера Сокольского района. Именно реконструировать, так как плотина, дамба и деревянный шлюз для прохождения судов были построены еще в 1916–1917 годах. Начальником Знаменитлага был К.К. Квесик. Реконструкция гидросоружения была законсервирована в связи с началом Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ См.: Павлова И.В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. – Новосибирск, 1997. – Вып. 3. – С. 14.

² Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. – 1990. – № 4. – С. 8; 1988. – № 3. – С. 120–121; Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 262.

³ ВОАНПИ. – Ф. 1855. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 36; Д. 42. – Л. 1–15.

⁴ Красный Север. – 1930. – 16 января.

⁵ Цветков С.Н. «Кулак, враждебно настроен к советской власти...» // Кириллов: Краеведческий альманах. – Вологда, 1998. – Вып. 3. – С. 251.

⁶ Там же. – С. 254.

⁷ Старостин С.И. Депортация крестьян в 1930–1931 годах (по материалам Кадуйского района) // Кадуй: Краеведческий альманах. – Вологда, 2005. – С. 177.

⁸ Там же.

⁹ ВОАНПИ. – Ф. 1855. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 74.

¹⁰ Очерки истории Вологодской организации КПСС (1895–1968). – Вологда, 1969. – С. 373.

¹¹ Там же. – С. 375, 377; ВОАНПИ. – Ф. 1855. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 52–53.

¹² История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Книга для учителя. – М., 2002. – С. 129.

- ¹³ Очерки истории Вологодской организации КПСС (1895–1968). – С. 399–400.
- ¹⁴ Стенографический отчет XVII съезда Всесоюзной Коммунистической партии (б) (26 января – 10 февраля 1934 г.). – М., 1934. – С. 28.
- ¹⁵ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под общей ред. А.Н. Яковлева. – М., 1991. – С. 171–210.
- ¹⁶ Там же. – С. 210–235.
- ¹⁷ Архив УФСБ РФ по Вологодской области (далее архив УФСБ ВО). Историческая справка по эсерам и Т.К.П. – Л. 12.
- ¹⁸ Цит. по: Шабанов П. Скорбная дорога в прошлое... // Русский Север. – 2005. – 21 сентября.
- ¹⁹ Репрессии в Архангельске: 1937–1938: Документы и материалы / Общ. ред. и вступительная статья Р.А. Ханталиной. – Архангельск, 1999. – С. 20–21.
- ²⁰ Там же. – С. 21–22.
- ²¹ Архив УФСБ ВО. – Л. 13.
- ²² Там же.
- ²³ Димони Т.М., Виноградов И.А. Политическая деятельность С.С. Маслова // Вологда: Краеведческий альманах. – Вологда, 2003. – Вып. 4. – С. 92.
- ²⁴ Репрессии в Архангельске. – С. 19.
- ²⁵ Там же. – С. 21–22.
- ²⁶ ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 5. – Д. 345. – Л. 1–28; Д. 436. – Л. 1–4; Д. 549. – Л. 1–59; Оп. 114. – Д. 360. – Л. 1–8.
- ²⁷ Акиньев Г.А. Та жизнь: встречи в пути. – Вологда, 2002. – С. 4.
- ²⁸ Репрессии в Архангельске. – С. 120–122.
- ²⁹ Там же. – С. 122–127.
- ³⁰ Там же. – С. 206–210.
- ³¹ ВОАНПИ. – Ф. 290. – Оп. 9. – Д. 58. – Л. 127–128.
- ³² Цит. по: Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895–1968. – С. 410.
- ³³ ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 38–39.
- ³⁴ Российские вести. – 1992. – 9 июня.
- ³⁵ Цит. по: Аринин В. Тень генералиссимуса: Документальная повесть; Кузнецов М. Произвол. Записки репрессированного. – Архангельск, 1991. – С. 70–71.
- ³⁶ Красный Север. – 1937. – 30 сентября.
- ³⁷ ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 117. – Д. 21. – Л. 163–164.
- ³⁸ Там же. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 64, 84.
- ³⁹ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – СПб., 2002. – С. 123.
- ⁴⁰ Цветков С.Н. Политические репрессии против вологодской православной церкви в 1937–1938 гг. // Историческое краеведение и архивы. – Вологда, 2000. – Вып. 6. – С. 183.
- ⁴¹ ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 23. – Д. 97. – Л. 64, 72.

⁴² Там же. – Оп. 1. – Д. 134. – Л. 15–17.

⁴³ Разумов А. Дело «контрреволюционной повстанческой организации церковников» Кирилло-Белозерского края // Ленинградский мартиролог. – СПб., 2002. – Т. 5. – С. 580–581.

⁴⁴ Там же. – С. 583.

⁴⁵ Там же – С. 584.

⁴⁶ Там же. – С. 586. Безвинно загубленные вологодские священники и миряне реабилитированы 31 октября 1999 года «за отсутствием состава преступления». На Левашовском мемориальном кладбище трудами нынешних насельниц Горицкого монастыря воздвигнут крест памяти убиенных в 1937 году. Крест резал бывший плотник иерей Алексей Фомичев – настоятель Троицкого храма в селе Талицы.

⁴⁷ Белов С.П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915–1920 гг.) // Тотьма: Краеведческий альманах. – 1997. – Вып. № 2. – С. 521–522, 528–529.

⁴⁸ Цит. по: Шаламовский сборник. – Вологда, 1994. – Вып. 1. – С. 34.

⁴⁹ Азадовский К. О Николае Ключеве: факты и мифы // Ключев Н.А. Стихотворения. Поэмы. – М., 1991. – С. 20.

⁵⁰ Там же. – С. 23.

⁵¹ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 106–107. В октябре 1938 года вышел новый приказ НКВД СССР, предлагавший репрессировать только тех жен врагов народа, которые содействовали контрреволюционной деятельности своих мужей или, в крайнем случае, имелись данные об их антисоветских настроениях и высказываниях. Однако к моменту появления данного приказа почти все жены осужденных контрреволюционеров уже находились в лагерях и колониях.

⁵² ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 1 – Д. 134. –Л. 63.

⁵³ Курицын В.М. История государства и права России. 1929–1940. – М., 1998. – С. 220.

⁵⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. // Собрание документов: В 7 т. – М., 2004. – Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – С. 331–333.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. – С. 140.

⁵⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – С. 370–373.

⁵⁸ ВОАНПИ. – Ф. 1858. – Оп. 72. – Д. 740. – Л. 356–357.

⁵⁹ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 143.

⁶⁰ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934–1941: Справочник. – М., 1999. – С. 193.

⁶¹ Там же. – С. 499.

⁶² Там же. – С. 495.

⁶³ Цит. по: Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. – М., 1996. –Т. 2. – С. 376.

⁶⁴ Цит. по: Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – С. 105.

⁶⁵ Цит. по: Цветков С.Н. Письма вологжан И.В. Сталину как источник изучения края (1924–1953 гг.) // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова: Межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 2000. – С. 110.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Очерки истории Вологодской организации КПСС. – С. 406.

⁶⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – С. 333.

⁶⁹ Цит. по: Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. – С. 40–41.

⁷⁰ Шрейдер Ю.А. Ценности, которые мы выбираем. – М., 1999. – С. 120–121; Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – С. 103.

⁷¹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. – М., 1998. – С. С. 189–190, 508.

⁷² Там же. С. 198–199.

⁷³ Спивак Т.О. Письма из прошлого. – Вологда, 2004. – С. 50.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. – С. 259.

ГЛАВА 3

ВОЛОГОДСКАЯ ССЫЛКА 30-50-х ГОДОВ XX ВЕКА

В советской истории Вологодская политическая ссылка начала XX столетия прежде всего ассоциируется с плеядой профессиональных революционеров, известных философов, историков, литераторов. Член РСДРП И.В. Сталин, философ Н.А. Бердяев, историк П.Е. Щеголев, писатель А.М. Ремизов и многие другие неординарные личности оставили в ней свой след. Что касается количества ссыльных, то оно было невелико. К примеру, в губернской столице проживало в разное время от нескольких десятков до двухсот человек. Справедливости ради следует сказать, что мало кто из оказавшихся в вологодской глубинке ссыльных испытывал острую материальную нужду и духовно деградировал. Жили политические противники законной власти, как правило, на частных квартирах, имели возможность заниматься сочинительством, устраивать диспуты, посещать театр. Говорить о каком-то грубом вмешательстве вологодской полиции в личную жизнь поднадзорных также не приходится. После революции 1905–1907 годов большинство ссыльных составляли рабочие, учащая молодежь, крестьяне. Они охотно конфликтовали с властью, по причине нехватки средств не брезговали кражами, грабежами и даже убийствами. И все-таки их число не превышало 2–3 тысяч человек. Совершенно иное дело – феномен советской ссылки. В малообжитых отдаленных районах СССР оказались сотни тысяч раскулаченных крестьян и граждан из числа наказанных народов. Более 40 тысяч «врагов народа» осело на разные сроки в Вологодском крае, а всего через областной центр проследовала не одна сотня тысяч неугодных государству людей. Положение ссыльных в дореволюционной России и положение граждан СССР, отправленных на спецпоселение, несопоставимо. Уделом подавляющего большинства ссыльных при советском режиме на долгие годы стало бесправное и полуголодное существование, преждевременная смерть родных и близких, горькая обида и ощущение полной безысходности. В Вологодской ссылке 30–50-х годов XX столетия побывали раскулаченные крестьяне, советские немцы, чеченцы, ингуши, украинцы, депортированные польские граждане. О судьбах этих людей и пойдет речь в данной главе.

Еще в конце XIX века идея освоения Европейского Севера России привлекла внимание управленческих структур и интеллигенции этого обширного региона. Суть идеи сводилась к хозяйственному освоению Севера, превращению его в процветающий край в первую очередь предприимчивыми колонистами. К 1917 году эта идея частично была реализована – на Мурмане в Архангельской губернии и в Опарино-Моломском районе в Вологодской губернии.

Новый этап освоения Севера осуществлялся в духе догоняющей сталинской модернизации. В 1929 году появился лозунг «Пролетарской волей и напором край суровый и отсталый превратим в индустриальный Север». Однако одной «пролетарской воли и напора» для решения глобальной проблемы явно не хватало. Роль основной рабочей силы в процессе освоения отсталых районов Северного края должны были сыграть репрессированные граждане «самой свободной страны в мире».

Начало новому этапу колонизации положила политика раскулачивания и депортации кулаков в отдаленные районы страны. 31 января 1930 года крайком ВКП(б) утвердил «План расселения кулачества в Северном крае». В нем без обиняков было сказано, что высланным «эксплуататорам трудового народа» предстоит освоить «наименее обжитые районы» и «худшие земли». Разумеется, учитывалось и то обстоятельство, что в планах партии и правительства Европейскому Северу отводилась роль «всесоюзной лесопилки». «Поселенцы, – говорилось далее в документе, – должны рассматриваться как кадры для форсирования лесозаготовок»¹.

В 1930–1931 годах под бдительным оком ОГПУ на спецпоселение в Северный край и на Урал были доставлены 381 206 раскулаченных семей, или 1 803 392 человека². Всего же в отдаленные, малообжитые районы страны было депортировано 2 млн 140 тысяч «эксплуататоров трудового народа»³. В сводках НКВД раскулаченные крестьяне именовались спецпереселенцами, с 1934 года – трудпоселенцами, а с марта 1944 года – снова спецпереселенцами. По решению Политбюро ЦК ВКП(б), продублированному приказом ОГПУ № 4421 от 2 февраля 1930 года, Северный край должен был принять 50 тысяч семей из Украины и 20 тысяч семей из Центрального Черноземного округа. Основанием для такого решения послужила полная оптимизма и делового настроения телеграмма партийного секретаря Северного края С.А. Бергавинова, направленная в Кремль еще 14 января 1930 года. В ней, помимо конкретных предложений о порядке выселения кулаков, содержалось заверение в том, что регион готов принять до 70 тысяч раскулаченных семей.

Грандиозные планы пришлось, однако, несколько скорректировать.

7 февраля 1930 года стало известно о решении Политбюро разместить в Северном крае не 70 тысяч, а 45 тысяч крестьянских хозяйств. В этой связи ранее принятая крайкомом ВКП(б) разрядка по распределению спецпереселенцев по округам Северного края была пересмотрена в сторону уменьшения. Вологодскому округу, в частности, предстояло принять не 10 тысяч, как планировалось ранее, а 6 тысяч кулацких семей⁴.

В конце февраля 1930 года на железнодорожную станцию Вологда вереницей стали поступать эшелоны из Нижне-Волжского и Средне-Волжского края, Украины, Белоруссии, Крыма. Транспортировка спецпереселенцев осуществлялась в ужасающих условиях. Один из тех, кому пришлось пережить те страшные дни, вспоминает: «Всех нас погрузили в вагоны, в которых перевозили скот, и они не совсем были очищены от навоза. Заставили из сырых досок построить двухэтажные нары, дали по два ведра на каждый вагон справлять человеческие надобности, закрыли ворота вагонов, повесили на них замки и повезли на голодную смерть, невзирая на возраст человека, старик или старуха, подросток или грудной ребенок. Голод, нечистоты... Ехали больше недели, и к концу недели появились первые мертвецы, которых даже похоронить не давали»⁵.

О мытарствах семей кулаков, оказавшихся в Вологодском округе, красноречиво свидетельствует их коллективное письмо на имя М.И. Калинина. Обращаясь к председателю ВЦИК, депортированные украинцы писали: «Михаил Иванович! Если бы вы посмотрели на жизнь в бараках, вы пришли бы в ужас. В этих бараках прожить года два и ни одного из нас не останется в живых. Бараки построены в лесу, в сыром месте, имеют по четверти метра воды. Мы в ботинках тонем в болоте. Бараки эти построены из тесу и покрыты соломой, так что ветер кругом свистит... Михаил Иванович, спасите нас от такого бедствия и от голодной смерти, на что и просим обратить внимание. Нас сюда выслали на гибель, а какие мы кулаки, если имели по одной лошадке, по одной корове и по 8 овец. Мы для государства были безвредны, а работали и народ кормили, чем могли, а теперь сами гибнем. Умерло уже более 3000 человек»⁶.

Возможно, кому-то покажется, что раскулаченные крестьяне сознательно драматизируют происходящее. Увы, в их откровениях нет ни капли вымысла. Вот что говорится в письме председателя правительственной комиссии по устройству спецпереселенцев В.Н. Толмачева, отправленном в конце апреля 1930 года заместителю председателя СНК РСФСР Д.З. Лебедю: «В общей сложности в Северный край доставлено около 45 тыс. кулацких семей, т.е. около 158 тысяч человек. Из них трудоспособных около 36 тысяч отправлены в разные места на работу... Самым коренным и острым является жилищный вопрос. Люди размещены в 750 бараках, наскоро состряпанных из жердей.

Теснота невероятная: есть места, где на человека приходится 1/10 кв. м площади, нары в несколько этажей (кубатура меньше гробовой). Полов в бараках нет, крыша сделана из жердей и слегка присыпана тающей и осыпающейся землей. Температура не выше +4°C, как правило. Вшивость, скверное питание, а для многих и полное его отсутствие»⁷.

Затем автор письма рисует картину с размещением раскулаченных семей в отдельных округах. Говоря о положении в Вологодском округе, В.Н. Толмачев* особо заостряет внимание на судьбе самых маленьких, самых невинных жертв массовой депортации: «С 29 марта по 15 апреля болело детей – 4850, из них умерло 667, в том числе только 12 и 13 апреля умерло 162. Общий процент заболеваемости среди детей – 85%»⁸.

Из прибывавших в Вологодский округ кулаков и членов их семей сразу же отбирались пригодные к физическому труду. Их отправляли на строительство бараков и лесозаготовки в Тотемский, Вожегодский, Харовский, Сямженский, Свердловский, Леденгский, Нюксенский и Чебсарский районы. Что касается нетрудоспособных спецпереселенцев, то их размещали в бывших церквях, монастырях, ночлежных домах, складских и торговых помещениях. Местами наибольшего скопления этих людей в Вологодском округе стали Вологда и ее пригород (42120 чел.) и Кадников (5331 чел.)⁹. Скученность, антисанитарные условия в непригодных для нормального жилья помещениях, употребление в пищу недоброкачественных продуктов, отсутствие более-менее квалифицированной медицинской помощи – все это привело к тому, что в мае 1930 года в Северном крае среди спецпереселенцев вспыхнула эпидемия сыпного тифа. «Наиболее пораженными тифом округами, – говорится в отчете, – оказались Архангельский (361 случай) и Вологодский (139 случаев)»¹⁰.

Врач-эпидемиолог В.В. Лебедев, впоследствии профессор Вологодского государственного педагогического института, вспоминает: «Вызывают меня в Губернское ГПУ, а начальник говорит мне: «Не ликвидируешь тиф – расстреляю». Я пошел к одной из церквей вместе с гпэушниками. Стоит у церкви охрана, а за дверьми – стон и крик. Открыли двери. А там – ад. Больные, здоровые, мертвые – мужчины, женщины, старики, дети. И живые кричат криком и тянут к нам руки: «Воды! Воды!» Много видел страшного в жизни, а такого не видел. И не выдержал, заплакал. А помогать-то как-то надо... Да с тифом мы все же постепенно справились. Правда, людей погибло – тьма»¹¹.

*Слишком откровенные высказывания представителя НКВД В.Н. Толмачева по поводу тяжелого положения сосланных на Север «врагов народа», предложение возратить значительное количество ошибочно высланных крестьян на родину не прошли ему даром. В 1934 году Особым совещанием он был осужден на 3 года исправительных работ, а в 1937 году – вновь арестован и расстрелян.

Явные перегибы в процессе раскулачивания и выселения кулаков вынудили Кремль принять превентивные меры. 14 марта 1930 года вышло постановление ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». В этом документе, в частности, говорилось: «Проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и немедленно исправить допущенные в этой области ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семейств сельских учителей и учительниц, красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командиров)»¹². 9 апреля 1930 года в Северном крае была создана комиссия ЦК ВКП (б) во главе с С.А. Бергавиновым. Ей предстояло рассмотреть около 35 тысяч заявлений спецпереселенцев, в которых содержалась просьба пересмотреть решение о высылке. Однако судьбу ошибочно высланных кулаков определяла не столько комиссия, сколько ОГПУ. В телеграмме этого ведомства № 12936 от 25 апреля 1930 года говорилось: «Возвращению на родину не подлежат махновцы, савинковцы и прочий бандитский элемент»¹³. Установка на крайне жесткий подход к рассмотрению заявлений исходила и от самого председателя комиссии. Неудивительно, что фамилий и имен спецпереселенцев, поначалу внесенных в списки по отправке в родные края, с каждым днем становилось все меньше и меньше.

10 мая 1930 года Политбюро рассмотрело результаты работы комиссии С.А. Бергавинова и признало, что 6 % семей кулаков были выселены неправильно. Тем не менее из этих 6% целесообразно вернуть в места прежнего проживания только семьи активных участников гражданской войны, красных партизан и ныне проходящих службу красноармейцев¹⁴. Таких семей, из почти 47 тысяч высланных в Северный край, набралось немного.

В 1930 году на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина поступило 87 639 жалоб на неправильное раскулачивание и выселение. Рассмотрев их, секретариат ВЦИК сделал вывод, что 68,5% жалобщиков были раскулачены и выселены ошибочно. Однако никаких мер по восстановлению справедливости, никакого наказания никто не понес. Комментируя данное обстоятельство, историк из Санкт-Петербурга С.А. Шинкарчук замечает: «Это была общая практика большевиков, постоянно признавать ошибки, но оставлять безнаказанными главных виновников и не сворачивать с избранного пути, чего бы это ни стоило»¹⁵.

Убедившись в том, что их последняя надежда вернуться в родные края рухнула, «эксплуататоры трудового народа» пустились в бега. В «Справке по Северному краю» от 6 августа 1930 года говорится: «Переселенцы бегут, местное население активно содействует бегству. Из поселков многие спецпереселенцы приходят на ст. Коноша и их укрывают в своих квартирах железнодорожники и служащие... При погрузке деревянных стоек для угольных

шахт Донбасса на железнодорожных станциях Архангельской линии, в частности на ст. Харовская, высланные кулаки в вагонах оставляют свободные места и с полным удобством добираются до родины»¹⁶.

К началу 1931 года в Северном крае в местах спецпоселений оставалось 131 313 человек¹⁷. Практика показала, что дальнейшее возложение на исполкомы местных советов функций по расселению, хозяйственному устройству, снабжению и освоению кулаками малообжитых земель нецелесообразно. Чтобы навести в этом деле настоящий порядок, требовалась более твердая рука. С июня 1931 года все спецпоселки и комендатуры в них были переданы в ведение ОГПУ. Руководство работой с бывшими кулаками было возложено на ГУЛАГ, в составе которого был сформирован отдел по спецпереселениям¹⁸.

Произвол власти по отношению к высланным кулацким семьям был особо заметен именно в начальный период ссылки. Только 7 октября 1931 года наконец-то появилось утвержденное заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой «Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев». Впрочем, с правами у «эксплуататоров трудового народа» дело обстояло из рук вон плохо. Спецконтингент ограничивался в свободе передвижения: запрещалось не только покидать пределы поселка, но и менять без разрешения комендатуры внутри этого поселка отведенное место проживания. Люди лишались права избирать и быть избранными, ограничивалось право на неприкосновенность личной и семейной жизни, право на неприкосновенность жилища, право на тайну переписки. «Выбор места и характера работы для спецпереселенцев, – говорилось во «Временном положении», – является правом органов ОГПУ»¹⁹.

Во второй половине 30-х годов политика государства в отношении бывших кулаков становится более гибкой. Сталинская конституция признала их полноправными гражданами страны Советов. Правда, разрешение покинуть место ссылки получили не все «полноправные граждане». По постановлению СНК СССР от 22 октября 1938 года беспрепятственно выехать в другие регионы СССР могли подростки, достигшие 16 лет и получившие паспорт. 3 июня 1939 года вышло распоряжение НКВД СССР «Об освобождении трудпоселенцев-инвалидов». В результате количество бывших кулаков, проживающих в спецпоселках, медленно, но неуклонно сокращается. На 1 января 1939 года в Вологодской ссылке находилось 9606 бывших кулаков и членов их семей, которые размещались в 45 поселках, обслуживаемых 8 комендатурами²⁰.

Как уже говорилось, основным занятием ссыльных на Европейском Севере СССР являлась работа на различных объектах лесной промышленности. Об успехах бывших кулаков на этом поприще говорится в докладной записке

начальника ГУЛАГа И.И. Плинера и начальника отдела трудовых поселений М.В. Конрадова от 8 апреля 1938 года. Ее авторы отмечают, что за все время сельскохозяйственного освоения лесных угодий в трудпоселках страны раскорчевано 183 416 га и расчищено мелколесья и кустарников 58,8 га. В плане трудового использования бывших кулаков один из лучших показателей имеет Вологодская область, где освоено 7612 га лесных массивов²¹.

Два года спустя картина меняется в худшую сторону. В 1940 году в области состоит на учете 5098 работоспособных кулаков, но фактически трудится только 4755 человек, т.е. 89,7 %. В 1941 году на учете состоит 4537 работоспособных кулаков, занято в промышленности 4263 человека. Казалось бы, процент трудового использования вырос до 93,7 %. Однако среди 13 областей, краев и автономных республик СССР, где применялся труд бывших кулаков, Вологодская область в данном случае занимала только десятое место²².

Со второй половины 30-х годов, НКВД начал поставлять трудпоселенцев другим наркоматам. Делалось это на основе договоров, которыми предусматривалось, что передаваемый контингент по условиям труда и зарплаты приравнивается к вольнонаемным рабочим, обеспечивается жильем, одеждой, продовольствием и медицинской помощью. Надо признать, что и в этом деле НКВД Вологодской области оказался далеко не на первых ролях. Всего 78,6 % – таков был в 1940 году показатель трудовой занятости бывших кулаков в целлюлозно-бумажной промышленности (Сокольский и Сухонский целлюлозно-бумажные комбинаты)²³.

В эпоху социализма в общественном сознании утвердился стереотип, что отправленных в ссылку кулаков, равно, как и их детей, в годы Великой Отечественной войны в армию не призывали, а те, которые все же попадали на фронт, становились «изменниками Родины». Однако при воссоздании объективной картины прошлого нетрудно убедиться, что озвученный тезис – очередной пропагандистский миф.

После нападения фашистской Германии на СССР ряды Красной Армии пополнили 3760 трудпоселенцев²⁴, в том числе из Вологодской области 391 человек²⁵. Исчерпав мобилизационные ресурсы, Кремль пошел на то, чтобы бывшие кулаки и их выросшие дети пополнили полки и дивизии РККА в более массовом порядке. По постановлению ГКО № 1575сс от 11 апреля 1942 года в войска Красной Армии должны были влиться 35 тысяч трудпоселенцев призывного возраста, а по постановлению ГКО № 2100 от 22 июля 1942 года еще 15 тысяч человек. Несколько дней спустя после принятия первого постановления ГКО заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов докладывал: «Политические настроения большинства трудпоселенцев в связи с призывом в Красную Армию характеризуются проявлением патриотического подъема

и желанием принять участие в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков»²⁶. Заместитель наркома не преувеличивал. Почти все регионы СССР, где проживали трудпоселенцы, план по призыву лиц кулацкого происхождения перевыполнили (фактически войска пополнили не 50 тысяч, а 60747 человек). Так, из Вологодской области по разнарядке ГКО от 11 апреля 1942 года следовало отправить на фронт 600 бывших кулаков и членов их семей, а фактически ушло – 679 человек²⁷.

Цифра мобилизованных в Красную Армию трудпоселенцев могла быть и выше. Согласно докладной записке начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, к апрелю 1942 года в местах ссылки находилось 104 866 человек призывного возраста²⁸. Однако полного доверия ни к бывшим кулакам, ни к их взрослым детям у власти не было. Органы НКВД осуществляли тщательную фильтрацию призывников кулацкого происхождения. От призыва отстранялись лица, замеченные в пораженческих настроениях, допустившие хотя бы малейшее замечание по поводу политики советской власти. Неосторожные критические высказывания были чреватые последствиями. У призывников появлялся реальный шанс попасть не на фронт, а под ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация в местности, объявленной на военном положении).

С другой стороны, УНКВД Вологодской области не без успеха использовало «кулацкую карту» в ходе радиоигры с разведкой противника в 1942 году. Арестованный чекистами агент абвера Н.В. Алексеенко отправил своему начальству в оккупированный Псков, в числе прочих дезинформирующих радиogramм, сообщение об «активизации повстанческого движения». Высланные в Вожегодский район кулаки-украинцы, якобы «открыто говорят против советской власти и за возрождение Украины»²⁹.

Доказательством пристального внимания органов НКВД-НКГБ к бывшим кулакам служит и то, что в годы войны агентурно-осведомительная сеть – предмет особой гордости руководителей ГУЛАГа – в трудпоселках продолжает расти. К 1 декабря 1944 года из 4858 бывших кулаков и членов их семей, проживавших на территории Вологодской области, согласие стать агентами и осведомителями дали 259 человек. По проценту охвата поднадзорного элемента «своими людьми» вологодские чекисты вышли на почетное третье место, уступив в служебном рвении лишь коллегам из Приморского края и Коми АССР³⁰.

Не способствовало поднятию морального духа призванных в РККА бывших кулаков и их взрослых детей то обстоятельство, что ни они сами, ни члены их семей не были сняты с учета как «классово-чуждый элемент». Все трудоспособные продолжали отчислять государству 5% своей зарплаты на содержание административно-управленческого аппарата спецпоселков, не имели паспортов. Учитывая это обстоятельство, 22 октября 1942 года

Л.П. Берия подписал приказ № 002303 «О снятии с учета трудпоселенцев, призванных в Красную Армию и членов их семей». В Вологодской области по состоянию на 21 июня 1943 года с учета было снято 677 кулацких семей (2648 человек). Если на 1 января 1941 года в области проживало 9978 трудпоселенцев, то на 1 января 1945 года их насчитывалось уже только 4699 человек³¹.

Большинство солдат из семей бывших кулаков отважно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Многие пали смертью храбрых на поле боя, многие были отмечены орденами и медалями. Два трудпоселенца, высланные на Вологодскую землю, стали Героями Советского Союза. Один из них – Иван Яковлевич Красник, второй – Михаил Порфирьевич Берестовенко. Сержант Красник погиб в неравном поединке с вражескими танками при освобождении Белоруссии в 1944 году. Лейтенант Берестовенко звание Героя Советского Союза получил в июле 1944 года за исключительную стойкость и отвагу, проявленные в бою при форсировании реки Свирь. Оба родом с Украины, оба из раскулаченных семей. Первый до призыва проживал в поселке Зимняк Нюксенского района, второй – в поселке Харовск³². В книге «Вологжане – Герои Советского Союза» тот факт, что И.Я. Красник и М.П. Берестовенко оказались в начале тридцатых годов в Вологодской области не по своей воле, стыдливо замалчивается.

Из семьи Виноградова Ивана Павловича, проживавшего до раскулачивания в Вологодском крае, а после акции выселения – в Мурманской области, с врагом сражались старшая дочь Вера Ивановна и сын Герман Иванович. Дочь прошла боевой путь от Мурманска до Берлина, на фронте вступила в ряды ВКП(б). Войну закончила с пятью боевыми наградами. Сын воевал в партизанском отряде на Карельском фронте. В октябре 1944 года в одном из боев был тяжело ранен, лишился обеих ног. За мужество и героизм удостоен ордена Боевого Красного Знамени. В ту пору Герману Ивановичу было всего 19 лет³³.

В годы Великой Отечественной войны бывшие кулаки, как и весь советский народ, стойко переносили все тяготы и лишения. Многие ударно трудились на лесозаготовках, в колхозах, на предприятиях. Постоянно перевыполнял планы по сдаче государству молока, шерсти, валке, вывозке и разделке авиационной и фанерной березы колхоз «Объединение» Тотемского района Вологодской области. В 1942 году это кулацкое хозяйство перечислило на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник» 202 тысячи рублей. По заведенной в годы войны традиции руководство колхоза отрапортовало о своей патриотической инициативе Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину. В мае 1943 года из Москвы пришла телеграмма от вождя с благодарностью за заботу, проявленную колхозниками о бронетанковых силах Красной Армии. Несколько месяцев спустя труженики колхоза «Объединение»

организовали сбор теплых вещей – валенок, полушубков, меховых жилеток, варежек, носков, предназначавшихся для отправки на фронт³⁴.

После разгрома фашистской Германии в Вологодской области более 600 бывших кулаков и членов их семей были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В будущем именно это обстоятельство послужило главным основанием для освобождения их из ссылки. 28 сентября 1946 года вышел совместный приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР № 00868/208сс. По этому приказу получили свободу те спецпереселенцы, у которых кто-то в семье был награжден правительственными наградами, находился на службе в армии или же вступил в брак с вольной гражданкой или гражданином. На основе приказа МВД СССР от 16 мая 1947 года проходило освобождение еще находившихся в Вологодской области бывших кулаков и членов их семей. Еще несколько месяцев спустя кулацкая ссылка на вологодской земле вообще прекратила свое существование.

«НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ» НА ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Тридцатые годы XX столетия стали периодом усиления внешнеполитической изоляции Советского Союза. Именно в этот период закладывается фундамент будущего «железного занавеса». Доказательством тому служит кампания по обеспечению безопасности крупных городов, границ и приграничных территорий методом «зачистки» – депортации в другие регионы СССР «социально-опасных лиц». Первая крупная акция, ставящая такую цель, проводилась по постановлению бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 4 марта 1935 года. Из 100 км пограничной полосы, вплотную примыкавшей к городу на Неве, подлежали переселению в Таджикистан, Казахстан и Западную Сибирь около 30 тысяч финнов-ингерманландцев (еще их именовали ижорскими финнами). В категорию «социально-опасных» они попали по этническому признаку: иметь на границе с Финляндией граждан СССР – финнов по национальности – представлялось делом рискованным. У советского руководства не было уверенности в том, что в случае вооруженного конфликта со страной Суоми, все они будут верны социалистическому Отечеству. А потому только из одного национального Куйвазовского района весной 1935 года в течение суток выселили 22 тысячи человек, приведя тем самым в запустение более 100 деревень³⁵.

Летом 1936 года из Токсовского района, входившего в пограничную зону, более 6 тысяч финнов-ингерманландцев вывезли в северо-восточные районы Ленинградской области (с осени 1937 года они вошли в состав вновь образованной Вологодской области). Здесь переселенцам предоставляли жилье, надворные постройки и земельные участки. Перевезенный из Токсовского района скот и сельскохозяйственный инвентарь поступал в колхозную собственность. Затем происходила процедура «добровольного» вступления в колхозы. Однако в местах нового обитания финнов-ингерманландцев, судя по всему, чувствовали себя не слишком комфортно. К лету 1938 года в Вологодской области осталось менее трети переселенцев. Люди резали и продавали находящийся в их личном пользовании скот, сбывали за бесценок жилые постройки и выезжали, как говорится в одном из документов, «неизвестно куда». В Шольском районе осталось 143 из 356 финских семей, в Пришекснинском – 88 из 125, в Борисово-Судском – 41 из 159, в Чагодощенском – 113 из 467, в Вашкинском – 84 из 169, в Устюженском – 78 из 287³⁶.

Поистине грандиозные масштабы приняли акции по депортации народов в годы Великой Отечественной войны. 28 августа 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, положивший начало массовому переселению советских немцев. В этом документе говорилось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья»³⁷. Далее Указ предлагал переселить всех немцев, проживающих в районах автономной республики немцев Поволжья, в Саратовской и Сталинградской областях, в Казахстан, Алтайский край и другие малообжитые местности с более суровым климатом. Через три дня, т.е. 1 сентября 1941 года, заместитель начальника отдела спецпереселений НКВД капитан госбезопасности М.В. Конрадов утвердил «Положение об отделе спецпоселений НКВД СССР». В нем говорится, что Отдел «осуществляет разработку мероприятий по переселению жителей СССР немецкой национальности в глубинные районы для расселения их и трудового устройства». Одновременно Отдел «разрабатывает планы переселения немцев и других контингентов (дальновидный чекист Конрадов прогнозировал, что депортацией немцев дело не ограничится, на очереди – другие народы. – В.К.) по отдельным республикам, краям и областям»³⁸.

Осенью 1941 года в спецпоселках Вологодской области оказалось 160 репрессированных советских немцев³⁹. Затем по постановлению ГКО № 1123 от 10 марта 1942 года в так называемые рабочие колонны мобилизовали немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. А по постановлению ГКО № 2383

от 7 октября 1942 года дополнительной мобилизации подлежали не только мужчины, но и женщины-немки в возрасте от 16 до 45 лет. В результате в Вологодской области оказалось еще 350 репрессированных советских немцев⁴⁰.

Людей размещали в отдельных лагерных пунктах, обнесенных колючей проволокой. На работу и с работы они шли в сопровождении конвоиров. Высокие производственные нормы, строгая дисциплина, штрафной изолятор для провинившихся – все это очень напоминало порядки исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. Суровые климатические условия, большая скученность, отсутствие необходимых санитарных условий, элементарных бань, непосильный труд и скудное питание приводили к высокой заболеваемости и смертности.

Сурово карался самовольный уход с работы, тем более – побег. Задержанную на железнодорожном вокзале Вологды Дервель Мирру Оттовну приговорили к трем годам тюремного заключения. Ей, можно сказать, повезло, ибо уже после войны за побег из мест обязательного и постоянного поселения по секретному Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года полагалось 20 лет каторжных работ⁴¹.

Еще в начале декабря 1941 года, когда шли упорные бои за Москву, НКВД СССР организовал массовые проверки политико-морального состояния ссыльных немцев. В ходе этой акции были выявлены лица, связывавшие надежды на коренные перемены в жизни с победой фашистской Германии. Не исключено, однако, что проверяющие сознательно сгущали краски, стараясь убедить руководство в значимости своей работы по обеспечению безопасности тыла⁴².

Большинство депортированных в Вологодскую область немцев, судя по всему, смирились со своей судьбой. Забастовок, антиправительственных митингов, призывов к неповиновению не наблюдалось. Основной формой протеста были либо критические высказывания в адрес властей, либо – заявления о демобилизации из рабочей колонны. Не чувствуя за собой никакой вины, советские немцы крайне тяжело переживали незаслуженные упреки и издевательства. Многие, особенно женщины, продолжали верить в Сталина, отправляя на имя советского вождя слезные письма по поводу свершившейся несправедливости. Письма эти обычно дальше областного управления НКВД не попадали. Оттуда же на места следовал, как правило, стандартный ответ. «Просим объявить мобилизованной в рабочую колонну немке Штро Ольге Федоровне, что ее заявление, поданное на имя тов. Сталина о демобилизации из рабочей колонны немцев, рассмотрено и просьба оставлена без удовлетворения, – уведомил своего подчиненного в Междуреченском районе в январе 1944 года начальник УИТЛК по Вологодской области капитан госбезопасности Смирнов⁴³.

Советская власть была столь «добра», что разрешила мобилизованным в трудовые колонны немцам брать с собой и детей. Тех, кто становился сиротами, определяли в детские дома. Так, Нижне-Федосовский детдом располагался в Великоустюгском районе, на берегу реки Сухоны. С 1947 года пионервожатой в нем работала Клавдия Владимировна Мелентьева. Она вспоминает: «Дети с трудом говорили по-русски. 1 сентября 1948 года все пошли в первый класс, хотя у некоторых за плечами было пять классов немецкой школы. Ребята были послушными. Детский дом, как маленький островок в океане, жил своей обособленной жизнью. Лишь иногда из деревни к воспитанникам приходили их сверстники. Особо следует сказать о воспитателях, большинство из которых очень тепло относились к своим подопечным». Добавим, что дети на проявленную к себе заботу, ласку и внимание отвечали искренней любовью. На фотографии, подаренной Клавдии Владимировне одной из немецких девочек, есть надпись: «На память моей маме от Ани Дик»⁴⁴.

После окончания Великой Отечественной войны на родину репатриировались около 4 млн угнанных на работу в Германию и захваченных в плен советских граждан. Почти все возвращались на родину с чувством тревоги за свою судьбу. И небезосновательно. Еще в мае 1945 года в оккупированной Германии многие стали свидетелями, а кто-то и жертвой недостойного поведения солдат Красной Армии. Жалоб на угрозы, побои, изнасилования набралось так много, что секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков потребовал срочно разобраться с этим вопросом подконтрольный ему отдел пропаганды и агитации⁴⁵.

Летом 1945 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР захлестнул поток писем от репатриантов со справедливыми упреками по поводу недоверия и жестокого обращения к себе. 4 августа 1945 года Оргбюро ЦК партии пришлось издать по этому поводу специальное постановление. В нем говорилось, что «отдельные работники стали на путь огульного недоверия к репатриированным», а между тем «надо помнить, что возвратившиеся вновь обрели все права советских граждан»⁴⁶. Увы, лед недоверия к репатриантам удалось растопить лишь частично. Ведь установка на подозрительное отношение к лицам, побывавшим за границей, и их тщательную проверку шла от самого И.В. Сталина.

Особое недоверие вызывали немцы-репатрианты (129192 чел.), которые вернулись на родину в 1945–1948 годах⁴⁷. Большинство из них имели статус «фольксдойче» - гитлеровские власти предоставили им германское подданство. Около 12 тысяч таких немцев (взрослых и детей) оказались в Вологодской области. Согласно директиве НКВД СССР № 181 от 11.10.1945 года, они были определены на спецпоселение⁴⁸. Трудиться им предстояло под административным надзором «компетентных органов» на лесозаготовительных участках в Бабаевском, Бабушкинском, Биряковском, Вожегодском и других районах Вологодской области.

Так, Юлия Андреевна Цайдлер попала на лесоразработки в поселок Ольховики Бабаевского района, вместе с другими репатриантами валила лес. Кроме детей, у нее к этому времени никого не осталось. Сестру Милю и брата Адама вскоре отправили сплавать лес в Иркутскую область. Через некоторое время от Мили пришло письмо: «Юленька! Адам утонул на сплаве». Больше сестра не давала о себе знать⁴⁹.

Уже в 1946 году несколько десятков немцев-репатриантов были привлечены к уголовной ответственности за службу в рядах вермахта, участие в карательных экспедициях против партизан. Однако в целом ряде случаев дела о преступных деяниях носили надуманный характер, основывались на непроверенных фактах. Особенно сомнительными выглядели обвинения немцев-репатриантов в антисоветской пропаганде и агитации (п. 10 ст. 58 УК РСФСР). 3 октября 1955 года была амнистирована и признана германской подданной вернувшаяся с дочерью в СССР Грюнинг Гильдегард Эдмунд. Осужденная в 1945 году на 10 лет лишения свободы она отбывала наказание в лагере № 476 под Свердловском. Перед отъездом в ФРГ эта женщина написала письмо директору Кирилловского детского дома Вологодской области: «Я, Грюнинг Гильдегард, мать девочки Грюнинг Марии, от всего сердца благодарю Вас за воспитание моей дочери. К сожалению, в настоящий момент я не в состоянии выразить мою благодарность в иной форме. Но я этого никогда не забуду и сумею доказать, как я счастлива и благодарна за все, что сделали Вы, господин директор, и ваши воспитательницы»⁵⁰.

Справедливости ради надо сказать, что отношение местного населения к немцам-репатриантам было различным. Реабилитированная в 1994 году Мария Сергеевна (свои настоящие фамилию, имя и отчество эта женщина до сих пор назвать в печати отказывается) вспоминает два эпизода. Как ее – ребенка, в голодном 1947 году подкармливала на свиноферме в поселке Ермаково Вологодского района одна из женщин. И как она с подружками – детьми немцев-репатриантов – тогда же весной собирала мерзлую прошлогоднюю картошку. Неожиданно на лошади прискакал бригадир. Послышался жуткий мат и угрозы: «Фашистские выродки! А ну выкладывайте картофель, не то всех потопчу, покалечу...»⁵¹

В адрес взрослых немцев тоже нередко сыпались угрозы. Так, один из рабочих Митинского леспромхоза Харовского района заявил немцам Л. Гортвих и Ц. Цинглер: «Вам осталось жить всего полтора месяца. Скоро придут войска и всех вас расстреляют и побросают в одну яму»⁵².

В 1949 году немцев-репатриантов, расселенных в Вологодской области, Москва планировала перевести на работу в другие регионы СССР. В этой связи секретарь обкома ВКП(б) В.Н. Дербинов и председатель облисполкома

П.П. Корепанов направили 6 мая 1949 года министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову письмо с просьбой 6665 спецпереселенцев, получивших навыки работы на лесозаготовках, обзаведшихся огородами и домашним хозяйством, оставить трудиться в трестах «Вологдабумлес», «Череповецлес», «Устюглес» и других предприятиях лесной и бумажной промышленности Вологодского края⁵³. Эта просьба руководителей области была удовлетворена.

14 июля 1950 года Совет Министров СССР принял постановление № 3077-1286сс, предусматривавшее передачу спецпоселений из МВД в МГБ. В постановлении, в частности, говорилось: «Министерству государственной безопасности установить строгий режим в местах расселения политических и уголовных ссыльных... Усилить чекистское наблюдение, административный надзор и борьбу с побегами, обеспечив такой порядок, чтобы ссыльные, высланные и спецпоселенцы не могли покидать места расселения и пользоваться железными дорогами, водным и воздушным транспортом без разрешения органов МГБ»⁵⁴.

Это была одна из последних ужесточающих мер по усилению надзора за ссыльными, инициатором которой выступил И.В. Сталин. Вождь, как известно, умер 5 марта 1953 года. А в сентябре 1955 года на переговорах по установлению дипломатических отношений между СССР и ФРГ германский канцлер Конрад Аденауэр высказал просьбу об освобождении из ссылки немцев-репатриантов. В русле уже начавшейся к этому времени реабилитационной политики данная просьба через два месяца была удовлетворена. Однако при этом каждый из освободившихся немцев давал расписку следующего содержания: «Мне разъяснено, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года снятие с меня ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение мне имущества, конфискованного при выселении. Я не имею права возвращаться на прежнее место жительства, откуда я был выселен или где проживал до выезда из СССР за границу»⁵⁵.

К моменту освобождения из ссылки в 14 районах Вологодской области проживало 5557 немцев-репатриантов (в Бабаевском – 176, Бабушкинском – 147, Биряковском – 192, Вожегодском – 556, Вологодском – 260, Великоустюгском – 1308, Вытегорском – 729, Кирилловском – 112, Лежском – 796, Междуреченском – 142, Тотемском – 397, Харовском – 456, Усть-Кубинском – 90, Череповецком – 196 человек). В начале 1956 года снятые с учета спецпереселенцы стали в массовом порядке выезжать из Вологодской области в другие регионы страны, в надежде там избавиться от бытовой неустроенности, низких заработков и безразличного отношения начальства к их нуждам и запросам. Так, в Явенгском леспромхозе осталось всего несколько немцев. Из Череповецкого района на новое место жительства выехали 119 человек,

в числе которых были электрики, трактористы, мотористы, рабочие других специальностей⁵⁶.

Многие немцы пожелали выехать в Западную Германию. Немка Элла Генке из Вожегодского района в письме своей родственнице из ФРГ писала: «Как они поступили с нами, а теперь не разрешают уехать. Что они от нас хотят, если мы считаемся до сих пор их врагами... Живем, как волки в лесу, ничего не видим, не слышим... фруктов у нас нет, нет ни сахару, ни чаю». В свою очередь, Иван Гефнер, работавший на Красавинском льнокомбинате, заявил: «У меня в Германии много родственников, и я хочу посмотреть, как люди живут... В Красавино сдохнешь и, кроме лопаты, ничего не увидишь. Здесь нас всех ненавидят, а там встретят, как родных»⁵⁷.

26 октября 1956 года вышло постановление ЦК КПСС «О мерах улучшения работы среди советских граждан, вернувшихся из-за границы на жительство в СССР». В нем отмечалось, что партийные и советские органы упускают из виду, что многие из репатриантов, проживая за рубежом, находились под влиянием чуждой идеологии и морали. В результате отсутствия повседневной политико-воспитательной работы среди них возникает недоброжелательное отношение к советской действительности и стремление вернуться обратно в Германию. 27 ноября 1956 года вопрос об улучшении положения снятых с учета немцев-спецпереселенцев рассматривало бюро Вологодского обкома КПСС. Определенные сдвиги в лучшую сторону после этого произошли: несколько улучшились жилищные условия немцев, некоторые получили единовременную денежную помощь. Однако эмиграционные настроения в немецкой диаспоре продолжали преобладать⁵⁸.

Так или иначе, в ФРГ удалось попасть далеко не всем желающим. Руководство СССР опасалось, что немцы, оказавшись в Западной Германии, станут мощным рупором антисоветской пропаганды. В целях прекращения их массового выезда за рубеж были предприняты дипломатические шаги. 29 мая и 30 октября 1956 года посольству ФРГ были вручены ноты МИД. В этих документах советского внешнеполитического ведомства говорилось, что правительство СССР не признает постановлений бывших гитлеровских властей о распространении германского гражданства на немцев, которые до этого являлись советскими гражданами. Кроме того, западногерманской стороне разъяснялось, что выход из советского гражданства может иметь место только по решению Президиума Верховного Совета СССР в каждом отдельном случае⁵⁹.

Тогда, памятуя о заверении советских лидеров не препятствовать выезду немцев в Германию, канцлер ФРГ Конрад Аденауэр 27 февраля 1957 года обратился к Председателю Совета Министров СССР Н.И. Булганину. В своем официальном заявлении он подчеркнул: «При репатриации гражданских лиц

подчиненные Вам органы с самого начала создавали трудности, которые принимали все большие размеры и, в конце концов, свелись на деле к невыполнению данных обещаний»⁶⁰. Однако и после этого демарша позиция Кремля на максимальное ограничение выезда немцев в Западную Германию осталась прежней. Остается добавить, что более сотни немцев-репатриантов, которые в свое время пытались выехать в ФРГ, до сих пор проживают на территории Вологодской области.

* * *

Крайне трагичной является история пребывания в Вологодском крае депортированных народов Кавказа. Как ныне известно, еще в октябре 1943 года группа работников центрального аппарата НКВД была направлена в Чечено-Ингушскую АССР. Ей предписывалось собрать материалы об имевших место за годы большевистской власти в республике антисоветских выступлениях и изучить оперативную обстановку в регионе на текущий момент. В результате проделанной работы на свет появился план проведения операции «Чечевица». Суть его состояла в том, что в Чечено-Ингушскую ССР под предлогом тактических учений в горных условиях вводились войска НКВД. 29 января 1944 года Л.П. Берия утвердил «Инструкцию о порядке проведения выселения чеченцев и ингушей». 23 февраля Сталин получил лаконичное сообщение: «Сегодня на рассвете начали операцию по выселению чеченцев и ингушей. Выселение проходит нормально, заслуживающих внимание происшествий нет»⁶¹.

На самом деле все обстояло не столь гладко, как докладывал нарком. Жителей некоторых сел, оказавших сопротивление насильственной депортации, сожгли заживо⁶², а уже к утру следующего дня из республики вывезли 333 739 человек. В двадцатых числах марта 1944 года операция «Чечевица» завершилась. На жительство в Казахскую и Киргизскую ССР доставили 496 460 чеченцев и ингушей, в пути следования умерло 1272 человека, еще 50 человек было убито⁶³. Руководители операции «Чечевица» получили высокие награды. В частности, уроженец Сокольского района Вологодской области, заместитель наркома внутренних дел Иван Александрович Серов был награжден боевым орденом Суворова 1-й степени.

В октябре 1944 года из Казахстана в порядке трудовой мобилизации 1357 чеченцев и ингушей прибыли в Вологодскую область. Они были расселены в Лежском (Вохтогская комендатура), Вытегорском (Белоручейская комендатура), Шольском (Коневская комендатура) и Ковжинском (Ковжинская комендатура) районах. На лесоразработках в Вологодской области

чеченцам и ингушам, непривычным к северному климату, пришлось особенно тяжело. К маю 1945 года 609 человек умерло, около 80 человек находились в бегах или были арестованы и осуждены за антисоветскую пропаганду и агитацию⁶⁴. Бежавшие из ссылки и попавшие в руки НКВД, как известно, также подлежали суду. К примеру, 24 февраля 1945 года народный суд Лежского района приговорил к 5 годам лишения свободы Таршхоева Султана Элбисковича и Таршхоева Хусена Дзаурбековича. Как говорится в обвинительном заключении, тот и другой, водворенные на жительство в поселок 65 квартала Монзенского леспромхоза, бежали в новогоднюю ночь и были задержаны в Костромской области, в 220 км от места поселения⁶⁵.

В мае 1945 года по распоряжению СНК СССР чеченцы и ингуши переселялись из Вологодской области обратно в Казахстан. В эшелоны было погружено только 668 человек.

* * *

Еще одной категорией спецпереселенцев в Вологодской области были «оуновцы». Организация украинских националистов (ОУН) ставила своей целью достижение Украиной государственной независимости и соборности. Вооруженным формированием этой организации являлась УПА (Украинская повстанческая армия). О серьезном противостоянии Красной Армии и УПА можно говорить применительно к 1944 году. Именно с этого времени по распоряжению НКВД СССР от 31 марта 1944 года сложившие оружие «оуновцы» подлежали ссылке на Европейский Север СССР и в Красноярский край. В 1945-1946 годах в Вологодскую область из западных областей Украины прибыло приблизительно 1400 человек «оуновцев» (взрослых и детей). Их расселили в Великоустюгском, Тотемском, Нюксенском, Чебсарском, Череповецком и Вожегодском районах.

Сотрудники комендатур неслучайно рассматривали членов Организации украинских националистов как «требующий повышенного внимания контингент». Согласно справке, подписанной начальником отдела спецпоселений МВД СССР В.В. Шияном, в Вологодской области на 1 января 1948 года числилось в бегах 349 человек. «Особенно плохо, – отметил Шиян, – организована борьба с побегами спецпоселенцев-оуновцев». И привел такие цифры: из 900 «оуновцев», которые должны содержаться под надзором комендатур, 121 человек или 13,4% находится в бегах⁶⁶. Еще более удручающая начальство картина наблюдалась после завершения персонального переучета спецпоселенцев, который проводился по приказу МВД СССР № 00165 от 19 февраля

1949 года. Было установлено, что в Вологодской области проживает 546 «оуновцев»⁶⁷.

Правда, тот факт, почему на Вологодчине на учете органов МВД в феврале 1950 года состоит «оуновцев» намного больше – 824 человека⁶⁸, еще требует объяснения. В любом случае, в том же году по распоряжению МВД все они были переселены в Иркутскую область. С вновь обретенных мест не тронулись только больные, инвалиды и лица, вступившие в брак с местными жителями.

ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В сентябре 1939 года Красная Армия осуществила так называемый освободительный поход в Польшу. Занятые советскими войсками восточные воеводства Польши были тут же превращены в западные области «воссоединенных» Украины и Белоруссии. При этом политическим репрессиям подверглось не менее 570 тысяч польских граждан. О грядущей депортации поляков в малообжитые регионы «самой свободной страны в мире» заговорили уже в начале ноября, т.е. несколько дней спустя после советской оккупации. Слухи подтвердились. 2 декабря 1939 года нарком внутренних дел Л.П. Берия предложил Сталину выселить всех осадников и членов их семей. «Военными осадниками» в Польше именовали колонистов из числа демобилизованных участников советско-польской войны 1919–1920 годов. Правительство бесплатно выделило им в пользование земельные наделы («осады») на восточных территориях Польши.

29 декабря 1939 года СНК СССР утвердил «Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР». Вместе с осадниками решено было направить на Европейский Север СССР и в другие отдаленные, испытывающие острую нехватку рабочей силы районы страны еще одну категорию поляков – «лесников» (сторожевую охрану лесов), лиц, по несколько язвительному замечанию первого секретаря ЦК ВКП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко, «как нельзя лучше приспособленных для работы на объектах Наркомлеса»⁶⁹. Правда, в статистической отчетности органов НКВД обе эти категории депортированных всегда фигурировали как спецпереселенцы-осадники. Выселение осадников было проведено 10 февраля 1940 года. Из 140 тысяч польских граждан, направленных в различные регионы страны, в Вологодской области оказалось 7963 человека (1592 семьи). Их разместили в 14 спецпоселках Биряковского, Вожегодского, Леденгского, Междуреченского, Сокольского, Тотемского и Харовского районов⁷⁰.

В инструкции НКВД говорилось, что направленные на лесоразработки «размещаются в отдельных поселках от 100 до 500 человек в каждом». Семейным в бараке отводится свой угол, одиноким – 3 кв. метра жилой площади. Всем полагается выдать пилы и топоры, одежду и обувь по сезону. Однако в реальной жизни все обстояло иначе. Вскоре Л.П. Берия докладывал Сталину, что в ряде областей, в том числе в Вологодской, многие бараки не достроены, печи в них не выложены, окна не застеклены. Наркомлес, в чье распоряжение поступили бывшие польские граждане, не обеспечил прибывший контингент в достаточном количестве пилами и топорами⁷¹. В этой связи не вызывают особого удивления приведенные в служебной записке начальника отдела трудовых поселений ГУЛАГа М.В. Конрадова от 2 апреля 1940 года крайне тревожные сведения. Оказывается, в Вологодской области количество трудоспособных поляков не превышает 43%, а в некоторых спецпоселках этот показатель еще ниже – всего 35 процентов⁷².

Между тем еще 10 апреля 1940 года СНК СССР принял постановление за № 497-177сс, согласно которому переселению в отдаленные районы страны подлежали лица, нелегально прибывшие в западные области УССР и БССР с оккупированных немцами польских территорий. Почти на 85 % беженцы были евреями по национальности, и, опасаясь геноцида со стороны гитлеровцев, стремились попасть в советскую зону. Отправка этих людей на спецпоселение затянулась до июня. Дело в том, что из более 100 тысяч человек около 25 тысяч категорически отказались принять советское гражданство и «добровольно» выехать в глубинные районы СССР. Более того, они требовали дать им возможность перебраться в демократические страны Запада или Палестину. В такой ситуации Кремль предпочел отправить возмутителей спокойствия в немецкую зону оккупации Польши. Однако польские евреи возвращались обратно не сразу, сначала им пришлось подать соответствующие заявления, которые не слишком спешно рассматривала располагавшаяся в городе Львове немецкая комиссия⁷³. 5 июня она завершила свою работу, и только тогда, 29 июня 1940 года, оставшиеся в СССР 79 тысяч беженцев были отправлены в ссылку. Из них 1599 семей (4816 человек), согласно докладу на имя Л.П. Берии⁷⁴, с 6 по 13 июля разместили в Вологодской области. В эту цифру также вошли около 1000 спецпереселенцев-осадников, которые избежали первой операции по переселению 10 февраля 1940 года. Вновь прибывших определили на жительство в спецпоселки Вытегорского, Ковжинского, Андомского, Нюксенского, Тотемского, Великоустюгского, Никольского, Лежского, Оштинского, Кирилловского и Шольского районов.

В конце октября 1939 года в Вологодскую область прибыли спецпереселенцы-осадники из Шарьинского района Костромской области.

Таким образом, на 1 января 1941 года в 17 районах Вологодской области находилось 13139 граждан Польши – 9270 осадников и 3869 беженцев. Среди них было 6436 поляков, 3467 евреев, 714 украинцев, 2391 белорус и 130 польских граждан прочих национальностей⁷⁵. А по состоянию на 1 апреля 1941 года в области проживало 13357 спецпереселенцев – 9433 осадника и 3924 беженца. Весь этот контингент размещался в 34 спецпоселках и в одном доме инвалидов⁷⁶.

Трудоспособные польские граждане были задействованы на объектах трестов «Вологдалес», «Устюглес», «Череповецлес», «Мантуровлес», «Судалес», а также на предприятиях Монзенского леспромхоза и Вытегорстроя НКВД СССР. Нехватка инструмента, высокий процент невыхода на работу по причине болезни, отсутствие навыков в рубке и разделке древесины, незаинтересованность в результатах труда («все равно обсчитают», «все равно начислят копейки») делали производственный процесс крайне неэффективным. К тому же, спецпереселенцы вели полуголодный образ жизни. На одного работающего магазины, обслуживающие лесную отрасль, отпускали в месяц крупы от 0,5 до 1 кг, сахара – от 0,3 до 0,4 кг. Мясо, сливочного масла, макаронные и кондитерские изделия на полках никогда не появлялись. В столовой подавали малокалорийные, однообразные блюда. Чаще всего в пищу шли каша, картофельный или крупяной суп, репе – рыба⁷⁷.

Не прибавляли трудового энтузиазма спецпереселенцам преследующие взрослых и ребятишек болезни. В докладе о состоянии спецпоселков Вологодской области за первый квартал 1941 года говорится: «Имеют место случаи смерти детей на почве недоедания. От плохого питания, как у взрослых, так и у детей отмечаются массовые заболевания куриной слепотой, а также цинготные заболевания»⁷⁸.

О неудовлетворительном медицинском обслуживании поляков-спецпереселенцев говорится в служебной записке наркома здравоохранения РСФСР А.Ф. Третьякова, направленной 3 сентября 1940 года, председателю СНК РСФСР И.С. Хохлову: «Обследование выявило совершенно нетерпимые факты. В Зеленоборском спецпоселке Вологодской области в барачном помещении, размером около 10 кв. м размещается 12 чел. Здесь же находилась женщина, которая только что родила, на грязном полу вокруг нее сидело 6 ее детей. Дети ввиду тесноты не имели возможности ходить или сидеть... В яслях Зеленоборского спецпоселка Вологодской области нет кроваток, постельных принадлежностей, табуреток, столиков. Дети спят на голом полу под общей простыней»⁷⁹.

Неизбежным следствием хронического недоедания, безобразных бытовых условий, отсутствия теплой одежды и обуви стала высокая смертность. За период с февраля 1940 по сентябрь 1941 года умерло 688 человек

(132 беженца и 556 осадников), т.е. более 5% от общего количества находившихся на спецпоселении. Особенно высокой была смертность среди младенцев. Из 367 детей, родившихся за указанный период, умерло 93, то есть более 25%. Основными причинами летального исхода были у взрослых – туберкулез, воспаление легких, сердечно-сосудистые заболевания, у детей – дистрофия, корь, рахит⁸⁰.

Спецпереселенцы, как могли, боролись за выживание. Наиболее распространенной формой пассивного протеста были жалобы. Как правило, они адресовались первым руководителям партии и государства – Сталину, Калинин, Кагановичу, Берии. Бюрократические проволочки с рассмотрением таких жалоб длились не один месяц. Однако лишь три семьи были возвращены на родину «как неправильно высланные». В большинстве же случаев жалобщики получали отрицательный ответ, а некоторые вообще скончались до получения ответа.

В своем стремлении восстановить справедливость поляки-спецпереселенцы прибегали и к активным формам протеста. Распространенным явлением стал, к примеру, отказ от работы. Отказчиков и прогульщиков судили по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, который предусматривал наказание в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев заключения в лагерь или до 4 месяцев тюремного заключения. В четвертом квартале 1940 года по данному Указу осудили 179 человек, в первом квартале 1941 года – 62 человека.

Более редкими были случаи забастовок. Так, 21 августа 1940 года забастовали спецпереселенцы поселка Потеряха Нюксенского района. Одним из главных требований бастующих было предоставление работы по специальности в городе. Однако надежды на приезд комиссии, которая бы удовлетворила это и ряд других требований, не оправдались. Вместо комиссии к месту забастовки прибыли работники НКВД, которые без промедления выявили и арестовали организаторов⁸¹.

Некоторые спецпереселенцы решались на побег. Однако шансы добраться до родных мест были невелики. Кроме того, от решительного шага останавливало опасение за судьбу остальных членов семьи. Тем не менее за побег или намерение его совершить в 1940 году осудили 59 человек. Наивысшей формой протеста являлись, если пользоваться терминологией органов НКВД, «контрреволюционные высказывания и саботаж». Именно за эти преступления по статье 58-10 и 58-14 УК РСФСР 15 человек были приговорены к длительным срокам лишения свободы⁸².

Недовольство ссыльных поляков своим положением особенно остро проявилось в первые дни Великой Отечественной войны. Спецпереселенцы

собирались группами, обсуждали положение на советско-германском фронте, сетовали на неудачи Красной Армии. При этом многие надеялись, что война изменит их положение в лучшую сторону. В настроениях преобладали надежды на восстановление польского государства и возвращение на родину. Подавляющее большинство поляков высказывало намерение воевать с немцами на стороне британских войск. Ответная реакция органов НКВД была прямо противоположной. В июне-июле 1941 года за распространение пораженческих слухов и настроений были арестованы 71 человек осадников и беженцев. Более того, руководители УНКГБ по Вологодской области 4 июля 1941 года даже сочли за благо предупредить заместителя наркома госбезопасности Б.З. Кобулова об угрозе вооруженного восстания бывших польских граждан и о целесообразности в этой связи превратить «спецпоселки в концлагеря»⁸³. Правда, в наркомате внутренних дел эту местную инициативу не поддержали.

Польские граждане не обманулись в своих надеждах на скорые перемены. 30 июля 1941 года между СССР и эмигрантским польским правительством в Лондоне было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений и формировании польских воинских частей. В этой связи 12 августа 1941 года полякам, находившимся в лагерях военнопленных, местах лишения свободы и на спецпоселении, Президиумом Верховного Совета СССР была объявлена амнистия. В результате в Вологодской области 68 из 130 находившихся под следствием и в заключении поляков были освобождены. Бывшие военнопленные стали вступать в формируемую на территории Советского Союза польскую армию генерала Владислава Андерса. Многие спецпереселенцы, получив свободу, готовились перебраться в районы с менее суровым климатом. Не имея порой самого необходимого, некоторые польские граждане занялись воровством и грабежами, что заметно ухудшило криминальную обстановку в Вологодской области⁸⁴. Всего в августе-сентябре 1941 года в Узбекистан, Казахстан, Дагестан, Куйбышевскую область и Алтайский край выехало 4270 человек⁸⁵.

Неблизкая дорога была сопряжена с неизбежными трудностями. В докладной записке Л.П. Берии на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова от 1 октября 1941 года говорится: «Часть освобожденных польских граждан, главным образом из спецпоселков Архангельской и Вологодской областей, Якутской и Коми АССР и других северных районов СССР, не дожидаясь указаний польского правительства, в стремлении до наступления зимы найти удобное место проживания выезжает в южные области (преимущественно в южные области Урала и республики Средней Азии), а также в пункты формирования польских частей. Многие из этих людей задерживаются в промежуточных городах... Не встречая в этих городах достаточной помощи со стороны местных

советских органов в предоставлении им жилья и работы, они посылают телеграммы в польское посольство в Москве с требованием оказать им срочную материальную помощь»⁸⁶.

К ноябрю 1941 года процесс освобождения поляков в Вологодской области завершился. В худо-бедно обжитых местах осталось 9880 человек, в том числе 3330 мужчин, 3136 женщин, 2590 детей и 823 подростка. Среди взрослых было немало инвалидов, многодетных матерей и граждан престарелого возраста. Все эти поляки, как и советские граждане, жили в экстремальных условиях военного времени. На почве хронического недоедания в польской диаспоре выросла смертность, участились случаи воровства и грабежа продуктов у местного населения. Были отмечены случаи употребления в пищу мяса разложившихся трупов павших лошадей⁸⁷.

В начале 1942 года начался второй этап формирования армии генерала Владислава Андерса. В служебной записке заместителя наркома внутренних дел В.Н. Меркулова говорится, что польские граждане, проживающие в Архангельской, Вологодской и Новосибирской областях, вновь бросают работу, вместе с семьями снимаются с места жительства и требуют отправить их в Узбекистан, в пункты формирования польских частей. «В Бабушкинский район Вологодской области, – с возмущением сообщает Меркулов заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому, – штабом польской армии прислана комиссия для организации вывоза семей военнослужащих в Бузулук. Комиссия, не имея никаких оснований, обратилась к местным властям с требованием предоставить им для вывоза семей военнослужащих транспортные средства, продовольственную и денежную помощь. В связи с приездом комиссии 800 польских граждан бросили работу, также требуя направить их в пункты формирования частей польской армии... Для сведения сообщаю, что в Вологодской области учтено 829 нетрудоспособных членов семей польских военнослужащих, 216 человек престарелых инвалидов, 76 многодетных женщин и 537 детей»⁸⁸.

Относительно поляков-инвалидов Всеволод Николаевич нисколько не лукавил. На январь 1942 года в Харовском доме инвалидов содержалось 180 калек, из них 58 были польскими гражданами. Заведующий областным отделом социального обеспечения П.Д. Боков докладывал вышестоящему начальству, что в доме инвалидов организовано двухразовое горячее питание, каждый его обитатель получает ежедневно 400 граммов хлеба. Однако перечисленные остатки: 553 кг муки, 41 кг пшенной крупы, 19,5 кг соли и 1,3 кг растительного масла – о сытой жизни постояльцев никак не говорили⁸⁹.

Главную боль начальству прибавили делегаты польского посольства в Москве. Специальные представительства этого внешнеполитического

ведомства (делегатуры) были созданы в 36 регионах СССР для оказания все-сторонней помощи польским гражданам. В апреле 1942 года в Вологду прибыл заместитель делегата польского посольства по Архангельской и Вологодской областям Ежи Гурщик. Настойчиво интересуясь судьбой своих подданных, их материальным положением и жилищными условиями, он и его помощник Зольман вполне могли узнать о нахождении в Харовском доме инвалидов своих соотечественников и ознакомиться с их далеко не лучшими условиями проживания. Оценив ситуацию, опытный аппаратчик П.Д. Боков предложил сам факт наличия в Вологодской области поляков-инвалидов скрыть. Начальство же заверил, что в случае необходимости Харовский дом инвалидов сможет передать под размещение польских граждан еще два здания⁹⁰.

С июля 1942 года все отчетливей начал проявляться кризис в советско-польских отношениях, первым симптомом которого стало официальное заявление командующего польской армией Владислава Андерса: «Польское правительство вопреки соглашению между СССР и Польшей не считает возможным использовать на советско-германском фронте польские войска, сформированные в СССР»⁹¹. К 1 сентября 1942 года 12 тысяч польских солдат и офицеров выехали в Англию. Большая часть польской армии – 69917 человек – последовала в Иран⁹².

Эти события самым прямым образом отразились на судьбе польских делегатов и посольских представительств в Советском Союзе (их деятельность под различными предлогами сворачивается). 10 августа 1942 года был арестован Ежи Гурщик, которому было предъявлено обвинение по ст. 58-6 (шпионаж) и ч. 2 ст. 58-10 (антисоветская агитация в военное время). На основании специального постановления Особого Совещания НКВД от 26 ноября 1942 года он как дипломат был объявлен персоной нон грата и выдворен за пределы СССР.

Менее либеральным стало отношение властей и к оставшимся в СССР польским гражданам. Так, их массовое недовольство несвоевременной выплатой заработной платы, плохим продовольственным и медицинским обслуживанием в Курьяновском лесопункте Бабушкинского района было расценено как саботаж. В декабре 1942 года организаторы «беспорядков» были осуждены Военным трибуналом войск НКВД по Вологодской области к 10 годам лишения свободы⁹³.

Из числа лояльно настроенных к Советскому Союзу польских граждан в январе 1943 года создается Союз польских патриотов. Ему было позволено иметь комиссию по социальной опеке, которая в меру своих сил продолжала заботиться о своих соотечественниках. С мая 1943 года в СССР стала формироваться дивизия им. Тадеуша Костюшко. Ее костяк составили сотрудничавшие

с органами НКВД еще во время плена польские офицеры во главе с полковником Зигмундом Берлингом. Поскольку 25 апреля 1943 года дипломатические отношения между СССР и эмигрантским польским правительством в Лондоне были разорваны (одна из главных причин – разница во взглядах на Катынское дело*), власти не церемонились. Дивизия формировалась не на добровольной основе, а в порядке призыва. Так, в соответствии с приказом военного комиссара Вологодской области № 1/00694 от 15 мая 1943 года все призванные должны были в течение двух недель прибыть в Вологду, откуда им предстояло направиться под Рязань к месту формирования дивизии⁹⁴.

11 июля 1944 года СНК СССР принял постановление «О частичном переселении бывших польских граждан», согласно которому из Вологодской области на Украину переселялось 2100 человек. Однако в пункт отправки, в Вологду, прибыло только 2030 человек, которые 23 августа в сопровождении работников НКВД выехали в Одесскую область⁹⁵. В Вологодской области на этот момент оставалось еще более 880 поляков.

У желающих вернуться на родину такая возможность появилась после того, как 6 июля 1945 года между СССР и Временным правительством национального единства Польской республики было заключено соответствующее соглашение. Комиссия при переселенческом отделе Вологодского облисполкома рассмотрела 371 заявление от семей, намеренных выехать в Польшу. В конечном итоге на родину убыли 604 человека, в том числе 204 ребенка⁹⁶. Проследить судьбы оставшихся в Вологодской области поляков крайне сложно. Судя по всему, в конце 40-х годов большинство бывших польских граждан выехали на Украину и в Белоруссию и лишь несколько человек смогли вернуться в Польшу в 50-е годы.

Примечания

¹ Коротаяев В.И. Проблема освоения репрессированными Европейского Севера // Вклад репрессированных в освоение Европейского Севера и Приуралья. Материалы регионального научного симпозиума. – Сыктывкар, 2004. – С. 11.

² Население России в XX веке. – М., 2000. – Т. 1. – С. 277.

³ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М., 1994. – С. 257.

* В 1940 году в Катынском лесу под Смоленском органы НКВД расстреляли по решению высшего советского руководства более 20 тысяч польских офицеров и интернированных граждан. Ответственность за эту акцию советская сторона возлагала на немцев, которые якобы расстреляли польских военнопленных после оккупации Смоленска летом 1941 года.

- ⁴ Спецпоселки в Коми области. По материалам сплошного обследования. Июнь 1933 г.: Сборник документов / Сост. Г.Ф. Доброноженко, Л.С. Шабалова. – Сыктывкар, 1997. – С. 7.
- ⁵ Там же. – С. 8.
- ⁶ Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. – С. 221–222.
- ⁷ История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов: В 7 т. – М., 2004. – Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. – С. 103–104.
- ⁸ Там же. – С. 104. В отличие от председателя правительственной комиссии по устройству спецпереселенцев В.Н. Толмачева, секретаря Северного крайкома ВКП(б) С.А. Бергавинова мало заботило бедственное положение спецпереселенцев, он мыслил иными категориями. 12 марта 1930 года этот партийный функционер писал И.В. Сталину о том, что направление в край раскулаченных в последующем «явится огромнейшим фактором, не только решающим проблему колонизации края, не только гигантским усилением края трудовыми ресурсами, но и фактором развития производительных сил новых районов, ибо 250–300 тысяч человек – это же сила крепкая». Цит. по: Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С. 63.
- ⁹ Спецпоселки в Коми области. – С. 8.
- ¹⁰ История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – С. 719.
- ¹¹ Аринин В. Тень генералиссимуса. Документальная повесть; Кузнецов М. Произвол. Записки репрессированного. – Архангельск, 1991. – С. 60–61.
- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1984. – 9-е изд. – Т. 5. – С. 101–104.
- ¹³ История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – С. 719.
- ¹⁴ Спецпоселки в Коми области. – С. 12, 16.
- ¹⁵ Шинкарчук С.А. Общественное мнение в Советской России в 30-е годы (по материалам Северо-Запада). – СПб., 1995. – С. 73.
- ¹⁶ Спецпоселки в Коми области. – С. 16.
- ¹⁷ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Иванниченко. – М., 1989. – С. 47.
- ¹⁸ Кокурин А.И., Петров Н.В. ОГПУ (1929–1934) // Свободная мысль – XXI. – 1999. – № 8. – С. 102.
- ¹⁹ Суслов А.Б. Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент // Вопросы истории. – 2003. – № 3. – С. 127.
- ²⁰ Старостин С.И. Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930–1956 годы // Историческое краеведение и архивы. – Вологда, 2003. – Вып. 9. – С. 112.
- ²¹ История сталинского ГУЛАГА. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – С. 249–250.
- ²² Там же. – С. 336.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Шашков В.Я., Козлов С.С. Спецпереселенцы на защите Отечества // Вопросы истории. – 2005. – № 5. – С. 159.

- ²⁵ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. Из истории Вологодской области. – Вологда, 1994. – С. 58.
- ²⁶ Цит. по: Шашков В.Я., Козлов С.С. Спецпереселенцы на защите Отечества. – С. 159.
- ²⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950 годов. – С. 349.
- ²⁸ Там же. – С. 348.
- ²⁹ Конасов В.Б. О радиоигре «Хозяин» (1942 г.) // Вопросы истории. – 2000. – № 1. – С. 171.
- ³⁰ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. – С. 58.
- ³¹ Старостин С.И. Депортированные советские и иностранные граждане в годы Великой Отечественной войны (на материалах Вологодской и Архангельской областей) // 1941–1945: Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма. Сборник межрегиональной научно-практической конференции. – Вологда, 2006. – С. 108.
- ³² Вологжане – Герои Советского Союза / Сост. П.К. Перепеченко, Г.И. Соколов. – Вологда, 1959. – С. 37–38, 135–137; Вологжане – Герои Советского Союза. – Вологда, 1970. – С. 54–55, 176–178.
- ³³ Шашков В.Я., Козлов С.С. Спецпереселенцы на защите Отечества. – С. 162.
- ³⁴ Старостин С.И. Депортированные советские и иностранные граждане в годы Великой Отечественной войны. – С. 110.
- ³⁵ Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001. – С. 87, 245.
- ³⁶ Архивная справка по делу № 8551 УФСБ РФ по Вологодской области.
- ³⁷ Цит. по: Военно-исторический журнал. – 1990. – № 9. – С. 33.
- ³⁸ Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ / Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003. – С. 617.
- ³⁹ Старостин С.И. История советской ссылки на Европейском Севере: 1930–1956 гг. // История и перспективы уголовно-исполнительной системы России: Сборник материалов научно-практического семинара. – Вологда, 2002. – С. 102.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Вашкау Н.Э. Женщина в трудармии // Проблемы истории Второй мировой войны. Сборник научных работ. – Вологда, 2000. – С. 94.
- ⁴² Игнатова Н.М. Социальный протест спецпереселенцев в Архангельской области и республике Коми в 1941–1945 гг. // Защитники Отечества. Материалы XV региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. – Архангельск, 2004. – С. 154.
- ⁴³ Цит. по: Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны – С. 61.
- ⁴⁴ Цит. по: Конасова Н.В. На память моей маме // Вологодские новости. – 2002. – 25 апреля–8 мая.
- ⁴⁵ Кнышевский П.Н. Тайны германских репараций. – М., 1994. – С. 15.
- ⁴⁶ Пропаганда и агитация в решениях ВКП(б). – М., 1947. – С. 486.
- ⁴⁷ Полян П.М. Жертвы двух диктатур. – М., 1996. – С. 304.
- ⁴⁸ Старостин С.И. Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930–1956 годы. – С. 117.

- ⁴⁹ Иванов А. Русская немка // Премьер. – 2002. – 12–18 июня.
- ⁵⁰ РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 31-а. – Д. 1. – Л. 121.
- ⁵¹ Полканова О. Судьбы советских немцев на Вологодской земле // Источник. – 2001. – № 1. – С. 44.
- ⁵² Цит. по: Цветков С.Н. О настроениях граждан СССР немецкой национальности, вернувшихся из-за границы на жительство в Вологодскую область после Великой Отечественной войны // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Вологда, 2000. – Ч. 3. – С. 201.
- ⁵³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – М., 1992. – С. 82–83.
- ⁵⁴ Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ- НКГБ-МГБ-МВД-КГБ – С. 647.
- ⁵⁵ Архив УВД ВО. – Ф. 20. – Оп. 22. – Д. 544. – Л. 29.
- ⁵⁶ Цветков С.Н. О настроениях граждан СССР немецкой национальности, вернувшихся из-за границы на жительство в Вологодскую область после Великой Отечественной войны. – С. 201.
- ⁵⁷ Там же. – С. 204.
- ⁵⁸ Там же. – С. 205.
- ⁵⁹ Правда. – 1956. – 30 мая; 1956. – 1 ноября.
- ⁶⁰ Правда. – 1957. – 3 марта. Данное обещание прозвучало на переговорах об установлении дипломатических отношений между СССР и ФРГ 13 сентября 1955 года из уст первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. См.: АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 14. – П. 14. – Д. 206. – Л. 74.
- ⁶¹ Цит. по: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. – М., 1998. – С. 146.
- ⁶² Там же. – С. 146–147.
- ⁶³ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – С. 118.
- ⁶⁴ Архив УВД ВО. – Ф.24 («Историческая справка»).
- ⁶⁵ Там же. – Ф. 20. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 7–7об.
- ⁶⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – С. 589.
- ⁶⁷ Старостин С.И. Структура и функции администрации спецпереселенческих поселков Вологодской области в 1930–1956 годы. – С. 118.
- ⁶⁸ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – С. 187.
- ⁶⁹ Полян П.М. Не по своей воле. – С. 96.
- ⁷⁰ Старостин С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области (1940–1946годы) // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции. – Вологда, 2005. – С. 220.
- ⁷¹ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – С. 225.
- ⁷² История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. – С. 274
- ⁷³ Полян П.М. Не по своей воле. – С. 96.

- ⁷⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. – С. 300.
- ⁷⁵ ГА РФ. – Ф. 9479. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 82, 83, 83а.
- ⁷⁶ Старостин С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области. – С. 222.
- ⁷⁷ Там же. – С. 223.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Цит. по: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов. – С. 307–309.
- ⁸⁰ Старостин С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области. – С. 223.
- ⁸¹ Там же. – С. 224–225.
- ⁸² Там же. – С. 225.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Калашникова Н.В. История вологодской милиции. – Вологда, 2003. – С. 133.
- ⁸⁵ Старостин С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области. – С. 227.
- ⁸⁶ Цит. по: Новая и новейшая история. – 1993, – № 2. – С. 65–66.
- ⁸⁷ Старостин С.И. Депортация советских и иностранных граждан в годы Великой Отечественной войны. – С.106. Положение коренных жителей Вологодской области мало, чем отличалось от условий жизни поляков. Население нескольких районов голодало. Резко возросла смертность, особенно среди детей. Процент людских потерь в Вологодской области в годы Великой Отечественной войны почти в два раза превысил среднестатистический показатель по СССР. См. подр.: Конасов В.Б. Выстояли и победили // Вологда: Краеведческий альманах. – Вологда, 2003. – Вып. 4. – С. 276–300.
- ⁸⁸ Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. – М.,1994. – Т. 14. – С. 60.
- ⁸⁹ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. – С. 60.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Русский архив: Великая Отечественная. – С. 19.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Старостин С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области. – С. 228.
- ⁹⁴ Старостин С.И. Депортация советских и иностранных граждан в годы Великой Отечественной войны. – С. 105.
- ⁹⁵ Иосиф Сталин – Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии / Сост. Н.Ф. Бугай. – С. 98.
- ⁹⁶ Старостин С.И. Польские спецпереселенцы в Вологодской области. – С. 229.

ГЛАВА 4

РЕПРЕССИИ В КРАСНОЙ АРМИИ И НА ФЛОТЕ

С момента создания в 1918 году Красной Армии и до 1925 года пост наркома по военным и морским делам занимал Л.Д. Троцкий. Его кадровая политика – назначение на руководящие должности профессионалов из числа бывших царских офицеров и генералов – встречала острое неприятие выходцев из рабоче-крестьянских слоев, претендовавших на высокие военные посты за свое революционное прошлое. После смещения Троцкого претенденты на командные должности в РККА получают реальные шансы удовлетворить свои амбиции. Под предлогом сокращения армии очень многие «социально чуждые элементы» были уволены в запас и отставку. Комментируя этот факт, нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов 2 марта 1937 года на пленуме ЦК ВКП (б) заявил: «Мы без шума, это и не нужно было, выбросили большое количество негодного элемента, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, в том числе и всякой подозрительной сволочи. Мы вычистили за эти 12–13 лет примерно около 47 тысяч человек»¹. Затем нарком уточнил, что только в 1934–1936 годах политически неблагонадежных уволено около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч оппозиционеров².

11 июня 1937 года газеты «Правда» и «Известия» поместили краткое правительственное сообщение, в котором говорилось, что маршал М.Н. Тухачевский и семеро других крупных военачальников арестованы и предстанут перед военным трибуналом по обвинению в шпионаже в пользу иностранного государства, в подготовке поражения Красной Армии в войне, замышляемой капиталистическими государствами. Тогда же в республики, края и области СССР ушла директива И.В. Сталина с требованием организовать митинги рабочих, крестьян, военнослужащих, на которых бы принималась резолюция «о необходимости применения высшей меры» к «врагам народа»³. Директивы за подписью вождя, как известно, выполнялись без промедления. Так, на следующий день митинги возмущенных граждан прошли в Вологде. Окружная газета «Красный Север» поместила на своих страницах письмо коллектива научных работников Вологодского педагогического института: «Узнав о подлейшем предательстве Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Фельдмана, Примакова и Путны, клеймим их как презренных изменников социалистической Родины, продавшихся фашистам. Мы требуем беспощадного уничтожения – расстрела – предателей Родины, шпионов, диверсантов, реставраторов капитализма»⁴.

В этот же день, 12 июня 1937 года, восемь военачальников, считавшихся элитой армии, были расстреляны. Это событие стало отправной точкой многочисленных арестов высшего военного состава по всей стране. Уже через 9 дней после суда над М.Н. Тухачевским и его товарищами по несчастью были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров⁵. Жертвами беззакония стали уроженцы Вологодского края командующий Белорусским военным округом И.П. Белов, командующий Северным флотом К.И. Душенов, заместитель начальника Генштаба РККА В.Н. Левичев, член Военного Совета Наркомата обороны Н.Н. Петин.

Несколько свернув масштабы выявления «врагов народа» в РККА в 1939 году, отстранив от должности наркома внутренних дел Н.И. Ежова, И.В. Сталин поручил продолжить работу в этом направлении Л.П. Берии. Были арестованы, в частности, заместитель наркома обороны П.В. Рычагов, начальник управления противовоздушной обороны Г.М. Штерн, командующий Прибалтийским особым военным округом А.Д. Локтионов. Уже во время Великой Отечественной войны их и еще 17 «шпионов и заговорщиков» привезут из Москвы в Куйбышев, где 28 октября 1941 года расстреляют⁶.

Общее число репрессированных лиц высшего командного и политического состава РККА за 1936-1940 годы составило 932 человека, в том числе 729 расстрелянных⁷. Это была самая настоящая катастрофа, несоизмеримая по своим масштабам с потерями генералитета во время Великой Отечественной войны, когда погибло и умерло вдвое меньше военачальников.

Летом 1941 года, чтобы снять с себя ответственность за череду крупных поражений, И.В. Сталин прикажет арестовать руководство Западного фронта – командующего Д.Г. Павлова, начальника связи А.А. Григорьева, командующего артиллерией Н.А. Клича, командующего 4-й армией А.А. Коробкова. Ровно через месяц после начала войны все они были расстреляны. 22 августа 1941 года был арестован за антисоветские высказывания начальник курса общей тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе генерал-майор Николай Иванович Плюсин – уроженец г. Великого Устюга. Главное обвинение против него – пораженческие настроения в момент вторжения немецких войск в Советский Союз. Следствие длилось более 10 лет. В конечном итоге Николая Ивановича приговорили к 25 годам лишения свободы. Реабилитирован генерал был в период «хрущевской оттепели». На грани ареста находился осенью 1941 года и командующий 19-й армией И.С. Конев – уроженец Вологодской губернии, бывший уездный военком города Никольска.

Уже после Великой Отечественной войны будет сфабриковано так

называемое «авиационное дело», жертвами которого станут командующий ВВС маршал авиации А.А. Новиков и нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин. «Подсудимые протаскивали на вооружение ВВС заведомо бракованные самолеты и моторы крупными партиями и по прямому сговору между собой, что приводило к большому количеству аварий и катастроф в строевых частях ВВС, гибели летчиков», – говорилось в приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР от 11 мая 1946 года⁸. В начале 50-х годов будет раскрыто «артиллерийское дело», жертвами которого станут заместитель военного министра Н.Д. Яковлев, начальник Главного артиллерийского управления И.И. Волкотрубенко, заместитель министра вооружения И.А. Мирзаханов. Обвиняемые якобы принимали на вооружение заведомо дефектные зенитные пушки. А еще ранее, в конце 1947 – начале 1948 года, предстанут перед судом по «адмиральскому делу» главнокомандующий ВМС Н.Г. Кузнецов, руководители Главного морского штаба В.А. Алафузов, Г.А. Степанов, Л.М. Галлер.

В июле 1953 года Генеральный прокурор Р.А. Руденко и председатель Военной коллегии Верховного суда А.А. Чепцов в своем обращении в Президиум Совета Министров СССР привели цифры, дающие представление о масштабах репрессий среди высшего командного состава армии и флота в 1941–1952 годах. За указанный период были арестованы 101 генерал и адмирал, из них 12 умерли в ходе следствия, 81 был осужден и лишь 8 освобождены из-за отсутствия состава преступления⁹.

В отечественной литературе четко прослеживаются две тенденции. Одна из них базируется на тезисе о том, что офицерский корпус в Советском Союзе был элитой армии и одновременно государства в целом. А потому обрушившиеся на офицерские кадры репрессии не только необоснованны, но и преступны по отношению к судьбе страны, к судьбе народа. Вторая тенденция акцентирует внимание на роли Сталина – главного виновника беспричинного и губительного для СССР террора, обрушившегося на высший командный состав армии и флота.

Глубже понять механизм реализации массовых репрессий, которым подверглись генералы и офицеры, в полной мере оценить их размах, почувствовать царящую в Советском Союзе атмосферу всеобщей подозрительности и шпиономании читателю помогут очерки о военачальниках – уроженцах Вологодского края, погибших или пострадавших от беззакония в сталинские времена.

«КОГДА ПРИНИМАЛИ ЗА ВРАГА НЕ ТОГО, КОГО НАДО»

В книге «Вологжане – генералы и адмиралы», изданной в 1969 году, опубликован очерк о командарме 1-го ранга Иване Панфиловиче Белове. О том, что жизнь этого талантливого военачальника оборвалась в 1938 году по сфабрикованному обвинению в заговоре против руководителей партии и государства, в упомянутом издании ничего не говорится. Впрочем, умалчивается в литературе советского периода и о многих других трагических страницах жизни уроженца вологодской земли.

Иван Панфилович Белов родился 15 июня 1893 года в деревне Калиниково Череповецкого уезда (ныне Никольский сельсовет Кадуйского района). Сын крестьянина трудился в родных местах чернорабочим, десятником строительных работ на железной дороге. По установленному на деревне обычаю тянул жребий, открывший ему в 1913 году дорогу в царскую армию. В 1914 году, окончив учебные курсы, получил чин унтер-офицера. Спустя два года за оскорбление офицера Белов был приговорен к 4 годам службы в дисциплинарном батальоне. Освободила его февральская революция 1917 года. Солдаты избирают Ивана Панфиловича на Всероссийский съезд полковых командиров. В октябре того же года он становится командиром 1-го запасного Сибирского полка, дислоцировавшегося в Ташкенте. Сына крестьянина одно время привлекали лозунги партии эсеров, к которой он примкнул в 1917 году. В марте 1918 Белов был назначен начальником Ташкентского гарнизона. Еще через год порвал с эсерами и вступил в партию большевиков.

В период гражданской войны отличился при ликвидации мятежа, поднятого в январе 1919 года бывшим военным комиссаром Туркестана Осиповым. В течение четырех суток на улицах Ташкента шли упорные бои. В конечном итоге мятежники были разбиты, их главари бежали из города и скрылись в горах. Затем Белов воюет с белогвардейцами под началом М.В. Фрунзе, командует Бухарской группой войск в Семиречье. Именно здесь потерпели сокрушительное поражение войска атамана Б.В. Анненкова, который с остатками своей армии ушел в Китай. За боевые заслуги Иван Панфилович удостоивается ордена Красного Знамени. Второй орден Красного Знамени ему вручили за подавление Кронштадтского мятежа. Однако его стремительная военная карьера едва не оборвалась в начале 1921 года. Он был обвинен чуть ли не в дезертирстве и прочих прегрешениях. И кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба, если бы не вмешательство уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта Д.А. Фурманова – автора легендарной книги «Чапаев»

и не менее известного произведения «Мятеж». В последней из названных книг под именем бесстрашного начальника дивизии Панфилова фигурирует Иван Панфилович Белов. Так вот, именно Фурманов 13 января 1921 года представил в Особый отдел ВЧК благожелательный отзыв об уроженце Вологодского края: «На подлость, на воровство, на махинации – он абсолютно не способен, в этом я глубоко убежден. Наоборот, такого честного и прямого человека трудно встретить»¹⁰.

В 1923 году, окончив Военно-академические курсы РККА, Белов стал командиром стрелкового корпуса, затем помощником командующего войсками Московского военного округа. С 1927 по 1931 годы Иван Панфилович возглавлял войска Северо-Кавказского округа, которые пополнялись призывниками, недовольными проводимой в стране политикой коллективизации. История распорядилась так, что нашему земляку пришлось участвовать в подавлении не только Кронштадтского мятежа, но и вооруженных выступлений кавказцев. В конце апреля 1930 года командующий Северо-Кавказским округом сообщал в наркомат обороны об отказе выходцев из зажиточной и средней части крестьянства служить в армии, о восстаниях в Чечне, Кабарде, Карачае и Ингушетии.

В последующие годы Иван Панфилович командовал войсками Ленинградского (1931–1935), Московского (1935–1937) и Белорусского (1937–1938) округов. 20 ноября 1935 года ему было присвоено высокое звание командарма 1 ранга. Тучи сгустились над командармом в 1937 году, когда командные кадры Красной Армии подверглись невиданным по своему масштабу и жестокости репрессиям. Сотни командиров были необоснованно арестованы и расстреляны. В результате накануне Великой Отечественной войны вооруженные силы СССР были обезглавлены. Первыми жертвами так называемого «военно-фашистского заговора» стали маршал М.Н. Тухачевский, командарм 1 ранга И.Э. Якир, командарм 1 ранга И.П. Уборевич, командарм 2 ранга А.И. Корк, комкоры Б.М. Фельдман, В.М. Примаков, В.К. Путна, Р.П. Эйдеман.

На 1 июня 1937 года было назначено внеочередное заседание Военного совета при наркомате обороны СССР К.Е. Ворошилове. Присутствовавший на заседании Сталин объявил, что среди военных арестовано уже около 400 человек и призвал присутствующих не смущаться этим обстоятельством, ибо «талантов в Красной Армии непочатый край»¹¹. Вместе с другими И.П. Белов критиковал своих недавних соратников, ставших по воле советского диктатора «врагами народа». В частности, с ненавистью и бранью говорил о своих давних разногласиях с Уборевичем по вопросам организации боевой учебы и строительства укрепленных районов. Сталин же хорошо запомнил наиболее яростных критиков, среди которых, увы, оказался и Белов.

И вовсе не случайно судить «врагов народа», обвиненных в намерении совершить террористические акты против первых руководителей партии и государства и захватить с помощью фашистской Германии власть в стране, вождь предложил взятым на заметку высокопоставленным военным. В их числе, наряду с маршалами С.М. Буденным и В.К. Блюхером, командармам 1 ранга Б.М. Шапошниковым, командармом 2 ранга Н.Д. Кашириным, командармом 2 ранга П.Е. Дыбенко, командармом 2-го ранга Я.И. Алкснисом, комдивом Е.И. Горячевым, оказался и командарм 1 ранга И.П. Белов. Специальное судебное присутствие под началом председателя Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульриха, раболепно исполнявшего все установки советского диктатора, было обречено приговорить всех обвиняемых к расстрелу. Перед оглашением обвинительного приговора 12 июня 1937 года Сталин пригласил к себе Ульриха и наркома внутренних дел Н.И. Ежова. Те доложили Сталину о ходе процесса. Тот по существу дела вопросов почти не задавал, но поинтересовался: «А как суд? Как вели себя члены Специального судебного присутствия?» На что получил ответ: «Активно вел себя лишь Буденный. Члены суда в основном молчали. Один или два вопроса задали Алкснис, Блюхер да, кажется, Белов»¹².

Такое подозрительно инертное поведение членов суда не могло пройти мимо внимания Сталина. Он распорядился «посмотреть» на этих людей внимательнее. Указания вождя, как известно, выполнялись неукоснительно. Уже 11 августа 1937 г. комиссар 6-го авиационного корпуса Михаил Ермольчик доложил начальнику политуправления РККА П.А. Смирнову о том, что он ехал в поезде с Иваном Панфиловичем, и тот якобы жаловался на неправомерность своего снятия с должности командующего Московского военного округа и назначения на его место С.М. Буденного. Свое «сообщение» автор завершал далеко идущим выводом: «В Белова вселилась ржавчина сомнения в возможности победы коммунизма и удержания социализма в условиях капиталистического окружения». Это письмо нарком обороны зачитал на ближайшем Военном совете и при этом добавил, что сегодня Белов ругает Якира, Уборевича, Тухачевского, а еще совсем недавно отправлял им письма дружеского содержания¹³.

Крайне неосторожно повел себя Белов на заседании Военного совета при наркомате обороны 21 ноября 1937 года. Командарм не побоялся заявить, что «чистка» комсостава всех степеней повлекла за собой перерыв в боевой и политической подготовке войск. «Было много перестраховочных представлений, было много слухов, – заявил Иван Панфилович, – когда люди сводили счеты, когда принимали за врага не того, кого надо. Люди, которых ни в партийном, ни в другом порядке не оценивали с плохой стороны, берутся органами НКВД». Нарком обороны Ворошилов перебил командарма: «Чистка в Белорусском округе проводится слабо»¹⁴.

7 января 1938 года командарм 1 ранга, член ВКП (б) с 1919 года, член Военного совета при наркомате обороны, член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР Белов И.П. был арестован. Он обвинялся в принадлежности к тому самому заговору, который ранее приписывался маршалу М.Н. Тухачевскому и другим вместе с ним расстрелянным командирам РККА. Кроме того, ему было предъявлено обвинение, как участнику «военно-эсеровской организации». Таковой, кстати, в тридцатые годы вообще не существовало. Накануне ареста, как следует из объяснения бывшей стенографистки центрального аппарата НКВД Е.Т. Тимофеевой, Ивана Панфиловича допрашивал в здании ЦК ВКП (б) лично Сталин, но тот виновным себя ни в чем не признал. В день ареста в присутствии И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова и Н.И. Ежова командарму Белову устроили очную ставку с арестованными заместителем начальника политуправления РККА А.С. Булиным и начальником разведывательного управления РККА С.П. Урицким. Оба дружно изобличали нашего земляка в антисоветской деятельности. Однако Белов вновь отрицал свою вину. Тогда в ход были пущены угрозы, лживые обещания, шантаж, допросы «с пристрастием», и на следующий день бывший командующий Белорусским военным округом пишет убийственное для него заявление: «Я вчера во время очной ставки совершил новое тяжкое преступление, обманув руководителей Советского правительства. Мне особо тяжело писать об этом после того, как я имел полную возможность в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова честно раскаяться и рассказать всю правду, как бы тяжела она ни была, о моей преступной деятельности против Родины и советского народа»¹⁵.

Из объяснений, взятых в 1956 году от бывшего сотрудника НКВД В.М. Казакевича, следует, что нужные следствию показания командарм начал давать лишь после того, как его несколько раз жестоко избили. Кстати, пример подобного поведения продемонстрировал сам И.В. Сталин. По авторитетному свидетельству почетного чекиста Ф.Т. Фомина, советский вожь лично ударил два раза по лицу Ивана Панфиловича за отказ признаться в принадлежности к эсеровской организации¹⁶. Кстати, о разгроме этой мифической организации, который завершился арестом 2 тысяч военных, Ежов доложил И.В. Сталину 9 февраля 1938 года.

Вспоминая то время, маршал Г.К. Жуков писал: «Вскоре командующего войсками И.П. Белова постигла та же трагическая участь, что и предыдущих командующих, – он был арестован как «враг народа», и это тогда, когда И.П. Белов, бывший батрак, старый большевик, храбрый и способнейший командир, положил все свои силы на борьбу с белогвардейщиной и иностранной интервенцией. Как-то не вязалось: Белов – и вдруг «враг народа». Конечно, никто этой версии не верил»¹⁷.

Под пытками и издевательствами бывший командарм 1 ранга Белов дал угодные следствию показания на маршала А.И. Егорова. В свою очередь продолжали лжесвидетельствовать против Ивана Панфиловича Урицкий и Булин. Правда, бывший заместитель начальника политуправления РККА Булин на повторной очной ставке с Беловым нашел в себе мужество сказать, что вынужденно оклеветал своего товарища по службе. За два дня до суда, 27 июня 1938 года, от Белова потребовали дать показания об антисоветской деятельности начальника Главного управления противовоздушной обороны Г.М. Штерна. В протоколе допроса осталась по этому случаю следующая запись: «Личный разговор со Штерном об участии его в военном заговоре имел место во второй половине 1937 года. Штерн пытался все отрицать. Я пригрозил, что должен буду при его неискренности передать, что знаю, кому следует. Штерн струсил, подтвердил свое участие в военном заговоре»¹⁸.

Вроде бы все предельно ясно. Командарм Белов морально сломлен, оговаривает ни в чем не повинного человека. Однако тот факт, что в протоколе допроса подпись Ивана Панфиловича отсутствует, заставляет усомниться в высказанном предположении. Эти законные сомнения подтверждает и сам ход судебного заседания, проходившего 29 июня 1938 года. Бывший командующий войсками Белорусского военного округа командарм 1 ранга И.П. Белов неожиданно заявил, что хочет сделать Сталину сообщение государственной важности, но лишен этой возможности. Вслед за этим он вручил председателю Военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульриху письменное заявление на имя вождя. Этот неожиданный демарш обвиняемого явно не вписывался в запланированный сценарий судебного заседания. Впрочем, заявление Белова, судя по всему, к Сталину так и не попало, поскольку его в тот же день срочно затребовал нарком внутренних дел Ежов¹⁹.

На суде бывшему командарму было предъявлено обвинение «в связях с эсеровской эмиграцией». Кроме того, ему инкриминировали шпионскую деятельность в пользу фашистской Германии. Основанием «веского порядка» в данном случае послужило то, что в двадцатые годы Иван Панфилович проходил учебу в военной академии в Берлине, ездил на маневры рейхсвера. И никого из судей не волновало, что командировал Белова в Германию лично Сталин, что все его контакты с германской стороной проходили в рамках секретного военного сотрудничества, которое было свернуто в 1933 году с приходом к власти в Германии Адольфа Гитлера²⁰.

Шансов защитить себя на процессе у Белова практически не было. 29 июня 1938 года был оглашен приговор, и в этот же день бывший командарм был расстрелян. В момент казни Ивана Панфиловича и других участников антисоветского заговора присутствовал лично Н.И. Ежов. Нарком внутренних

дел каждому задавал вопрос, не желает ли тот еще что-либо сказать. После неоднократных попыток и издевательств над обреченными людьми эту формальную процедуру следует считать верхом цинизма. Так уж получилось, но смерть избавила Ивана Панфиловича еще от одного страшного удара судьбы. По существовавшим в те времена порядкам вскоре была арестована жена «врага народа» – А.Л. Белова-Дударева.

Реабилитирован И.П. Белов был 26 ноября 1955 года, но ни о факте его расстрела, ни о факте реабилитации средства массовой информации долгие годы предпочитали ничего не говорить. Лишь в конце 80-х годов историки смогли познакомиться со свидетельством выжившего в лагерях ГУЛАГа генерал-лейтенанта А.И. Тодорского: «За 20-летнюю службу в Красной Армии я настолько часто соприкасался с Иваном Панфиловичем Беловым (и в партийной, и в служебной, и в личной обстановке), что имею о нем законченное, близкое к истине представление. В лице Белова И.П. Рабоче-крестьянская Красная Армия имела выдающегося начальника, мастерски овладевшего искусством организации войск и управления ими»²¹.

«ПРОШУ МЕНЯ РАССТРЕЛЯТЬ, НО НЕ БИТЬ»

Имя Константина Ивановича Душенова увековечено в мемориальных досках, названиях улиц. Деревня Ивановское бывшего Вологодского уезда, где Константин Иванович родился и провел свое детство, переименована в Константиновку. В городах Полярном и Североморске Мурманской области также есть улицы, носящие его имя. Однако знаем мы об этом уроженце вологодской земли, увы, далеко не все. Наиболее трагичные страницы его биографии никогда не печатались в центральной и местной прессе, став достоянием узкого круга военных историков.

Константин Иванович родился 28 июля 1895 года в многодетной крестьянской семье. Окончив церковно-приходскую школу, юноша перебирается в Вологду, устраивается разносчиком лекарств в одной из аптек города. В 15 лет решается ехать в Петербург, где устраивается на работу упаковщиком аптекарского склада. В мае 1915 Душенова призвали служить на флот. Обучение проходил в Гельсингфорсе на транспорте «Русь». Февральскую революцию встретил на крейсере «Аврора», куда попал после окончания школы писарей судовых содержателей. В марте 1917 года его избрали секретарем судового комитета. В годы Октябрьской революции Константин Иванович на стороне

большевиков. По приказу секретаря Петроградского Военно-революционного комитета В.А. Антонова-Овсеенко руководит отправкой бывших министров Временного правительства в Петропавловскую крепость, организует охрану Зимнего дворца. Во многом благодаря его решительности бесценные сокровища Эрмитажа не были разграблены. С отрядом матросов охраняет подступы к Петрограду от наступающих войск А.Ф. Керенского. Затем снова служба на флоте, а в августе 1918 года Душенов получает задание обеспечить доставку оружия на Восточный фронт. Будучи в Саратове и Астрахани, Константин Иванович занимает должность командира военного порта. В городе на Волге состоялась его знакомство с С.М. Кировым, который в то время возглавлял Астраханскую партийную организацию.

После гражданской войны именно Киров рекомендовал назначить Константина Ивановича особо уполномоченным по углублению фарватера Волги, чтобы нефтеносные суда своевременно доставляли нефть Каспия в районы России. В бухтах Севастополя, где Душенов работает командиром военного порта, царил хаос. На дне покоились взорванные белогвардейцами буксиры и катера, плавучие краны и баржи. Портовые склады были разграблены и взорваны. Всего за год Константину Ивановичу удалось организовать восстановление крейсера «Память Меркурия», навести учет и контроль во всех подведомственных службах. На партийной конференции Черноморского флота он сделал обстоятельный доклад «Об итогах и перспективах строительства флота». Особое внимание в докладе было уделено теоретическим проблемам дальнейшей реконструкции флота, его взаимодействию с армией.

В 1923 году Душенов получает долгожданное направление на учебу в Военно-морскую академию. Учится старательно и увлеченно. В документе об окончании академии, в частности, записано: «Общая успешность прохождения курса – отличная»²².

После завершения учебы Константина Ивановича назначают командиром учебного корабля «Комсомолец», но ненадолго. В 1928 году его переводят начальником штаба соединения линейных кораблей Балтийского флота. Командующий морскими силами Балтики М.В. Викторов дал ему такую характеристику: «Энергичный, с достаточной силой воли и весьма решительный командир. Имея отличное развитие и широкий кругозор, четко ориентируется в окружающей обстановке. Будучи всегда тактичным и дисциплинированным, к подчиненным относится строго и требовательно»²³. Видимо, эти качества Душенова сыграли не последнюю роль в назначении его в декабре 1929 года начальником той самой Военно-морской академии, которую он совсем недавно окончил.

В 1931 году Константин Иванович получает приказ о вступлении

в должность начальника штаба Морских сил Черного моря. Ему удалось добиться, чтобы весь командный и политический состав регулярно учились. При нем все политработники линкоров и крейсеров обязательно несли вахту, принимали участие в боевых стрельбах. Несколько позднее Душенова во главе группы специалистов командируют в Италию заказывать боевые и торговые корабли. Правительственное задание по заключению контракта с итальянскими фирмами было выполнено оперативно и на высоком профессиональном уровне. В годы Великой Отечественной войны корабли, построенные на судостроительных заводах Италии, успешно сражались с врагом.

В декабре 1934 года К.И. Душенов прибыл в город Полярный Мурманской области и вместе со своей женой Адель Карповной поселился в доме № 6 по улице Циркульной. Приезд опытного морского офицера на Крайний Север – дело, конечно же, не случайное. Константин Иванович был назначен командовать Северной военной флотилией. На этом посту он сменил З.А. Закупнева – преданного профессии военного моряка, но работавшего и мыслившего без огонька, в привычном, устоявшемся ритме. Бывший начальник отдела боевой подготовки Северного флота С.С. Рыков пишет в своих мемуарах: «Константин Иванович Душенов, матрос-авроровец, даже внешне резко отличался от прежнего комфлота. Он быстро восстановил порядок. Возобновились походы кораблей, в которых Душенов участвовал часто. Улучшились дела со строительством базы. Флотилия встрепенулась, ожила»²⁴.

В декабре 1935 года за заслуги в подготовке надводных и подводных сил Душенов был награжден орденом Красной Звезды. Месяцем позднее ему было присвоено воинское звание флагман 1 ранга. 11 мая 1937 года вышел приказ о преобразовании флотилии в Северный флот. Решение, на котором давно настаивал Константин Иванович, было вполне разумным. Флотилия уже давно выполняла такие боевые задачи, которые ставятся перед флотом, и играла важную роль в обороне страны на северных рубежах.

21 мая 1937 года нарком обороны К.Е. Ворошилов направил Сталину докладную записку, в которой предложил ввести в значительно поредевший в результате арестов состав Военного совета при наркомате обороны новых членов. Одним из них предстояло стать командующему Северным флотом флагману первого ранга К.И. Душенову²⁵. 12 декабря 1937 года моряки Мурманска и промышленные предприятия города избрали Константина Ивановича депутатом Верховного Совета СССР. На предвыборном собрании выступали командиры, политработники, рабочие и служащие, а также мать и сестра героя очерка – колхозницы из села Кубенское Вологодского района. В марте 1938 года командующий Северным флотом получил орден Красного Знамени за образцово поставленную работу по снятию с дрейфующей льдины членов экспедиции И.Д. Папанина.

19 мая 1938 года коммунист Душенов выступал на Мурманской окружной партийной конференции. Неожиданно прямо в Дом культуры позвонили из Москвы и потребовали, чтобы командующий флотом вместе со своим начальником политуправления П.М. Клиппом срочно выехали в Ленинград. 22 мая 1938 года на станции Волховстрой они были арестованы. Офицеры тогда еще ничего не знали об этом прискорбном факте и усиленно готовились к приезду наркома Военно-морского флота П.А. Смирнова. Никто не сомневался, что Константин Иванович в самое ближайшее время будет на своем рабочем месте. Однако наркома ВМФ пришлось встречать без Душенова. На состоявшемся в Мурманске 26 мая партактиве П.А. Смирнов заявил, что приехал на Северный флот по заданию ЦК партии и правительства. Ему поручено провести тщательное расследование по делу бывшего комфлота К.И. Душенова, бывшего члена военного совета П.П. Байрачного, бывшего начальника политуправления П.М. Клиппа, которые политически себя скомпрометировали. Расследование свелось к аресту еще нескольких офицеров Северного флота. В подвале внутренней тюрьмы областного управления НКВД с них сорвали знаки отличия, потребовали вынуть шнурки из ботинок и оторвать пуговицы от брюк. Затем начались допросы...²⁶

В следственном изоляторе Ленинграда Константину Ивановичу Душенову объявили, что он обвиняется по п.16 ст. 58 УК РСФСР (измена родине), по п. 7 ст. 58 УК РСФСР (подрыв экономики государства в интересах заинтересованных капиталистических организаций), по п. 11 ст. 58 УК РСФСР (деятельность, направленная на подготовку или совершение контрреволюционного преступления). Через три дня после ареста командующего Северным флотом оказалась за решеткой и его жена – Адель Карповна, работавшая в средней школе города Полярный Мурманской области библиотекарем²⁷. Вскоре в застенках НКВД оказалось практически все руководство Военно-морского флота. Были арестованы еще недавно публично бичевавший Константина Ивановича нарком ВМФ П.А. Смирнов, его заместитель П.И. Смирнов, начальник Морских Сил РККА М.В. Викторов, командующий Черноморским флотом И.К. Кожанов, начальник штаба Морских Сил П.Г. Стасевич, командующий Тихоокеанским флотом Г.П. Киреев. На 1 сентября 1937 года из флотских рядов по политическим мотивам было уволено 705 и арестовано 171 командир всех рангов²⁸.

Практически ко всем арестованным было применено физическое воздействие. Начальник Военно-Морских Сил СССР В.М. Орлов в своем заявлении на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова писал: «Я не могу признаваться дальше в невероятных и небывалых своих преступлениях. Я умоляю выслушать меня лично и вмешаться в ход моего дела. Я нахожусь на грани

сумасшествия. Через короткий срок я стану, как стал Джимми Хиггинс, неосмысленной собакой. Но это может быть только в капиталистической стране и не может быть у нас»²⁹.

Увы, в стране социализма методы физического воздействия на подследственных были разрешены повсеместно специальным циркуляром ЦК ВКП(б), и под жестокими пытками практически все признавались во всех мыслимых и немыслимых грехах. 26 июля 1939 года К.И. Душенов пишет в тюремной камере 267-е по счету заявление. Свое послание он адресует председателю Совнаркома В.М. Молотову:

«...Меня арестовали в Ленинграде, и после 22 часов применения ко мне жестоких физических методов воздействия я почти в бессознательном состоянии в результате внутреннего кровоизлияния написал под диктовку следствия ложное заявление, что я – заговорщик и вредитель.

Через 5 дней после тех же методов я подписал заранее написанный протокол, где указано более 30 командиров, якобы моих сообщников, которых после арестовали.

В течение года я три раза отказывался от ложных протоколов, но все три раза ко мне применяли физические методы воздействия, и я вновь подписывал ложь.

В мае 1939 года меня перевели в Лефортово, и в день годовщины сидения в тюрьме меня еще раз подвергли физическому воздействию и я, вспоминая, что написано в Ленинграде, продолжаю давать ложные показания.

...Я не враг народа, не заговорщик, не вредитель и не террорист. Я бывший рабочий, старый матрос крейсера «Аврора», секретарь судового комитета в Октябрьские дни, брал Зимний дворец.

Я всем сердцем Вас прошу, не можете ли сделать так, чтобы меня больше не били. Я не смею Вас просить о том, чтобы вновь провели следствие без физических методов воздействия и дали бы мне какую-нибудь возможность доказать свою невиновность и преданность партии, советской власти и правительству. Мне сделать это очень легко, а если я что тогда сокру, то прошу меня расстрелять, но не бить.

Если Вы, не найдете возможность вмешаться в это дело, то прошу сделать так, чтобы хотя бы за это заявление меня не били. Я опасюсь, что следствие может рассмотреть его как провокацию.

Сейчас я в Мурманске, но меня скоро перевезут в Москву, в Лефортово. Если Вы не сочтете возможным вмешаться в мое дело, то я больше нигде отказываться не буду, так как не имею больше сил и спокойно умру»³⁰.

Константин Иванович пишет заявление Молотову и сам уже не верит, что ему предоставят возможность оправдаться, а невыносимые пытки и издевательства прекратятся. Вот от этой безысходности и появляется просьба: «Прошу меня расстрелять, но не бить». Ничего, однако, не меняется. Следователи продолжают «выбивать» из Душенова все новые и новые показания о несуществующем антисоветском заговоре. 3 февраля 1940 года мучения наконец-то прекращаются. Военная коллегия Верховного Суда СССР определяет подсудимому высшую меру наказания – расстрел. Приговор привели в исполнение на следующий день. Похоронили бывшего командующего Северным флотом в безымянной могиле на Донском кладбище в Москве. Решение о посмертной реабилитации К.И. Душенова было принято лишь 29 апреля 1956 года.

Проще всего осудить поведение на следствии морально сломленного и искалеченного бывшего командующего Северным флотом. Гораздо важнее умом и сердцем понять, как много успел сделать этот человек для защиты морских рубежей Отечества, какой след оставил в истории Отечества уроженец вологодской земли. П.И. Мусьяков, посвятивший Константину Ивановичу свою небольшую книгу, пишет: «Северный флот воевал с немецко-фашистскими захватчиками, воевал мужественно и умело. Боевые соратники безвременно погибшего командующего в дни боев не раз вспоминали его простые наставления: правильно использовать долгие ночи, туманы и штормы, сделав их союзниками в борьбе с врагом. Моряки действовали смело и уверенно. И то, что Советское Заполярье стало крепостью, успешно отразившей все атаки гитлеровских наземных, авиационных и морских сил, – немалая заслуга флагмана Душенова»³¹.

Участь «врагов народа» была особа трагична еще и потому, что возвращенная Сталиным государственная система старательно вычеркивала имена своих жертв, в том числе недавних любимцев армии и народа, из истории страны. Кажется, делалось все, чтобы предать этих людей забвению. Вплоть до того, что их имена и фамилии вымарывались из энциклопедий, справочников и словарей. Однако даже эта система, старательно девальвировавшая ценность человеческой жизни, порой давала сбои и осечки. В 1936 году дивизион подводных лодок Северного флота побывал на Новой Земле. На памятной доске была сделана надпись о том, что подводники совершили дальний поход под руководством флагмана 1 ранга К.И. Душенова. Через год Константин Иванович был объявлен «врагом народа», но памятная доска так и не была снята моряками, она пережила Сталина, дождалась XX съезда КПСС и реабилитации безвинно осужденного командующего Северным флотом.

«МАТЕРЫЙ ШПИОН ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК»

Одним из излюбленных приемов следователей НКВД в тридцатые годы было обвинение жертвы в связях с зарубежной разведкой. Под пытками в этом жутком преступлении признались многие советские военачальники. Как правило, на суде они отказывались от ранее данных показаний. Увы, это ничего не меняло. Военная коллегия Верховного суда СССР, которой поручалось вести дела о таких государственных преступлениях, как шпионаж, диверсия, контрреволюционный заговор и т. п., с поразительной быстротой выносила смертный приговор. На одном из таких судебных заседаний был приговорен к расстрелу «матерый шпион немецкой, польской и итальянской разведок» В.Н. Левичев.

Василий Николаевич Левичев родился в 1891 году в деревне Починок Кадниковского уезда Вологодской губернии. После окончания сельской школы юноша работал на лесопильном заводе. Вскоре ему удалось поступить в Тотемскую учительскую семинарию. Здесь он с огромным интересом изучает историю, географию, особенно увлекается краеведением. Его курсовая работа, посвященная вологжанам-землепроходцам, была признана лучшей. С 1912 года В.Н. Левичев трудится учителем в Усть-Кубинской школе. По сохранившимся воспоминаниям, молодой педагог снискал любовь учеников и очень многих родителей преданностью своему делу и походами по родному краю.

В годы Первой мировой войны Левичев служит в армии, получает чин унтер-офицера. После свержения самодержавия в феврале 1917 года он принимает участие в революционном движении солдат, выступает под большевистскими лозунгами за прекращение империалистической войны. Когда Временное правительство ввело в армии выборы, его рекомендовали на должность командира полка. В феврале 1918 года Василий Николаевич возвратился на родину. Повидавшись с семьей, он покидает родное село Устье, приезжает в Вологду и поступает на службу в губернский продовольственный комитет на должность заведующего отделом промыслов. Тогда же вступает в партию большевиков. По рекомендации начальника Особого отдела ВЧК М.С. Кедрова назначается в январе 1919 года Вологодским губернным комиссаром, сменив на этом посту К.А. Авксентьевского. В эти дни Василий Николаевич оказывает большую помощь 6-й армии Северного фронта в формировании новых красноармейских отрядов, организует снабжение войск оружием и продовольствием. В конце марта – начале апреля 1919 года он в составе Вологодской партийной организации принимает участие в работе IX съезда РКП(б), обсуждает вместе с другими делегатами знаменитый план

ГОЭЛРО, протестует против единоначалия в руководстве промышленностью³².

В 1920 году В.Н. Левичев назначается помощником командующего Киевским военным округом, а в декабре того же года становится его командующим. За активное участие в укреплении Советской власти на Украине, разгром контрреволюционных выступлений недовольных политикой сталинской власти крестьян он награждается орденом Красного Знамени и именными золотыми часами.

В октябре 1922 года Левичев был зачислен слушателем Высших военных академических курсов. Здесь он повышает свои военно-теоретические знания и после окончания курсов становится начальником и комиссаром Петроградской пехотной школы. В 1924 году В.Н. Левичев – помощник начальника Главного военного управления, а затем – начальник Главного управления РККА. В 1929 году новое, более высокое назначение: Василий Николаевич вступает в должность заместителя начальника Генерального штаба³³. Еще через четыре года, когда к власти в Германии пришел Гитлер, он занимает пост советского военного атташе в фашистском государстве.

В одном из своих докладов на имя наркома обороны К.Е. Ворошилова Василий Николаевич сообщает, что ему удалось побывать в одном из концентрационных лагерей для немецких коммунистов. Особенно запомнились пять оборванных босоногих людей, приставленных к стене, видимо, для расстрела. Далее Василий Николаевич приводит свой разговор с сопровождавшим его офицером. Немец заметил: «Гитлер серьезно расправляется со своими политическими противниками, – и тут же, как бы в оправдание, добавил, – у вас тоже здорово расправлялись с врагами революции». «Я ему очень внятно объяснил, что никакого сравнения с нами быть не может – у нас борются с контрреволюционерами, с классом угнетателей, но и по отношению к ним истязания не допускаются»³⁴. Вряд ли предвидел тогда наш военный атташе в Германии, что вскоре ему на своем горьком опыте придется убедиться в обратном.

В 1935 году В.Н. Левичев возвратился из Германии на родину и снова стал заместителем начальника Генерального штаба РККА. Занимаясь практическими делами, связанными с укреплением боевой мощи Красной Армии, он параллельно разрабатывает теоретические вопросы, связанные с обороной страны, читает лекции в военных академиях, выступает с докладами перед командным составом армии. Между тем механизм репрессий в стране продолжал наращивать обороты. Отрицательное отношение Сталина к военным специалистам старой армии, ярко выраженное политическое недоверие к ним в конечном итоге вылилось в аресты. Когда в середине 50-х

годов начался процесс реабилитации, то выяснилось, что из 449 реабилитированных военнослужащих Красной Армии, имевших звание комдива и выше, более 130 ранее служили офицерами в царской армии. Революционные заслуги этих людей, как-то: активное участие в гражданской войне, наличие правительственных наград, членство в рядах ВКП(б) в расчет не принимались. Недоверие вождя к бывшему офицерскому корпусу царской армии перевешивало все их остальные заслуги. Так, в числе людей с «запятнанной биографией» оказался и Василий Николаевич Левичев³⁵.

В ноябре 1937 года нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов представил Сталину список на 292 человека под заголовком «Москва-центр» с предложением расстрелять перечисленных в нем «врагов народа». Список состоял из уже арестованных военачальников, имевших большие заслуги перед партией и государством. Среди тех, кого ждал смертный приговор, были начальник военно-морских сил В.М. Орлов, начальник Управления боевой подготовки РККА Н.Д. Каширин, начальник Санитарного управления РККА М.И. Баранов, начальник Военно-морской академии И.М. Лудри, командующий Харьковским военным округом И.Н. Дубовой, начальник артиллерийского управления РККА Я.М. Железняков. Вторым по значимости в этом скорбном списке фигурировал уроженец вологодской земли Василий Николаевич Левичев³⁶.

Около 30 человек, в том числе Левичев, были арестованы еще за несколько дней до расстрела маршала М.Н. Тухачевского и его товарищей по службе. Остальные военачальники, включенные в список, были арестованы через девять дней после расстрела «врагов народа», т.е. 21 июня 1937 года. Вообще за этот короткий промежуток времени по милости Сталина, Ежова и Ворошилова в застенках НКВД оказалось 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров³⁷.

Василий Николаевич был арестован 5 июня 1937 года. Помимо участия в антисоветском заговоре, он обвинялся в связях с германской разведкой. Следователи, видимо, убеждали и себя и арестованного в том, что немыслимо находиться в течение двух лет в Германии в качестве военного атташе и не пойти на вербовку с иностранными спецслужбами. Приговор бывшему заместителю начальника Генштаба РККА был вынесен 26 ноября 1937 года. А вот установить точную дату приведения приговора в исполнение историкам пока не удалось. Скорее всего, по заведенной практике, казнь состоялась или в день вынесения приговора, или днем позднее.

25 января 1938 г. Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР было принято постановление, в котором говорилось, что «первый заместитель наркома обороны А.И. Егоров в период его нахождения на посту начальника штаба РККА всю

работу штаба развалил, передоверив ее матерым шпионам немецкой, польской и итальянской разведок». «Матерыми шпионами» именовались заместитель начальника Генерального штаба РККА В.Н. Левичев и начальник 1-го отдела Генерального штаба РККА С.А. Меженинов. Далее в постановлении говорилось, что маршал Егоров «не только не пытался контролировать Левичева, но и безгранично ему доверял, состоял с ним в дружеских отношениях»³⁸. К моменту появления на свет этого документа ЦК партии самого Василия Николаевича Левичева уже не было в живых. Для сотрудников НКВД данное обстоятельство, однако, никакой роли не играло. Именем «врага народа» и «выбитыми» из него показаниями продолжали манипулировать следователи НКВД, выискивая и склоняя к самооговору и лживым показаниям очередную жертву очередного мифического заговора.

Уроженец вологодской земли В.Н. Левичев был реабилитирован в период так называемой «хрущевской оттепели», а точнее – 28 июля 1956 года. Еще через семь лет улица Речников в областном центре стала носить его имя. На мемориальной доске, укрепленной на одном из зданий, высечены слова: «Левичев Василий Николаевич. 1891–1937 годы. Член коммунистической партии с 1917 года. Военный комиссар Вологодской губернии. Впоследствии – заместитель начальника Генерального штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии». Упоминания о том, что В.Н. Левичев был репрессирован, на мемориальной доске вы не найдете.

«... ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЕТ»

Ошибочно считать, что работники таких структур как НКВД, Прокуратура, Военная коллегия Верховного Суда СССР и прочих структур репрессивного аппарата представляли собой безликую, вымуштрованную массу, готовую бездумно выполнять любое указание вождя, любое решение ЦК ВКП(б). Конечно, нет сомнений в том, что существовала тоталитарная система, неизменными атрибутами которой были насилие, всеобщая подозрительность, страх и шпиономания. Однако даже в этой системе с ее карательными институтами, тюрьмами и лагерями – всегда находились люди, способные к сопротивлению лжи и насилию, способные даже в самые трагические моменты сохранить в себе профессиональную честь и человеческое достоинство.

Григорий Григорьевич Сулов родился в деревне Куракино Кирилловского уезда Череповецкой губернии 24 января 1886 года. В своей автобиографии,

датированной 1922 годом, он пишет: «С малых лет я пас стада коров по найму в других деревнях. Получал за свой труд за лето 5–7 рублей. Окончив двухклассное училище в волости, был вынужден в 13 лет уйти на отхожие заработки, ибо хозяйство у отца было очень бедное. В глуши деревенской мне доводилось слышать о революции лишь от приходивших изредка учителей, никакой литературы, за исключением маленькой брошюры «Пауки и мухи», читать не приходилось. Революционный подъем в нашей местности вылился только в сторону неуплаты налогов. Не имея средств поставить хоть сколько-нибудь сносно крестьянское хозяйство, я пошел к кустарю учиться изготовлению гармонных корпусов (этот род ремесла широко развит в нашей местности). Проучился около 10 месяцев, но тут подоспел призыв на действительную военную службу, и в 1907 году я был направлен в Кронштадтскую крепостную артиллерию, во второй полк»³⁹. Дальнейшая служебная карьера Григория Григорьевича была связана со службой на Кавказе. Осенью 1917 года он, будучи беспартийным, избирается делегатом от Сухумского гарнизона на 2-й съезд Кавказской Армии. Весной 1918 года Суслов в партизанском отряде, ликвидирует остатки войск белогвардейского генерала Л.Г. Корнилова. В ходе этой операции он и еще несколько бойцов были отрезаны от партизанского отряда конницей атамана А.Г. Шкуро. Скрывался в станице Каменно-Бродской, где к тому времени проживала его семья. По поддельному удостоверению вместе с родными выехал в Советскую Россию. Жил в селе Бакалы Уфимской губернии, где в июле 1919 года вступил в партию большевиков. Несколько позднее вступил в ряды РККА, в 1919 году был адъютантом командира дивизиона в Казани. В декабре того же года назначен казначеем запасной батареи и пробыл в этой должности до июля 1920 года. Затем Суслов служил заместителем комиссара артиллерии Приволжского военного округа в Самаре, в этом же округе в 1922 году переведен на работу в Военный трибунал. С 1930 года он – военный прокурор Забайкальского военного округа.

В 1932 году по всей стране шли партийные собрания, на которых коммунисты «громили» вчерашних руководителей ВКП(б), в одночасье ставших «врагами народа» – секретаря Краснопресненского района города Москвы Мартемьяна Рютина, Григория Зиновьева, Льва Каменева. А через пять лет, в марте 1937 года, характеристику на Г.Г. Суслова неожиданно затребовал прокурор СССР А.Я. Вышинский. При этом прокурора СССР особо интересовало поведение Григория Григорьевича на партийном собрании пятилетней давности. В своем ответном донесении в Москву начальник политуправления Забайкальского военного округа В.Н. Шестаков писал, что товарищ Суслов в своем выступлении подчеркнул необходимость лучше изучать членов партии. По его мнению, Рютин, Зиновьев и Каменев «оторвались от масс, не понимают происходящих в стране социализма событий». Далее Шестаков отмечает положительные

стороны в работе прокурора округа, его преданность делу партии. Характеристику завершают слова: «Тов. Сулов состоит членом окружной партийной комиссии, был несколько раз членом партийного бюро штаба и управлений округа и на этой работе показал себя как крепкий большевик»⁴⁰.

6 июля 1937 г. Виктора Николаевича Шестакова арестуют, и его показания о своем сослуживце будут прямо противоположны тем, что он излагал в своем донесении Вышинскому. Так, в протоколе допроса Шестакова говорится: «...при проработке письма ЦК о праволевацкой террористической группе Рютина Сулов выступил с явно контрреволюционными взглядами. Затем мне стало известно, что он смазывает ряд троцкистских и вредных дел, проходящих через прокуратуру. Все это давало мне основание говорить с ним откровенно»⁴¹.

О какой «откровенности» идет речь, догадаться не трудно. К этому моменту бывший начальник политуправления Забайкальского округа Шестаков дал обвинительные показания на более чем 40 человек, якобы причастных к заговору бывшего маршала М.Н. Тухачевского. На вопрос, кто же входил в состав руководящего ядра военно-троцкистской организации в округе, Шестаков среди прочих назвал бывшего командующего округом И.К. Грязнова, бывшего начальника штаба Я.Л. Рубина и пока еще не арестованных заместителя командующего округом Г.Ф. Незраева, помощника командующего К.Х. Супруна, военного прокурора Г.Г. Сулова. При этом бывший начальник политуправления Забайкальского военного округа заявил, что Григория Григорьевича Сулова он завербовал лично. Вообще арестованный, с «легкой» руки следователей, нарисовал грандиозную по своим масштабам картину заговора. У заговорщиков якобы не было сомнения в том, что государственный переворот можно осуществить без особых трудностей и что все члены политбюро ЦК ВКП(б), руководители правительства СССР тут же окажутся за решеткой⁴².

Прямым следствием ареста уроженца Вологодского края стало партийное собрание штаба и управления Забайкальского военного округа, проходившее 10 июля 1937 года. На нем рассматривался вопрос об исключении Г.Г. Сулова из партии. Секретарь партбюро Ильин обвинил прокурора в расчетливом прекращении политических и вредительских дел, а также в тесной связи с «врагами народа», в частности, с начальником политуправления Забайкальского военного округа корпусным комиссаром В.Н. Шестаковым. Как водится, партсобрание протекало по заранее отработанному сценарию. Подчиненные клеймили своего начальника за дружбу с «врагами народа», притупление классовой бдительности, и, как следствие, политическое банкротство. Необычным было лишь одно обстоятельство. Обвиняемый посмел

заявить, что пересматривал уголовные дела, строго руководствуясь законом. Партийное судилище, на котором присутствовало 154 члена партии, было единодушно: «За антигосударственную деятельность, систематическое смазывание и прекращение контрреволюционных вредительских дел, бездеятельность в борьбе с вредительством и шпионажем врагов народа в системе военторга, продотдела и штаба Сулова из рядов ВКП б) исключить»⁴³.

Григорий Григорьевич Сулов был арестован в Чите 13 июля 1937 года. Следствию, фабриковавшему мифическое дело о военно-фашистском заговоре, позарез нужен был прокурор, сознательно закрывавший дела на «врагов народа». Вот почему следователи с необычайным рвением собирают материал о попытках прокурора «тормозить дела на врагов народа», о его несуществующей службе в царской охранке и провокаторской деятельности против большевиков. Однако Григорий Григорьевич не был намерен подписывать липовые протоколы. И тогда начальник особого отдела Забайкальского военного округа лейтенант госбезопасности А.Д. Видякин применяет к прокурору физическое воздействие. Параллельно факты, изобличающие «преступные деяния» Григория Григорьевича, тщетно пытались добыть у первой жены Сулова. Однако малограмотная женщина оказалась человеком исключительно порядочным. Она уже в который раз подтвердила свои показания относительно того, что ее бывший муж «ни в полиции, ни в жандармерии никогда не служил», наоборот, «был подпольным коммунистом и скрывался все время от преследования царским правительством»⁴⁴.

В конечном итоге следователи сумели собрать богатый материал о «преступной деятельности» бывшего военного прокурора. Так, в вину ему ставилось прекращение дела о пожаре, якобы учиненном командиром войсковой части Забалуевым (обвиняемый на момент пожара находился в отпуске). В другом случае прокурор либерально отнесся к Тарасию Махарадзе, взял этого красноармейца под защиту. А между тем этот самый Махарадзе «умалнял роль товарища Сталина в истории большевистских организаций Закавказья». В довершение всего следователям удалось «доказать», что прокурором округа было прекращено явно политическое дело против бойцов Пономаренко и Дешина. Эти красноармейцы на стрельбище, по мнению сотрудников Особого отдела округа, умышленно стреляли в обложку ученической тетради с изображением вождей революции – Ленина и Сталина. Одним словом, компрометирующих фактов против Григория Григорьевича набралось более чем достаточно. Его не спасло даже то, что первый заместитель наркома обороны маршал А.И. Егоров, будучи арестованным, категорически отверг лживые утверждения бывшего командующего Забайкальским военным округом И.К. Грязнова о существовании какого-либо заговора, ниточки которого тянутся из Москвы в Читу⁴⁵.

Принято считать, что процесс реабилитации безвинно осужденных начался в середине 50-х годов, затем имел продолжение в так называемые перестроечные времена. А во второй половине тридцатых годов ничего подобного, разумеется, и быть не могло. Просто был устроен маленький политический спектакль. Кровожадного маленького наркома внутренних дел Ежова сняли с занимаемого поста, вскоре его ждал расстрел. Новый нарком «восстановил» в стране законность: наказал наиболее одиозных следователей, прекратил дела, «шитые белыми нитками», выпустил из лагерей ГУЛАГа на свободу 223 622 человека (осужденных за контрреволюционные преступления среди освободившихся было крайне мало)⁴⁶. Таким образом, даже в самые мрачные сталинские времена находились люди с чистой совестью, ставящие превыше всего свой профессиональный долг.

В свою бытность прокурором Забайкальского военного округа Григорий Григорьевич Суслов законно поставил под сомнение 700 сфальсифицированных дел с политическим подтекстом. Все проходившие по этим делам люди уже в 1939 году получили свободу, но узнать об этом уроженцу Вологодского края, увы, не довелось. В день ареста Григорий Григорьевич сказал своей жене Любове Федоровне: «Я чист, как хрусталь. Разберутся, и я скоро вернусь». Это были слова утешения человека, который знал, что его ждет. Жизненный опыт подсказывал Суслову, что в ходе следствия никакого объективного разбирательства не будет. Так оно и случилось. 2 октября 1938 года выездная сессия Военной коллегии Верховного суда Союза ССР на своем закрытом заседании приговорила обвиняемого к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Заседание началось в 15.00, а закончилось в 15.10. В этот же день военный прокурор Забайкальского военного округа Григорий Григорьевич Суслов был расстрелян.

Окончательно сломить этого мужественного человека ни следствию, ни суду так и не удалось. В судебном протоколе сказано, что Суслов «виновным себя не признает и показания, данные им на предварительном следствии, отрицает». Отверг Суслов и «разоблачавшие» его показания других обвиняемых. В последнем слове бывший военный прокурор в очередной раз подчеркнул свою невиновность.

После смерти Сталина жена Григория Григорьевича писала первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву: «Дорогой Никита Сергеевич, простите, что я отрываю Вас от больших дел и прошу выслушать мою большую просьбу к Вам. Прошу Вас, дорогой Никита Сергеевич, прежде всего, сообщить мне, где находится муж. Жив ли он? Предлагаемые ему тяжелые партийно-политические обвинения шли вразрез с действительностью. Его обвиняли за личную связь с врагами народа... Если даже теперь его нет в живых, очень прошу

пересмотреть его дело, так как возможное его оправдание даст мне моральную поддержку в моей старости...» Да, Любови Федоровне на самом деле пришлось ограничиться только моральной поддержкой. В августе 1956 года она получила извещение, в котором были следующие строки: «Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 октября 1938 года в отношении Сулова Григория Григорьевича отменить за отсутствием состава преступления»⁴⁷.

«Я БОРОЛСЯ НЕ ЗА ТАКУЮ ПАРТИЮ»

В книге «Вологжане – генералы и адмиралы» есть небольшой очерк о бригадном враче Алексее Константиновиче Нуромском. Человек, воевавший под началом будущего маршала А.И. Егорова, служивший вместе с командующим Киевским военным округом командармом 1-го ранга И.Э. Якиром, – личность, разумеется, незаурядная и достойная более пристального внимания. В феврале 1998 года журналист Юрий Попов опубликовал на страницах газеты «Русский Север» материал, посвященный трагической судьбе Алексея Константиновича. Однако настоящее исследование жизненного пути этого человека, особенно последних дней его жизни, думается, еще впереди.

Алексей Константинович Нуромский родился 10 марта 1891 года в селе Спас-Нурма Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Его отец Константин Семенович Нуромский был священником местной церкви, мать Александра Алексеевна вела домашнее хозяйство. Алексей решил пойти по стопам отца, поступил в духовную семинарию. Революционные события 1905–1907 годов добрались и до глухой провинции. На волне митингов и уличных демонстраций юноша приобщился к политике. В конечном итоге семинарское начальство аттестовало Алексея как «политически неблагонадежного» и отправило на перевоспитание «под надзор родителей». Дорога в высшие учебные заведения для юноши была закрыта.

В 1913 году страна отмечала 300-летие царствования династии Романовых. По этому случаю была объявлена амнистия, и в этом же году Алексей Нуромский стал студентом Юрьевского (ныне Тарту, Эстония) ветеринарного института. Общественно-политическая активность Алексея в эти годы проявилась в том, что он заведовал библиотечкой нелегальной литературы, выступал на собраниях и даже был избран членом Юрьевского Совета рабочих депутатов. В октябре 1917 года он на улицах и площадях революционного Петрограда. Однако в этот раз политическая деятельность не помешала Нуромскому успешно закончить институт.

Более того, ему было предложено место ассистента на кафедре. Но, видимо, большая наука в то бурное время не прельщала Алексея Константиновича.

5 июня 1918 года Нуромский приезжает в родную Вологодскую губернию. В Спас-Нурме его встречали мать Александра Алексеевна и сестра Мария. Отца к этому времени уже не было в живых. Нерастроченная молодая энергия требует выхода, и спустя всего несколько дней выпускник Юрьевского ветеринарного института пробует себя в качестве инструктора-агитатора при Грязовецком исполкоме, становится членом редколлегии местной газеты «Земля и труд». Впрочем, пребывание Алексея Константиновича вблизи дома и семьи было недолгим. Уже через месяц он добровольно вступает в ряды РККА⁴⁸.

За два месяца службы в 6-й Латышской батарее Нуромский успевает стать председателем революционного комитета этого войскового соединения. Таково было желание красноармейцев, разглядевших в нем достаточно опытного агитатора, способного постоять за интересы солдатской массы. Между тем у начальства по поводу использования дипломированного специалиста было иное мнение. И в сентябре 1918 года Алексей Константинович получает приказ возглавить ветеринарную часть 5-й армии. В эти дни 5-я армия вела бои против белогвардейцев, освобождала Казань. Осенью и зимой 1918 года преследовала отступающего противника, освобождала Уфу. Затем был период временных неудач и новое контрнаступление в составе Восточного фронта: 13 июля армия вступает в Златоуст, 24 июля – в Челябинск, с боями форсирует реку Тобол и устремляется к Петропавловску⁴⁹. Служит в этот период Алексей Константинович сначала под началом Ж.К. Блюмберга, а затем – М.Н. Тухачевского.

В октябре 1919 года Нуромского назначают начальником ветеринарной части Восточного фронта. Конница – ударная сила фронта – вместе с другими войсковыми подразделениями освобождает Омск, Барнаул, Томск. Основные силы армии Колчака разгромлены. Однако, как посчитал В.И. Ленин, командующий фронтом бывший генерал-майор царской армии В.А. Ольдерогге в ходе завершающих операций по разгрому противника допустил ряд ошибок⁵⁰. В итоге 6 января 1920 года управление Восточного фронта было расформировано, а Нуромского откомандировывают на Юго-Западный фронт. Здесь уроженец Вологодского края служит под началом А.И. Егорова – будущего маршала и будущего «врага народа».

С ликвидацией в декабре 1920 года Юго-Западного фронта Нуромского назначают начальником и военкомом ветеринарного управления Западного фронта, затем – начальником и военкомом ветеринарного управления Киевского военного округа, которым в то время командовал опять же А.И. Егоров.

За боевые заслуги в период гражданской войны Нуромский был награжден ВЦИК Украины орденом Красного Знамени. В 1923 году Алексей Константинович заканчивает Высшие военно-академические курсы РККА. В этом же году Реввоенсовет РККА удостоивает его именных золотых часов.

После завершения учебы на Высших военно-академических курсах Алексей Константинович служит в должности начальника и военкома ветеринарного управления Киевского военного округа. С июля 1933 года он – начальник ветеринарной службы Киевского военного округа. Ему присваивается звание бригадного военного врача. Осенью 1935 года в округе, где служил Нуромский и которым командовал командарм 1-го ранга И.Э. Якир, с успехом прошли учения с использованием большого воздушного десанта. На учениях присутствовали нарком обороны К.Е. Ворошилов, партийное руководство Украины, зарубежные гости⁵¹. Между тем тучи над командующим округом и его подчиненными постепенно сгущались.

В конце мая 1937 года в Киев прибыл новый командующий войсками округа командарм И.Ф. Федько, а И.Э. Якиру нарком обороны предложил срочно выехать в Ленинград. В дороге он был арестован. Племянница А.К. Нуромского Лидия Николаевна вспоминает: «Когда арестовали Якира, с которым он вместе работал и дружил, Алексей Константинович предчувствовал, что и его арестуют. Они тайно с женой отправили дочку к знакомым. Жену его сослали в лагеря, где она пробыла долгих 20 лет. Получив инвалидность первой группы, была освобождена из лагеря в 1957 году и приехала к дочке... Говорила, что претерпела такие муки ада, что нет слов, чтобы описать их. У дочери она прожила около года и скончалась»⁵².

Бригадный врач Нуромский не стал дожидаться страшной развязки. Он хорошо понимал, что с клеймом «врага народа» на пощаду со стороны властей рассчитывать нечего. И когда в застенках НКВД его начали избивать, то он самооговору и клевете на своих товарищей предпочел самоубийство. Старая учительница Зинаида Петровна Исправникова вспоминает, что родные Алексея Константиновича как-то обмолвились: «Его пытали, и очень страшно, он не мог этого пережить, перерезал вену на руке»⁵³.

Пожалуй, самое печальное, что жертвами сталинских репрессий слишком часто становились лица, искренне проникшиеся революционными идеями, готовые все отдать за победу социализма и коммунизма. Для них разочарование в «светлом будущем», ради которого они сражались на фронтах гражданской войны, ради которого осуществляли грандиозные планы индустриализации и коллективизации, было особенно болезненным. Бригадный врач Нуромский был одним из таких людей. Прозрение пришло к нему накануне ареста. Алексей Константинович, осознавший, что большевистская власть ввергла страну в пучину тоталитарного режима, в своем последнем письме сестре написал: «Я боролся не за такую партию»⁵⁴.

«ЗАЩИТНИК И ПОКРОВИТЕЛЬ ВРАГОВ НАРОДА»

Иван Степанович Конев родился 16 декабря 1897 года. Бронзовый бюст дважды Герою, маршалу Советского Союза установлен в деревне Лодейно Подосиновского района Кировской области. Однако очень многие вологжане считали и продолжают считать его своим земляком, несмотря на ныне существующее административно-территориальное деление, по которому часть бывшего Никольского уезда отошла к соседней Кировской области.

Жизненный путь прославленного полководца действительно тесно связан с Вологодским краем. Это и босоное детство, и годы революционных потрясений, и братоубийственная гражданская война. И впоследствии, будучи прославленным военачальником, Иван Степанович всегда помнил о своих корнях. В мемуарах маршала, опубликованных в 1972 году, читаем: «Я был унтер-офицером царской армии, когда свершилась революция. После демобилизации из царской армии в декабре 1917 года вернулся в свое родное село Лодейно Вологодской губернии. Никольский уезд был очень плохой, связь плохая, и ни одного шоссе, ни одной порядочной дороги. Страшное захолустье... 1918 год – это необыкновенный год в жизни молодого Советского государства, в жизни партии большевиков. В то время я был назначен военным комиссаром Никольского уезда»⁵⁵.

Когда молодая республика Советов оказалась в огненном кольце, молодой военком всей душой рвется на фронт, неоднократно ставит перед уездным комитетом партии этот вопрос. Наконец, лично обращается к военному комиссару Ярославского военного округа М.В. Фрунзе, просит послать его на борьбу с Колчаком. И получает положительный ответ. 18 июня 1919 года в местной газете «Плуг и молот» появилось сообщение: «14 июня из гор. Никольска отправился добровольцем на фронт один из лучших, честный и всей душой преданный делу революции организатор ячейки коммунистов, уездвоенком, дорогой И.С. Конев»⁵⁶.

Вологодские историки-краеведы написали о Коневе десятки очерков и статей. Однако все они прославляли героическое прошлое советского военачальника. И в первую очередь его заслуги в годы гражданской и Великой Отечественной войн. О том, что путь советского военачальника на вершину заслуженной славы был усыпан не только розами, но и шипами писать было не принято. А уж о том, что довелось испытать Ивану Степановичу в страшном для всего народа 1941 году, некоторые исследователи и сегодня предпочитают умалчивать. Каким-то чудом избежав сталинских лагерей и тюрем в конце

тридцатых, он встретил Великую Отечественную войну на посту командующего 19-й армией. А ведь ранее Конев занимал куда более высокие посты в армейской иерархии, в частности, командовал войсками Забайкальского и Северо-Кавказского военных округов. Прибывший в распоряжение Ивана Степановича, но до этого уже побывавший в лагерях Колымского архипелага, генерал А.В. Горбатов с недоумением замечал: «Командиры, которые командовали полками в 1936–1937 годах, теперь командуют армиями; кто командовал в то время дивизией, ныне даже командуют фронтами»⁵⁷. Что ж, у Сталина на самом деле не было в те дни полного доверия к бывшему царскому офицеру Ивану Коневу. К тому же, уже тогда у органов НКВД имелся на Ивана Степановича компрометирующий материал.

Как уже говорилось, в результате необоснованных массовых репрессий 1937–1938 годов Красной Армии был нанесен огромный ущерб. Жертвами сталинского произвола стали три маршала из пяти, два командарма 1-го ранга из четырех, двенадцать командармов 2-го ранга из двенадцати, шестьдесят комкоров из шестидесяти семи⁵⁸. С учетом расстрелянных, оказавшихся в лагерях ГУЛАГа, отстраненных от должности по политическим мотивам, Красная Армия не досчиталась на начало войны с фашистской Германией около 40 тысяч командиров высшего, среднего и младшего начальствующего состава. Гитлер торжествовал, резонно полагая, что с обезглавленной армией справиться будет не так уж сложно. Накануне войны кровавая вакханалия, кажется, пошла на убыль. Однако фашистское нападение на СССР, повлекшее за собой отступление, порой переходившее в паническое бегство и стоившее советскому народу громадных жертв, привело к новому витку репрессий среди командного состава Красной Армии.

В первые дни войны войска 19-й армии, которой командовал Конев, оказались в районе Витебска. На фоне сводок информбюро, возвещавших об очередном отходе советских войск, вдруг обнадеживающе прозвучало: «Войска генерала Конева под Ярцевым отбили атаки танковых дивизий немецко-фашистских захватчиков»⁵⁹. 1 июля 1941 года 19-я армия была передана Западному фронту, который теперь возглавлял маршал С.К. Тимошенко, а помогал ему небезызвестный политработник Л.З. Мехлис. 6 июля Военный совет Западного фронта телеграфировал Сталину: «Установлена преступная деятельность ряда должностных лиц, в результате чего фронт потерпел тяжелое поражение»⁶⁰. Прошло всего несколько часов, и была получена ответная телеграмма, в которой говорилось, что Государственный Комитет Обороны не возражает против произведенных арестов начальствующего состава, наоборот, «приветствует эти мероприятия»⁶¹. Сгущаются в эти дни тучи и над Иваном Степановичем. 16 июля 1941 года начальник контрразведки наркомата обороны

майор госбезопасности А.Н. Михеев по требованию секретаря и одновременно начальника управления кадров ЦК ВКП(б) Георгия Маленкова извлекает из архивов своего ведомства «Справку на командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенанта Конева Ивана Степановича». Опуская короткие биографические данные на уроженца Вологодской губернии, привожу этот документ целиком:

«По имеющимся официальным материалам, Конев И.С. характеризуется как активный защитник и покровитель врагов народа. Например, будучи командиром 57 особого корпуса в Монголии до 1939 года, Конев всеми мерами противодействовал привлечению к партответственности и аресту бывшего командира 7-й ММБ (мотомехбригады) Ермолина, бывшего младшего лейтенанта Ильина, бывшего начальника штаба механизированного полка Потапова, бывшего командира 106-го стрелкового полка Квашина, бывшего начарта 38-й стрелковой дивизии фронта и других, которые все же были арестованы и разоблачены как участники контрреволюционного заговора, троцкисты и шпионы (начарт 38-й стрелковой дивизии фронта прямо-таки при прямом попустительстве Конева бежал на машине дивизии из МНР в Маньчжурию).

Конев старался выдвигать и представлял к наградам и орденам впоследствии арестованных и разоблаченных органами НКВД врагов народа: бывшего начальника службы горючего Сяри, начальника штаба корпуса Ермолаева, помощника начальника 4-го отделения штаба корпуса Курбатова, командира 150-й авиабригады Маслова и других.

Находясь в МНР в должности командира особого корпуса, Конев в 1937–1938 годах руководил военно-строительным отделом корпуса. Инженерно-технический персонал (начальник строительства, главный инженер Скопцов и др.) квалифицируют это руководство как явно вредительское. Например, на утверждение правительству и НКО были представлены явно заниженные планы заявок на стройматериалы, подлежащие вывозу из СССР

Конев не дал прямых установок на составление генеральных планов строительства военных городков, вследствие чего планы и проекты неоднократно пересоставлялись, чем затягивалось строительство.

Несмотря на возражение инженерно-технического персонала о нецелесообразности строить в Сайн-Шайнде дома и казармы с углублением карнизов для мотодивизий, Конев все же дал приказание строить в котлованах дома. Мотивировал это соображениями маскировки, в то время как углубление домов до карнизов не улучшило маскировку военного городка, а на фоне песка крыши домов демаскировали городок. Конев не принимал активного участия в борьбе с ликвидацией последствий вредительства.

Конев в автобиографии скрывает, что его отец кулак, что его родной дядя Конев Ф.И. являлся долгое время урядником, издевался над крестьянами, был в 1929 году арестован органами НКВД, при аресте пытался покончить жизнь самоубийством»⁶².

Этот сфабрикованный в недрах НКВД документ не зря появился в разгар отступления советских войск. Требовались все новые и новые жертвы, на которых можно было бы свалить вину за трагически развивающиеся события. И генерал-лейтенант Конев находился буквально на волоске от ареста и скорой расправы. Но, видимо, понимая, что одними расстрелами дело на фронтах не поправишь, Сталин и его ближайшее окружение время от времени сдерживали маховик репрессий. Ход справки начальника контрразведки наркомата обороны А.Н. Михеева дан не был. Более того, 11 сентября 1941 г. директивой ставки Верховного Главнокомандования за № 001866 И.С. Конев был назначен командующим Западным фронтом⁶³. Ставка тут же потребовала от него, с одной стороны, «прочно закопаться в землю», с другой – «создать мощную маневренную группу для наступления в будущем»⁶⁴. Такой приказ, предполагавший ответное наступление, хотя и был выполнен, по большому счету оказался преждевременным. Тем более что разведка вскоре донесла о подготовке немцами крупного наступления на Москву. 27 сентября 1941 года из той же Ставки ВГК приходит приказ за № 002373, в котором говорилось: «Как выявилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям... На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне»⁶⁵. Выполняя приказ, Конев предпринимает ряд оперативных мер: предупреждает всех командующих армий о том, что в ближайшие дни следует ждать перехода немцев в наступление крупными силами; усиливает разведку, противотанковую и противовоздушную оборону; распоряжается установить минные поля; требует повысить бдительность. Однако, даже приняв решение о переходе войск к жесткой обороне, тот же Сталин всячески поощряет частные наступательные операции, которые, увы, приводили к немалым потерям. Сорвать в те дни затеянную германским командованием наступательную операцию «Тайфун», не удалось. Вновь идет поиск виновников, и 10 октября 1941 года Конева на посту командующего Западным фронтом сменяет генерал армии Г.К. Жуков. При этом Сталин высказывает намерение предать Ивана Степановича суду военного трибунала. Выручает Георгий Константинович, который настоял на том, чтобы Конев стал его заместителем. Верховному Главнокомандующему Жуков со свойственной ему прямоотой заявил, что людей, имеющих боевой опыт, надо беречь⁶⁶.

В дальнейшем на пути к маршальской звезде Иван Степанович Конев еще не раз испытал на себе и немилость Сталина, и зависть его приближенных, чреватые печальными последствиями. Будучи во второй половине октября 1941 года назначенным командующим Калининским фронтом, он 1 декабря получил приказ нанести массированный удар по противнику. Конев хорошо понимал, что наступать и выйти в тыл мощной группировке врага в сложившихся условиях не сможет, и честно доложил об этом в Ставку, чем вызвал очередную вспышку гнева Сталина в свой адрес...

Между тем война продолжалась. Были новые бои, новые назначения. Замечательной страницей в военной биографии Ивана Степановича навсегда останется форсирование Днепра, Южного Буга, Днестра, штурм Берлина, освобождение Праги. Будет и другой эпизод, когда командующий 1-м Украинским фронтом И.С. Конев и командующий 1-м Белорусским фронтом Г.К. Жуков соперничали при решении вопроса о том, кто же все-таки будет первым штурмовать столицу фашистской Германии.

После разгрома фашистской Германии маршал Конев был главнокомандующим Центральной групп войск и Верховным комиссаром по Австрии, Главнокомандующим сухопутными войсками и заместителем министра Вооруженных Сил СССР. Однако, даже занимая столь высокие посты, Иван Степанович в автобиографии, датированной 31 октября 1947 года, умалчивает о некоторых фактах из жизни своих близких, в частности, ни слова не говорит об уже упоминавшемся родном дяде Ф.И. Коневе, арестованном в конце двадцатых годов. И пишет: «Репрессированных Советской властью родственников нет»⁶⁷.

В 1956 году Конев становится 1-м заместителем министра обороны, в 1961–1962 годах – главнокомандующим Группой советских войск в Германии. Член ЦК КПСС, депутат Верховного совета СССР Конев, помимо двух звезд Героя Советского Союза, был награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом «Победа», многими другими орденами. Не один год он являлся председателем Всесоюзного штаба походов по местам боевой славы, проводил большую работу по патриотическому воспитанию молодежи. Не порывал связь с родными местами. В своем обращении к комсомольцам Вологодской области в октябре 1958 года он, в частности, писал о том, о чем сегодня хотелось бы напомнить подрастающему поколению: «Ваша счастливая юность завоевана в тяжелой борьбе ваших отцов, матерей и братьев»⁶⁸.

Иван Степанович Конев скончался в Москве 21 мая 1973 года и был похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. Умер маршал, находясь в зените своей славы.

«ОТ СЛУЖБЫ ВО ФЛОТЕ Я ОТСТРАНЕН, НО ОТСТРАНИТЬ МЕНЯ ОТ СЛУЖБЫ ФЛОТУ – НЕВОЗМОЖНО»

Архангелогородцы считают его своим земляком, вологжане – своим. Действительно, деревня Медведки, в которой родился Николай Герасимович Кузнецов, входила на момент его рождения (24 июля 1904 года) в состав Вологодской губернии. В ныне принятых территориальных границах малая родина выдающегося флотоводца – Котласский район Архангельской области. О детских и юношеских годах Николая Герасимовича можно прочесть в его воспоминаниях. В предлагаемой вниманию читателя статье будет сказано о менее известных страницах биографии этого человека.

С 23 августа 1936 по 15 июля 1937 года Н.Г. Кузнецов был военно-морским атташе при полпредстве СССР в Испании. Одновременно на него была возложена еще одна миссия секретного характера. Николай Герасимович являлся главным морским советником и руководителем советских моряков-добровольцев в Испанской республике. Это он проводил боевые операции республиканского флота против сил мятежников, осуществлял взаимодействие флота с сухопутными войсками и авиацией, обеспечивал прибытие транспортов из СССР и их прием военно-морской базой флота республики в Картахене, других портах выгрузки. В Испании он имел кличку «Лепанто»⁶⁹. При его непосредственном руководстве в Испанию из СССР были доставлены 806 самолетов, 362 танка, 1555 орудий, 500 тысяч гранат и другого боезапаса⁷⁰. За умелое руководство флотом во время национально-революционной войны в Испании его в 1937 году наградили орденами Ленина и Боевого Красного Знамени.

В 1938 году Николай Герасимович – один из руководителей боевых действий в районе озера Хасан, с 9 января он командует Тихоокеанским флотом. 28 апреля 1939 года в возрасте 34 лет Кузнецов стал наркомом ВМФ. Молодой нарком понимал, что в определенной мере быстрому служебному росту таких, как он, способствовало уничтожение командных кадров в армии и на флоте. Однако от назначений в те времена отказываться было не принято. Кроме того, Николай Герасимович был профессионалом и отлично понимал, к чему может привести некомпетентность таких руководителей флота, как политработник П.А. Смирнов и сотрудник НКВД Н.Н. Фриновский.

Во второй половине тридцатых годов было арестовано почти все руководство Военно-Морского флота. Всеобщее уважение среди моряков Николай Герасимович завоевал тем, что в разгар репрессий умел постоять за своих подчиненных, спасти их от верной гибели. Только благодаря его вмешательству был, к примеру, освобожден из лагеря командир 5-й бригады Тихоокеанского

флота Г.Н. Холостяков – впоследствии вице-адмирал.

Во время советско-финляндской войны (30 ноября 1939 года – 13 марта 1940 года) Николай Герасимович разрабатывал операции Карельской базы флота и Северного флота, используя накопленный боевой опыт в Испании. И вполне успешно. К молодому наркому в те дни у Сталина, в отличие от сухопутного начальства, претензий не было. В июне 1940 года ему было присвоено звание адмирала. Впрочем, сам Николай Герасимович о «зимней войне» говорил неохотно: «Опыт финской войны впрок не пошел»⁷¹.

Когда до начала Великой Отечественной войны оставались считанные часы, Н.Г. Кузнецов на свой страх и риск, не дожидаясь команды из Кремля, объявил на флоте боевую готовность номер 1. Это позволило предотвратить внезапное нападение ВВС нацистской Германии на главные базы флотов Советского Союза. В начале августа 1941 года, когда наши войска оставляли один город за другим, миру требовалось доказать, что заявления руководителей Третьего рейха о полном разгроме Красной Армии явно преждевременны. Именно в эти дни уроженец Кирилловского района Вологодской области командир авиаполка Балтийского флота Е.Н. Преображенский и его боевые товарищи повели свои самолеты в глубокий тыл противника, чтобы сбросить бомбы на фашистскую столицу. Поставленная задача была успешно выполнена, и летчики без потерь вернулись на базу. Одним из разработчиков этой дерзкой операции был Н.Г. Кузнецов⁷².

Нарком ВМФ проявил высокие организаторские способности при обороне Ленинграда, Севастополя, Одессы, проведении Керченско-Феодосийской, Новороссийской и других десантных операций. Взлелеянная им морская пехота (немецкие солдаты называли ее «черная смерть») вступала с гитлеровцами в бой на самых трудных и ответственных участках советско-германского фронта. Николай Герасимович отвечал за обеспечение безопасности переходов арктических конвоев союзников, которые шли к нашим северным берегам в рамках соглашения по ленд-лизу.

В феврале 1945 года герой очерка стал членом Ставки Верховного Главнокомандования. Это было несколько запоздалое признание роли флота в войне с фашистской Германией. В феврале и августе 1945 года мы видим наркома ВМФ в качестве дипломата на Ялтинской и Потсдамской конференциях руководителей трех союзных государств. Кстати, Николай Герасимович за свою жизнь выучил четыре иностранных языка, неплохо говорил по-испански.

Во время войны с Японией Н.Г. Кузнецов лично координировал боевые действия Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии с сухопутными войсками при проведении Маньчжурской стратегической, Южно-Сахалинской наступательной и Курильской десантной операций. Однако лишь 14 сентября 1945 года

наркому ВМФ, в отличие от многих командующих сухопутными войсками, было присвоено звание Героя Советского Союза.

После войны Николай Герасимович несколько раз побывал в опале. Расхождения со Сталиным относительно программы строительства флота, глубокие разногласия с тогдашним министром обороны Н.А. Булганиным по вопросу разграничения полномочий между руководителями армии и флота в конечном итоге вылились в нечто большее. В конце 1947 года было сфабриковано так называемое «адмиральское дело». По обвинению в передаче англичанам в годы войны секретной документации на парашютную торпеду к «суду чести» были привлечены руководители Главного морского штаба В.А. Алафузов, Г.А. Степанов, заместитель Главкома ВМФ Л.М. Галлер, Главнокомандующий ВМС Н.Г. Кузнецов. Этим, однако, дело не ограничилось. В феврале 1948 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Алафузова и Степанова к десяти, Галлера (он умрет в тюрьме) – к четырем годам лишения свободы. Что касается адмирала флота Кузнецова, то он был понижен в воинском звании до контр-адмирала и отправлен в Хабаровск в качестве заместителя Главкома по военно-морским силам на Дальнем Востоке⁷³.

В июне 1951 года Николая Герасимовича Кузнецова, который к тому времени стал Главкомом ВМС на Дальнем Востоке, вызвали в Москву. С подачи И.В. Сталина он вновь становится первым лицом на флоте: вступает в должность Военно-морского министра СССР и восстанавливается в прежнем воинском звании. А 11 мая 1953 года, вскоре после кончины вождя, приговор Военной коллегии Верховного суда от 3 февраля 1948 года был отменен.

Взгляды нового руководства страны на программу развития флота после смерти Сталина не претерпели принципиальных изменений. С появлением ядерного оружия тенденция принижения роли флота в возможной будущей войне становится очевидной. Министр обороны Г.К. Жуков, увы, также отводил флоту второстепенную роль. На этой почве отношения между этими двумя талантливейшими людьми не сложились. Предлог для снятия строптивного главкома ВМФ вскоре нашелся. 29 октября 1955 года в Севастополе подорвался и затонул линкор «Новороссийск», погибло много людей. И хотя за безопасную стоянку кораблей в Севастополе должен был бы отвечать в первую очередь командующий Черноморским флотом Н.М. Кулаков, а не перенесший инфаркт и серьезно болевший в это время Кузнецов, виновником трагедии был назван именно он. К этому времени, как пишет Н.Г. Кузнецов, «наши отношения с Г.К. Жуковым стали поистине драматическими... В грубой, присущей ему форме министр объявил, что я снят с должности, понижен в звании до вице-адмирала»⁷⁴.

Так или иначе, но, находясь на посту Главкома ВМФ, Николай Герасимович успел внедрить на флоте ракетное оружие. При нем же было начато создание первой в СССР атомной подводной лодки. После ухода в отставку начинается новый период в жизни Н.Г. Кузнецова. Об этом времени он скажет: «От службы во флоте я отстранен, но отстранить меня от службы флоту – невозможно». Он становится автором книг «На далеком меридиане», «Накануне», «На флотах боевая тревога», «Курсом к победе», «Крутые повороты». Последняя увидела свет почти через двадцать лет после его кончины. Одновременно отставной адмирал пишет научные статьи по военно-морской проблематике, переводит на русский язык работы зарубежных авторов по вопросам развития флота. Скончался Н.Г. Кузнецов 6 декабря 1974 года. Похоронили его в Москве на Новодевичьем кладбище.

Лишь в июле 1988 года Николай Герасимович был посмертно восстановлен в прежнем воинском звании адмирала Флота Советского Союза. Его имя стали носить Военно-Морская академия и тяжелый авианесущий крейсер. В 2004 году в Архангельске прошли общероссийские научные чтения «Флот и Победа», посвященные 100-летию со дня рождения Н.Г. Кузнецова. Вологодскую область на этом форуме представлял родственник Николая Герасимовича – Кузнецов Александр Николаевич – председатель Совета ветеранов города Красавино Великоустюгского района Вологодской области. В дни работы форума состоялось открытие музейной выставки «Служу флоту и Родине», на которой были представлены уникальные материалы, рассказывающие о жизненном пути Н.Г. Кузнецова и его вкладе в строительство флота.

Примечания

¹ Цит. по: Печенкин А.А. 1937 год: Сталин и Военный Совет // Отечественная история. – 2003. – № 1. – С. 38.

² Там же.

³ Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 4. – С. 57.

⁴ Красный Север. – 1937. – 12 июня.

⁵ Канун и начало войны: Документы и материалы. – Л., 1991. – С. 290.

⁶ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Книга для учителя. – М., 2002. – С. 158.

⁷ Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг.: Репрессии и обновление. – М., 2003. – С. 129.

⁸ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 166.

- ⁹ Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. – М., 1997. – С. 9.
- ¹⁰ Сувениров О.Ф. Трагедия первых командармов // Отечественная история. – 1996. – № 4. – С. 174.
- ¹¹ Печенкин А.А. 1937 год: Сталин и Военный совет. – С. 49.
- ¹² Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. – М., 1989. – Кн. 1. – Ч. 2. – С. 49.
- ¹³ Якупов М.Н. Трагедия полководцев. – М., 1992. – С. 266.
- ¹⁴ Там же. – С. 24.
- ¹⁵ Степанов А.С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 2. – С. 75.
- ¹⁶ Сувениров О.Ф. Трагедия первых командармов. – С. 175.
- ¹⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1990. – Т. 1. – С. 229.
- ¹⁸ Востребованный компромат на Г.М. Штерна // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 3. – С. 19–20.
- ¹⁹ Степанов А.С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. – С. 75.
- ²⁰ Печенкин А.А. 1937 год: Сталин и Военный Совет. – С. 47.
- ²¹ Сувениров О.Ф. Трагедия первых командармов. – С. 26.
- ²² Мусьяков П.И. Флагман Константин Душенов. – М., 1966. – С. 49.
- ²³ Вологжане – генералы и адмиралы. – Вологда, 1969. – Ч. 1. – С. 92.
- ²⁴ Рыков С.С. В мае 1938-го // Морской сборник. – 1991. – № 12. – С. 76–78.
- Высокую оценку дает К.И. Душенову в своей книге «Записки адмирала», вышедшей в 1991 году, В.И. Платонов. Однако тот же С.С. Рыков, арестованный по делу командующего Северным флотом и пробывший в лагерях ГУЛАГа почти 20 лет, пишет, что начальник боевой подготовки Василий Иванович Платонов весьма нелестно отзывался о работе Душенова: «Флот вообще небоеспособен, так как занимался только самодеятельностью и очисткой катков».
- ²⁵ Печенкин А.А. 1937 год: Сталин и Военный Совет. – С. 43.
- ²⁶ Рыков С.С. В мае 1938-го. – С. 80–81.
- ²⁷ Книга Памяти жертв политических репрессий. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской области. – Мурманск, 1997. – С. 98. Душенова Адель Карповна 1898 г.р., полька по национальности, была арестована 25 мая 1938 года. Обвинялась в подрыве государственной собственности и участии в антисоветской организации. Особым отделом НКВД Северного флота дело прекращено 13 марта 1940 года.
- ²⁸ Якупов Н.М. Трагедия полководцев. – С. 317.
- ²⁹ Степанов А.С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. – С. 29.
- ³⁰ Там же. – С. 29–30.
- ³¹ Мусьяков П.И. Флагман Константин Душенов. – С. 126.
- ³² Путь борьбы и созидания: Хроника Вологодской организации КПСС. – Архангельск, 1984. – Кн. 1. – С. 130.

- ³³ Вологжане – генералы и адмиралы. – С. 55.
- ³⁴ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. – М., 1992. – С. 292–293.
- ³⁵ Степанов А.С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. – № 5. – С. 61.
- ³⁶ Там же. – 1995. – № 5. – С. 59.
- ³⁷ Якупов Н.М. Трагедия полководцев. – С. 32.
- ³⁸ Степанов А.С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. – 1993. – № 3. – С. 25–26.
- ³⁹ Заика Л.М. Дело прокурора Сулова // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 12. – С. 66–67.
- ⁴⁰ Там же. – С. 65.
- ⁴¹ Заика Л.М. Дело прокурора Сулова // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 8. – С. 71.
- ⁴² Там же. – С. 67.
- ⁴³ Там же. – 1989. – № 12. – С. 69–70.
- ⁴⁴ Степанов А.С. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы. – 1993. – № 3. – С. 26; Корольченко А. Ф. Выбитый генералитет: Историческое повествование. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 267–268.
- ⁴⁵ Заика Л.М. Дело прокурора Сулова. – № 12. – С. 65–66.
- ⁴⁶ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 140.
- ⁴⁷ Заика Л.М. Дело прокурора Сулова – С. 72.
- ⁴⁸ Вологжане – генералы и адмиралы. – С. 125.
- ⁴⁹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1987. – С. 125.
- ⁵⁰ Там же. – С. 418.
- ⁵¹ Корольченко А.Ф. Выбитый генералитет. – С. 91–98.
- ⁵² Попов Ю. «Я боролся не за такую партию» // Русский Север. – 1998. – 3 февраля.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Конев И.С. Записки командующего фронтом. – М., 1991. – С. 522–523.
- ⁵⁶ Вологжане – генералы и адмиралы – С. 6.
- ⁵⁷ Горбатов А.В. Годы и войны: Военные мемуары. – М., 1991. – С. 213–214.
- ⁵⁸ Военно-исторический журнал. – 1988. – № 10. – С. 22.
- ⁵⁹ Вологжане – Герои Советского Союза. – Вологда, 1959. – С. 13.
- ⁶⁰ Великая Отечественная война: 1941–1945 гг. Книга первая: Суровые испытания. – М., 1995. – С. 111.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Щаденко, Запорожец, Кирпонос, Ковалев, Конев – заговорщики?.. // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 2. – С. 9–10.
- ⁶³ Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. – М., 1996. – Т. 16. – С. 175.
- ⁶⁴ Великая Отечественная война: 1941–1945. – С. 166.
- ⁶⁵ Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК. – С. 208.

- ⁶⁶ Полководцы: Сборник. – М., 1995. – С. 311.
- ⁶⁷ Эпоха в автобиографиях. Иван Степанович Конев // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 2. – С. 20.
- ⁶⁸ Вологжане – Герои Советского Союза. – С. 16.
- ⁶⁹ Репневский А.В. На посту главного военно-морского советника флота испанской республики (1936–1937 гг.) // Флот и победа: Общероссийские общественно-научные чтения. – Архангельск, 2004. – С. 53–57.
- ⁷⁰ Солидарность народов с Испанской республикой. 1936–1939. – М., 1972. – С. 255.
- ⁷¹ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала // Военно-исторический журнал. – 1993. – № 3. – С. 57.
- ⁷² Вологжане – Герои Советского Союза. – С. 225–232.
- ⁷³ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 166–167.
- ⁷⁴ Кузнецов Н.Г. «Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими...» // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 1. – С. 79, 81.

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА И ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРАКТИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в содержание карательной политики Советского государства. Продолжается дальнейшее ужесточение мер уголовного наказания, принимаются законы, устанавливающие новые виды уголовной ответственности. Уже 22 июня 1941 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». Руководствуясь этим документом, трибуналы были обязаны беспощадно карать контрреволюционные элементы и изменников Родины не только из числа военнослужащих, но и гражданских лиц. Одновременно «Положение» предусматривало реорганизацию линейных судов железнодорожного и водного транспорта в военные трибуналы.

6 июля 1941 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», по которому виновные в таких деяниях приговаривались к лишению свободы на срок от двух до пяти лет. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности предусмотрел меру наказания, применимую к армейским дезертирам, а именно: от 5 до 8 лет тюремного заключения¹.

В экстремальных условиях военного времени внесудебная практика привлечения граждан к уголовной ответственности стала нормой. 15 ноября 1941 года Сталин принял предложение наркома внутренних дел предоставить Особому совещанию право выносить по делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления «соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого совещания считать окончательным»².

22 июня 1941 года Вологодская область Указом Президиума Верховного Совета СССР была объявлена на военном положении. В постановлении Военного Совета Архангельского военного округа от 24 июня 1941 года за № 27, в частности, говорилось: «Лица, нарушающие установленные правила торговли, занимающиеся спекуляцией, скупкой промтоваров и продуктов в целях создания запасов, а также лица, замеченные в хулиганстве, хищениях, кражах, распространяющие панические и провокационные слухи, уклоняющиеся

от выполнения оборонных заданий, отвечают как за тяжчайшее преступление с рассмотрением дел военными трибуналами по законам военного времени»³.

С ноября 1941 года приступил к работе Военный трибунал при Вологодском комитете обороны. Соответствующий фонд (Р-2653) Государственного архива Вологодской области содержит 395 уголовных дел. По многим из этих дел проходят жители области, уклонявшиеся от оборонных работ и мобилизации на лесозаготовки. Судили их обычно за особо опасные преступления против порядка управления по ст. 59-4, 59-5, 59-6 УК РСФСР, предусматривающим строгую кару за уклонение от призыва на военную службу, отказ от внесения налогов и выполнения трудовых повинностей в военное время.

Покинул в декабре 1941 года оборонные работы Михаил Иванович Красиков, уроженец деревни Кисловка Житьевского сельсовета Сямженского района. В обвинительном заключении от 6 января 1942 года по делу 6/44, в частности, говорится: «Будучи привлеченным и допрошенным в качестве обвиняемого, Красиков виновным себя не признал и пояснил, что работу бросил ввиду плохой обуви». На судебном заседании Михаил Иванович продолжал отстаивать свою невиновность, обратил внимание судей на то обстоятельство, что задержали его в тот момент, когда он возвращался на оборонные работы в Кубено-Озерский район. Приговор Военного трибунала при Вологодском комитете обороны (предоставление обвиняемому защитника процедура судебного заседания не предусматривала) был суров: «Пять лет лишения свободы без конфискации имущества ввиду отсутствия такового»⁴.

Другие граждане, мобилизованные на оборонные работы или лесозаготовки, уходили домой за теплой одеждой, за лишним куском хлеба. И их можно понять. Комиссар 7-го полевого строительства докладывал начальству о неудовлетворительном питании, жаловался, что люди страдают от холода, самовольно уходят в свои деревни, чтобы запастись на время работ самым необходимым. Разрешить официально отпускать «хотя бы одного рабочего за продуктами, одеждой, обувью для целой группы» – вот о чем просил комиссар вышестоящее руководство. Однако репрессивные меры по отношению к «несознательным гражданам» – дело более привычное и менее хлопотное, и «наверху» к здравому мнению не прислушались⁵.

В ряде случаев обвинительные заключения для Военного трибунала при Вологодском комитете обороны готовили малоквалифицированные народные следователи, не желавшие принимать во внимание все обстоятельства дела. 10 февраля 1943 года прокурор Вологодской области А.С. Ксенофонтов направил районным прокурорам по этому случаю специальное письмо. В нем говорилось: «Представляемые в Облпрокуратуру следственные дела лиц, уклоняющихся от мобилизации, особенно на лесозаготовки, свидетельствуют о том,

что ряд народных следователей расследуют дела неполно, необъективно, с обвинительным уклоном, не исследуя причин невыхода на лесозаготовки, чем нарушают ст. 111 и 112 УПК РСФСР»⁶.

В ноябре 1943 года областной прокурор направил районным прокурорам письмо, осуждавшее практику получения санкции на привлечение к уголовной ответственности по телеграфу и телефону председателей колхозов и иных должностных лиц. «Считая такое положение нетерпимым, – внушает своим подчиненным прокурор, – предупреждаю, что санкции на привлечение к уголовной ответственности должностных лиц по телеграфу и телефону без представления материалов даваться не будут... Все вменяемые в вину обстоятельства должны быть достаточно обоснованы, подтверждены соответствующими документальными данными, и по каждому из них должно быть взято подробное объяснение от лица, на которое испрашивается санкция»⁷.

Впрочем, такого рода критика в адрес народных следователей и районных прокуроров больше имела показательно-профилактический характер, нежели ставила цель искоренить грубейшие нарушения законности. В письме прокурора области четко прослеживается его зависимость от органов власти. Оказывается, санкцию на привлечение к уголовной ответственности должностного лица получить по телеграфу и телефону в принципе можно. Надо только своевременно представить в прокуратуру решение райисполкома по персональному делу обвиняемого⁸.

История Великой Отечественной войны знает не только примеры поразительного мужества и героизма, но и малодушия, предательства. Только за первые пять месяцев Великой Отечественной войны Особым отделом НКВД Ленинградского фронта и приданным ему подразделениям было задержано свыше 87 тысяч бойцов, оставивших передовую. Большинство дезертировавших бойцов вновь отправили на фронт, около 3,5 тысяч солдат и офицеров расстреляли перед строем⁹. Однако некоторым дезертирам удавалось проникнуть в тыл, в частности в прифронтовую Вологодскую область. Это были, прежде всего, солдаты, покинувшие боевые порядки войск Ленинградского и Волховского фронтов. Только за март 1942 года на железнодорожном вокзале в Вологде сотрудниками милиции среди пассажиров был выявлен 31 дезертир. А за период с 1 апреля по 1 июля 1942 года количество бежавших с фронта солдат, задержанных на различных станциях Северной железной дороги, составило 790 человек¹⁰. Чаще всего в основе дезертирства лежали прозаические мотивы: желание выжить, минутная слабость, суровый солдатский быт, рукоприкладство и моральная нечистоплотность некоторых командиров. Солдат и офицеров, которые бежали с передовой по идейным соображениям, было крайне мало.

Наряду с Военным трибуналом при Вологодском комитете обороны

работали Военный трибунал войск НКВД по Вологодской области, Военный трибунал гарнизона города Вологды, Военный трибунал Северной железной дороги. В 1941 году Военный трибунал войск НКВД рассматривал главным образом дела, предусматривающие уголовную ответственность за уклонение от призыва в РККА. Всего по области в ходе первой мобилизации из 57 414 военнослужаших запаса не прибыли на сборные пункты 1566 человек. Главной причиной несвоевременной явки призывников к месту отправки на фронт являлось пьянство. К примеру, партия мобилизованных из Кириллова прибыла на пароходе в Череповец в таком nepотребном виде, что об их погрузке в воинский эшелон нечего было и думать¹¹.

С 22 июня по 1 сентября 1941 года Военный трибунал войск НКВД по Вологодской области признал виновными в уклонении от мобилизации только 59 человек. К тому же, как явствует из докладной записки помощника прокурора Вологодской области Н.К. Жукова, из общего количества привлеченных к уголовной ответственности 24 человека осудили не за дезертирство, а за антисоветскую пропаганду и агитацию (ст. 58-10 УК РСФСР)¹². Ныне хорошо известно, что по этой печально известной статье были приговорены к длительным срокам наказания или расстрелу тысячи советских граждан. Даже те, кто якобы «клеветал», что в блокадном Ленинграде люди умирают с голоду. Поневоле задумаешься в справедливости смертного приговора по делу Василия Николаевича Верещагина, которого Военный трибунал войск НКВД по Вологодской области признал виновным «в контрреволюционной агитации, восхвалении фашистского строя Германии»¹³.

Столь же сомнительными представляются дела более 10 директоров МТС, осужденных в 1941 году по ст. 59-6 УК РСФСР за срыв поставок в действующую армию тракторов и машин. В число осужденных попали директор Уфтюгской МТС В.А. Соколов, Верховажской – А.И. Будихин, Бабушкинской – Е.С. Аверкиев, Сараевской (Кич-Городецкий район) – В.Ф. Пирогов. Вина последнего заключалась в том, что он «должен был поставить два трактора ЧТЗ и две автомашины». Однако вместо двух тракторов поставил один, который оказался непригодным к эксплуатации. Были забракованы и две поставленные автомашины. В результате Василий Федорович Пирогов был осужден на три года лишения свободы¹⁴. Только вряд ли Пирогов, как и остальные осужденные директора МТС, вдруг неожиданно превратился во «врага народа». Скорее всего, иной техники у них в МТС попросту не было, отдавали все, что могли. А если что и утаили, то не от хорошей жизни. Предвидели, судя по всему, что придется скоро деревенским бабам тащить за собой борону или соху вместо колхозных лошадок.

К концу 1941 года к руководству страны пришло осознание того факта, что мобилизационные ресурсы страны уже исчерпаны.

По этой причине получила определенное распространение практика отсрочки уголовного наказания и направления обвиняемого на фронт. Так, в марте 1942 года Военный трибунал войск НКВД по Вологодской области осудил гражданина Абрамовича Илью Лазеревича к 5 годам лишения свободы за уклонение от призыва в ряды Красной Армии. Однако 15 апреля 1942 года Военная коллегия Верховного суда СССР опротестовала вынесенный приговор, так мотивировав свое решение: «Считать нецелесообразным содержание в данный момент Абрамовича под стражей. Приговор в отношении его на основании примечания к ст. 28 УК РСФСР отсрочить исполнением до окончания военных действий, направив Абрамовича в действующую армию. Разъяснить Абрамовичу, что если он на фронте проявит себя стойким защитником Родины, то по ходатайству командования он может быть освобожден от отбытия наказания»¹⁵.

Явно «шито белыми нитками» дело в отношении председателя колхоза им. 2-й пятилетки Пришекснинского района Яблокова Ивана Егоровича, приговоренного к 10 годам лишения свободы. Судила председателя выездная сессия Военного трибунала войск НКВД по Вологодской области. Дело слушалось в Череповце. Инкриминировали Ивану Егоровичу ст. 58-7 УК РСФСР (подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли и денежного обращения в интересах заинтересованных капиталистических организаций). Обвиняемый, как вытекает из содержания дела, нанес своему колхозу материальный ущерб на сумму 708 140 рублей. Размер ущерба «подсчитала» экспертная комиссия, которая при этом руководствовалась весьма неубедительными основаниями. После того, как обвиняемого в 1942 году назначили председателем колхоза, он стал якобы умышленно затягивать сроки обмолота пшеницы, своевременно не выдавал нарядов колхозникам на обработку льнотресты. В итоге значительная часть урожая погибла. Весной 1943 года Яблоков распорядился начать сев на 40 дней позднее установленного районными властями срока. Обвиняемый не заботился о колхозном скоте, по этой причине, в частности, погибла лошадь по кличке Бахвал¹⁶. Еще раз подчеркнув надуманность выдвинутых обвинений, зададимся резонным вопросом: в интересах каких все же «заинтересованных капиталистических организаций» действовал председатель колхоза, и на каком основании пришел к такому выводу суд?

Разумеется, списать все обрушившиеся на колхозников беды и несчастья легче всего на отъявленного «врага народа». А потому в обвинительном заключении фигурирует целый набор контрреволюционных деяний. Оказывается, еще в 1918 году Яблоков являлся участником кулацкого восстания. Призывал взяться за оружие крестьян деревни Посмурово, грозил поджогами

и убийствами не поддержавшим его односельчанам. Не за это ли они (позволим себе немного горькой иронии) избрали его председателем? Вспомнили Яблокову и то, что в 1935 году он ушел из колхоза на заработки в город, и, вернувшись через пару лет в родные края, «клеветал» на колхозный строй: «Вся деревня ходит босая и голодная». Наконец, отмечалось недостойное поведение Яблокова после нападения фашистской Германии на СССР. «Ярый контрреволюционер» восхвалял фашизм, клеветал на Советское правительство. В частности, утверждал, что никто не позаботился о населении блокадного Ленинграда, и по этой причине эвакуированные тысячами умирали в пути следования¹⁷. Надо ли говорить, что после таких приписываемых обвиняемому деяний и заявлений, его «вина» в несвоевременной уборке урожая и гибели лошади не должна была вызвать у судей каких-либо сомнений!

В 1944 году органы НКВД арестовали начальника планового отдела треста «Вологодлес» Селякова Феодосия Ивановича. В вину ему ставили вредительство, выразившееся в перерасходе плановых убытков, а также антисоветскую пропаганду. Последняя заключалась в том, что начальник планового отдела имел неосторожность в узком кругу друзей посетовать на запоздалое открытие второго фронта, плохое питание и невнимание властей к специалистам-производственникам. Под давлением следователя, пекшегося об ускорении дела, Феодосий Иванович свою вину частично признал, рассчитывая, что в суде даст правдивые показания и справедливость восторжествует. Однако Военный трибунал войск НКВД по Вологодской области 27 марта 1945 года приговорил его к лишению свободы сроком на 15 лет с поражением в правах. Наказание пришлось отбывать в исправительно-трудовом лагере в районе Воркуты¹⁸.

За освобождение своего мужа из мест лишения свободы его жена Елена Николаевна боролась до конца. Ездил к нему в лагерь, писала прошения министру внутренних дел, министру юстиции, главному военному прокурору, депутатам Верховного Совета СССР. Не дрогнула даже тогда, когда ее стали приглашать на беседы в «компетентные органы» и интересоваться, когда она прекратит поддерживать связь с «врагом народа». Эта удивительно щедрая на любовь и доброту женщина, увы, не дождалась Феодосия Ивановича, умершего от разрыва сердца в 1951 году. Однако вдова осталась верна своему избраннику, мысленно сверяла с ним все свои важные начинания, например, поступление в финансово-экономический институт. Жила и верила, что справедливость наконец-то восторжествует. Ждать пришлось долго, справка о реабилитации мужа была получена только в 1990 году. В бережно сохраненных Еленой Николаевной письмах (их более 150) – две человеческие судьбы и беззаветная верность друг другу. В них – все то, что тщетно пыталась растоптать

бездушная государственная машина с ее фальшивыми лозунгами всеобщего счастья и благоденствия¹⁹.

В общей сложности в годы Великой Отечественной войны Военный трибунал войск НКВД по Вологодской области рассмотрел более 300 дел, связанных с контрреволюционными преступлениями. Как правило, обвиняемые, проходившие по этим делам, были приговорены либо к расстрелу, либо – к длительным срокам лишения свободы. Среди тех, кому пришлось отбывать срок за измену родине, саботаж, шпионаж, антисоветскую пропаганду и агитацию, были член колхоза «Красный Октябрь» Чагодощенского района Великодворский Степан Васильевич, плотник Тарногского райисполкома Гребенщиков Александр Семенович, член колхоза «Дор» Вашкинского района Лукичев Павел Николаевич и многие-многие другие.

Справедливости ради укажем, что в трех случаях были вынесены постановления о прекращении уголовных дел за недоказанностью обвинения. Были оправданы В.С. Кондратьев и А.Г. Жуков, которым инкриминировалась ст. 58-1 «б» УК РСФСР (измена родине), а также обвиняемый по этой же статье и одновременно по ст. 58-10 УК РСФСР И.И. Шашко²⁰. Приговоренному к расстрелу за антисоветскую агитацию преподавателю русского языка и литературы Воскресенской школы Петриневского района Александру Григорьевичу Фролкову Президиум Верховного Совета СССР высшую меру наказания заменил 10 годами лишения свободы²¹.

Одной из наиболее многочисленных категорий дел, которые рассматривал Военный трибунал Северной железной дороги, были дела о дезертирстве. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений или их переход на другое место работы без разрешения администрации наказывался тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев. Однако на рабочих и служащих Северной железной дороги распространялось действие Указа от 26 декабря 1941 года, трактовавшее самовольный уход с работы как дезертирство. Напомню читателю, что за этот вид преступления предусматривалась ответственность более суровая – от 5 до 8 лет тюремного заключения. Из «Справки», подготовленной отделом кадров СЖД в период войны, следует, что в 1942 году предприятия этого транспортного ведомства самовольно покинули 317 человек, в 1943 году – 329 человек²². Вне всякого сомнения, все они (или почти все) прошли через суд Военного трибунала СЖД и получили предусмотренные Указом от 26.12.1941 года сроки наказания. Как свидетельствуют документы, при рассмотрении дел дезертиров трудового фронта в учет не принимались ни их прежние заслуги, ни семейное положение, ни состояние здоровья, ни уровень материального достатка.

Рассматривал Военный трибунал СЖД также дела, связанные с антисоветской пропагандой и агитацией. В них можно встретить такие, к примеру,

формулировки, как «выражал недоверие к сообщениям Информбюро», «клеветал о положении на фронте», «распространял провокационные слухи». Этого было достаточно, чтобы при смягчающих обстоятельствах осудить человека, как минимум, на три года, а при их отсутствии – приговорить к высшей мере наказания. Так, 15 октября 1941 года Военный трибунал СЖД приговорил к высшей мере наказания рабочего станции Череповец Афанасьева Андрея Варсонофьевича. В тот же день он был расстрелян. За эту же пресловутую антисоветскую пропаганду и агитацию были на длительные сроки осуждены рабочий депо станции Бабаево Воронин Федор Калистратович, рабочий завода ВПРВЗ Тепляков Николай Васильевич и некоторые другие работники железнодорожного транспорта.

Военный трибунал Вологодского гарнизона рассматривал в первую очередь дела о воинских и контрреволюционных преступлениях. 16 июля 1941 года за антисоветские высказывания был осужден на смертную казнь плотник Павел Иванович Наливахин – уроженец деревни Токарево Харовского района. Ровно через два месяца за пораженческие настроения приговорен к расстрелу Курилов Дмитрий Иванович – бухгалтер совхоза «Грибково» Вологодского района.

14 ноября 1941 года приговорен к высшей мере наказания уроженец Междуреченского района Малышев Василий Иванович – двадцатилетний мастер по ремонту гармоней.

Наконец, еще несколько граждан Вологодской области в годы Великой Отечественной войны предстало перед выездной коллегией Особого совещания НКВД СССР. Так, 24 октября 1942 года этим внесудебным органом по ч. 2 ст. 58-10 УК РСФСР был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества житель деревни Оботурово Никольского района Сергей Васильевич Куваев. Приговор был приведен в исполнение в тот же день. 24 апреля 1943 года выездной коллегией Особого совещания при НКВД за угрозы в адрес командира осужден на 5 лет лишения свободы (без ссылки на какую-либо статью УК РСФСР) красноармеец мотострелкового батальона 165-й отдельной бригады уроженец города Вологды Иванов Александр Иванович. Точно такой же срок получил командир взвода 295-го стрелкового полка 183 дивизии Майоров Павел Сергеевич – уроженец деревни Шалаево Череповецкого района. Он позволил себе усомниться в боеспособности Красной Армии. При этом восхвалял силу и мощь войск вермахта²³.

Как и в мирное время, в годы войны продолжали работать районные народные суды. Как правило, они рассматривали дела о воровстве, мелких хищениях, преступлениях, совершенных на бытовой почве. Уровень профессиональной компетенции районных судей оставлял желать много лучшего. Так, в спецсообщении начальника УНКВД Л.Ф. Галкина на имя первого секретаря Вологодского обкома партии от 26 июня 1942 года давалась информация о нарушении законности

народным судом Бабаевского района. Судья Грачев, как следует из документа, приговорил жену красноармейца Кортышева, на иждивении которой находится пятимесячный ребенок и мать-старуха, к одному году тюрьмы «за кражу кирпича». Однако кирпич был взят с «места преступления» бедствующей женщиной с устного разрешения председателя правления колхоза «Металлист»²⁴. В другом случае нарсуд Бабаевского района приговорил к одному году лишения свободы и отправил в тюрьму Морозову Марию Степановну. Вдова погибшего на фронте красноармейца, имеющая на руках грудного ребенка, безуспешно пыталась договориться о выделении ей дров. В итоге несколько кражей, принадлежащих леспромхозу, нуждающейся матерью были взяты самовольно.

В спецсообщении начальника областного управления НКВД приводится еще ряд фактов формального толкования закона и делается вывод: «Такая практика Народного Суда Бабаевского района вызывает возмущение населения и подрывает авторитет Советского суда. По вышеизложенным фактам просим принять соответствующие меры»²⁵.

Во второй половине 80-годов, на волне слишком торопливого переосмысления нашей истории, выработался стереотип оценивать работу ведомства Л.П. Берии в правовой сфере исключительно в негативных тонах. Вместе с тем, документов, в которых областное управление НКВД осуждает порочную судопроизводственную практику, наберется более десятка. Чем продиктовано появление этих документов? Стремлением восстановить попорченную справедливость, намерением хоть как-то ограничить произвол районных судей, либо здесь присутствуют какие-то иные мотивы? Как бы то ни было, но хорошо известно, что между НКВД, прокуратурой и судебными органами постоянно возникали трения и противоречия. «При этом, – как пишут в своей монографии В.Н. Кудрявцев и А.И. Трусов, – органы госбезопасности систематически обвиняли прокуроров и судей в мягкотелости по отношению к «врагам народа», а те их, в свою очередь, – в нарушениях законности»²⁶. В нашем случае, фактическая сторона дела выглядит с точностью до наоборот. Одним словом, с мотивами претензий «компетентных органов» к судебным работникам в части соблюдения уголовного и уголовно-процессуального законодательства еще предстоит разобраться.

В районных народных судах, как уже было сказано, чаще всего рассматривались дела о воровстве, растратах, хищениях. В третьем квартале 1941 года в Вологодской области эти суды рассмотрели 132 дела, в которых фигурировали названные преступления. Из них 31 было возбуждено против колхозников, 47 – против работников государственной торговли и 54 – против работников потребительской кооперации²⁷. На первый взгляд, в преступлениях,

связанных с посягательством на государственную и кооперативно-колхозную собственность, трудно усмотреть какой-либо политический подтекст. Однако не все так просто. Уголовный кодекс РСФСР не только давал возможность произвольно толковать содержащиеся в нем нормы, он постоянно дополнялся законами, которые объявляли обычные уголовные преступления политическими. Так, в нашем случае судьи руководствовались законом от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». А в преамбуле этого закона говорится, что «люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа»²⁸. Вывод напрашивался сам собой: «Пробравшихся в государственную торговлю, потребительскую кооперацию и колхозы вологодских «врагов народа» следует осудить по всей строгости закона».

Если возбуждение уголовного дела в отношении простого колхозника не встречало абсолютно никаких трудностей, то привлечь к ответственности чиновника из государственной торговли или потребительской кооперации, особенно если он являлся членом партии, было сложнее. Так, колхозник Макаров из Бабаевского района за покупку у военнослужащих краденого обмундирования без лишних проволочек был приговорен народным судом к трем годам лишения свободы. Обстоятельства, которые толкнули человека на этот шаг, суд во внимание, разумеется, не принял²⁹. А вот отправить в места лишения свободы зарвавшегося председателя Усть-Печенгского сельпо Тотемского района, секретаря первичной парторганизации Протопопова судебные власти явно не торопились. Между тем этот нечистый на руку чиновник выделенные эвакуированным ленинградцам на первый квартал 1942 года продукты частично присвоил себе, остальные распродал подчиненным. Перерасход фондов хлеба он умудрился покрыть за счет снижения на 100 граммов положенного эвакуированным хлебного пайка. Разумеется, оставшиеся без продуктов, получавшие и без того скромный хлебный паек (400 граммов) бывшие блокадники стали выражать открытое недовольство. О фактах расхищения продуктов начальником сельпо Протопоповым Тотемский районный отдел НКВД поставил в известность райком партии еще 25 февраля 1942 года. Прошло два месяца. И что же? 16 мая 1942 года в своем спецсообщении в адрес первых руководителей Вологодской области начальник управления НКВД Л.Ф. Галкин вынужден был написать: «Со стороны РК ВКП(б) до последнего времени никаких мер к Протопопову не принято»³⁰.

Одной из мер контроля Советского государства за настроениями граждан была порученная НКВД перлюстрация писем. В годы Великой Отечественной войны такая практика наблюдения за состоянием политического и морально-психологического климата в обществе приняла невиданные ранее масштабы, превратилась в механизм репрессивной политики. 6 июля 1941 было принято

постановление ГКО № 37сс «О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции». В постановлении, в частности, говорилось: «В целях пресечения разглашения государственных и военных тайн и недопущения распространения через почтово-телеграфную связь всякого рода антисоветских, провокационно-клеветнических и иных сообщений, направленных во вред государственных интересов Советского Союза, Государственный Комитет Обороны СССР постановляет: организовать стопроцентный просмотр писем и телеграмм, идущих из прифронтовой полосы, для чего разрешить НКГБ СССР соответственно увеличить штат политконтролеров... В областях, объявленных на военном положении, ввести военную цензуру на все входящие и исходящие почтово-телеграфные отправления»³¹.

В Вологодском областном НКГБ-НКВД в годы войны задачи, поставленные постановлением ГКО № 37сс, выполнял первоначально секретно-политический отдел, а позднее – специальный отдел под литерой «В». Не реже одного раза в месяц в адрес первого секретаря обкома ВКП(б) и председателя облисполкома поступали спецсообщения о настроениях жителей городов и районов области. Эти послания в адрес первых руководителей области включали в себя выдержки из писем, которые, по мнению сотрудников НКВД, дискредитировали власть. Подписывали документ, как правило, два человека – начальник областного управления НКВД и начальник отдела «В». Некоторые из посланий, адресованные в Кремль, в центральную прессу, мужу на фронт, сразу же изымались, поскольку либо возводили «клевету на местное руководство», либо подрывали моральный дух фронтовика. Наконец, подлежали изъятию письма, разглашающие военную тайну, или антисоветское содержание которых, могло стать и становилось основанием для возбуждения уголовного дела.

В годы Великой Отечественной войны не было, пожалуй, ни одной семьи, которая бы не жаловалась на бытовые трудности. Большая часть взятой на заметку органами НКВД корреспонденции касалась тяжелого материального положения населения, испытывавшего хроническую нехватку продуктов питания, одежды, обуви. Однако из этих писем в разряд «крамольных» попадали только те, в которых «компетентные органы» усматривали хотя бы малейший упрек в адрес властных структур. Вот что писала, к примеру, жительница поселка Кадуй В.А. Фролова: «Не знаю Геша, как буду жить. Денег нет, хлеба купить не на что. Хлеб дорогой – 1000 рублей пуд. Паек получаем на день всего 500 граммов. Я очень ослабла, я все отдаю ребятам. Помощи нет, в райсобесе только один раз дали полпуда муки, больше не давали...»³²

Как правило, сотрудники отдела «В» в своих спецсообщениях заостряли внимание первых руководителей области на какой-то одной, наиболее злободневной на текущий момент проблеме. Ею могли быть участившиеся

жалобы на голод жителей одного или нескольких районов, положение эвакуированных ленинградцев или инвалидов войны, противоправное или недостойное поведение руководящих работников районного масштаба, председателей колхозов, секретарей сельсоветов. Вот, к примеру, как начиналось спецсообщение отдела «В» УНКГБ Вологодской области от 16 июня 1944 года: «Увеличилось количество жалоб инвалидов Отечественной войны и их семей на продовольственные и материально-бытовые условия жизни, а также на бюрократическое отношение отдельных представителей местных органов власти к их нуждам и запросам»³³. Далее приводились выдержки из писем бывших фронтовиков. Так, в одной из них говорилось следующее: «Прошу редакцию газеты «Правда» помочь мне, брошенному живому человеку, наладить условия жизни. Я питанием не обеспечен, райсобез мне не оказывает никакой жизненной поддержки... Председатель РИКа Белов – волокитчик, меня травят и замедляют помощь, чтобы я не имел сил жить. Инвалид 1 группы Гурьев. 1.6.1944»³⁴.

Вполне могло попасть в разряд «антисоветских» письмо Барановой Нины, эвакуированной из блокадного Ленинграда и определенной на жительство в деревню Запрудное Грязовецкого района: «Скорее бы конец, ничего на свете не мило, жить не хочется. Нам, эвакуированным, не дают пайки, считают нас хуже собак. А ведь мы красноармейская семья, а отняли последний кусок хлеба. Правды не найти – область ссылается на район, район на сельсовет, а тут с тобой и не разговаривают. Вот и ходим, подбираемся от стола к столу»³⁵.

Великая Отечественная война в значительной степени способствовала возрождению в обществе морально-этических ценностей. Патриотический подъем, желание отстоять свою землю от захватчиков – это не просто красивые слова, это – историческая реальность. Высокую, очень высокую цену заплатил советский народ за победу в этой войне. И как это ни горько сознавать, ее «приумножил» диктаторский режим с его маниакальной подозрительностью по отношению к собственному народу. Под жернова сталинской юстиции с ее судебными и внесудебными органами попадали не только настоящие предатели, шпионы, диверсанты, пособники оккупантов, но и тысячи ни в чем не повинных советских граждан.

22 июня 1941 года, в первый день войны с фашистской Германией, вышла директива НКВД СССР № 221, запрещающая освобождать из мест заключения всех осужденных за «контрреволюционные преступления». Им отводились отдельные зоны с усиленным режимом содержания³⁶. В тюрьмах и лагерях, над которыми нависла угроза быть захваченными противником, начались массовые расстрелы. Рядовые сотрудники пенитенциарных учреждений НКВД, как правило,

безоговорочно верили в то, что «враги народа», немедленно переметнутся к немцам и станут опасными врагами Красной Армии. 24 июня 1941 года органы НКВД расстреляли в Дубне 500 политических заключенных. На следующий день 450 «контрреволюционеров» расстреляли в Каунасе.

4 июля 1941 года нарком внутренних дел Л.П. Берия рассмотрел просьбу подчиненных эвакуировать из тюрем прифронтовой полосы «только подследственных заключенных, женщин с детьми, беременных и несовершеннолетних, а также осужденных за бытовые, служебные и другие малозначительные преступления. Ко всем остальным осужденным (в том числе к дезертирам) применять ВМН – расстрел»³⁷. И хотя это предложение наркомом не было санкционировано, на практике оно проводилось в жизнь. Так, в тюрьмах Львовской области было убито 2464 человека, Дрогобычской – 1101 человек и т. д.³⁸.

В ряде случаев заключенных, отбывавших срок за «контрреволюционные преступления», ликвидировали уже в ходе эвакуации. Вот только один пример. Заместитель начальника Управления НКВД УССР докладывал начальнику Тюремного управления НКВД СССР М.И. Никольскому, что 2 июля 1941 года из тюрьмы в городе Черткове заключенные в количестве 954 человек пешим порядком эвакуировались в город Умань. В пути следования группа «оуновцев» пыталась учинить бунт, в результате конвоем было расстреляно 123 человека. В Умани, учитывая обстановку на фронте (прорвавшиеся немцы находились в 20–30 км от города), по распоряжению военного прокурора были расстреляны еще 767 человек, осужденные за контрреволюционную деятельность. Остальные 64 человека, отбывавшие срок за бытовые преступления, были освобождены³⁹.

Крайне сложно проходила эвакуация заключенных и из мест лишения свободы в Вологодской области. Их перевод в другие исправительно-трудовые лагеря был вызван двумя основными причинами. Во-первых, 28 июня 1941 года по решению правительства были приостановлены все долговременные проекты, в том числе связанные со строительством гидротехнических сооружений. Среди шестидесяти подлежащих консервации объектов были Вытегорлаг, Ополаг, Знаменитлаг, Череповецлаг. Второй причиной, вынудившей Москву приступить к эвакуации заключенных, было стремительное продвижение немцев и финнов к северо-западным границам Вологодской области, объявленной на военном положении еще 22 июня 1941 года.

Начальник Вытегорлага капитан госбезопасности В.Н. Честных, в распоряжении которого находилось почти 38 тысяч заключенных, получил распоряжение об их передислокации в тыловые районы страны через месяц после начала войны. Лагерный контингент приказывают отконвоировать в Челябинскую, Молотовскую, Омскую области.

Коми АССР. В депешах за подписью заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова звучит предупреждение: «Форсируйте отправку»⁴⁰.

В начале августа 1941 года для отправки 5800 заключенных из Вытегорлага в лагеря Куйбышевской, Молотовской, Омской и Челябинской областей требовалось 296 вагонов. Однако Северная железная дорога выделила только 243 единицы порожняка. В первую очередь начальник ГУЛАГа В.Г. Наседкин приказал эвакуировать заключенных, имеющих навыки работы в качестве арматурщиков, слесарей, сварщиков, кузнецов и металлистов⁴¹. Для отправки слабосильных заключенных и женщин мест в эшелонах, увы, не нашлось. Позднее их передали в лагеря Волгостроя.

20 августа 1941 года начальник Вытегорлага В.Н. Честных получает телеграмму заместителя наркома внутренних дел А.П. Завенягина следующего содержания: «Для выполнения производственного задания оборонного значения срочно отберите и направьте в распоряжение начальника Кемперсайского лагеря (5-й разъезд участка Кандагач – Орск Оренбургской ж.д.) 70 человек заключенных по специальностям: экскаваторщики, горные техники, горнорабочие»⁴².

2 сентября 1941 года начальнику Вытегорлага было приказано срочно направить в Омск этап из 1500 заключенных. На следующий день первая баржа с заключенными была отбуксирована в Шексню. Между тем вагоны для перевозки контингента были получены только 27 сентября. Скученность, пропитанный запахами пота и испражнений воздух в трюмах баржи, длительное ожидание порожняка, более чем скромный суточный паек и нарастающее на этой почве глухое недовольство заключенных заставляли нервничать, казалось бы, уже ко всему привычный вологодский конвой. Телеграмма на имя начальника Вытегорлага гласит: «Шексне шесть суток стоит баржа с людьми. Дорога не дает вагонов. Запасы продовольствия на исходе». Лагерное начальство со своей стороны шлет отчаянные телеграммы в Москву, но центральный аппарат ГУЛАГа мало беспокоят трудности с эвакуацией заключенных, их настораживает приближение фронта, а потому: «Форсируйте отправку»⁴³.

Между тем дорога к новому месту назначения станет для многих заключенных дорогой на тот свет. Москва, разумеется, даже толику вины на себя не возьмет. В акте проверки, представленном заместителю начальника ГУЛАГа НКВД Г.П. Добрынину, говорится: «Приведенные материалы свидетельствуют, что к отбору людей в очередной этап Вытегорлаг отнесся преступно небрежно. Из 714 обследованных заключенных обнаружено с тяжелой формой пеллагры – 54, с умеренной формой пеллагры – 169, с резко выраженным истощением – 97, слабосильных – 262, цинготных – 88, дизентерийных – 69. За период с 20 августа по 11 сентября в дороге умер 31 человек, сдано в больницу пересыльного пункта 159, из которых 25 уже умерло»⁴⁴.

18 октября 1941 года из тюрем блокадного Ленинграда в Омск были отправлены более 2,5 тысяч человек, осужденных главным образом за контрреволюционные преступления. Эвакуация должна была проходить через Вологду, но сначала предстояло добраться по Ладожскому озеру до Волхова. «Врагов народа» погрузили в трюмы баржи, не приспособленной для перевозки людей. В условиях страшной тесноты, нехватки лишнего глотка свежего воздуха во время одного из налетов вражеской авиации возникла паника, переросшая в бунт. Конвоиры незамедлительно применили оружие. В результате было убито более сотни заключенных, трупы которых на глазах остальных выволакивали и сбрасывали за борт⁴⁵.

Крайне тяжелое физическое состояние людей в ходе эвакуации имело далеко идущие последствия. Заболевшие в пути следования резко обострили эпидемиологическую обстановку в пунктах прибытия. В спецсообщении начальника Оперативного отдела ГУЛАГа Я.А. Иорша о заболеваемости и смертности в Кулойском лагере говорится: «Заключенные умирают главным образом в результате заболевания пеллагрой и гемоколитом. Установлено, что в сентябре 1941 года среди заключенных, прибывших в лагерный пункт Обозерского отделения Кулойского лагеря, имелись больные гемоколитом из Вытегорского лагеря. Однако начальником лагерного пункта и начальником санитарной части Обозерского отделения мер к локализации болезни принято не было. Тяжелобольному заключенному Арахову в течение 6 суток не была оказана медицинская помощь. В бессознательном состоянии Арахов был доставлен в стационар, где через сутки умер. 13 ноября 1941 года в стационар был доставлен тяжелобольной заключенный Кириллов. Кириллов был положен на пол, никакой медицинской помощи ему оказано не было. Спустя 30 минут после доставки в стационар Кириллов умер...»⁴⁶

Как уже говорилось, в самом начале Великой Отечественной войны были законсервированы строительные работы на металлургическом заводе в Череповце. Комиссию по расформированию лагеря, обеспечивавшего строительство завода, возглавил его начальник капитан госбезопасности А.И. Хархардин. Директору завода А.И. Мурзову было предписано распустить к 1 сентября 1941 года весь управленческий аппарат. 2162 заключенных, осужденных за малозначительные бытовые преступления, были освобождены от наказания по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 года. Правда, по этому же Указу они сразу были переданы в распоряжение городского военкомата и призваны в Красную Армию. Часть заключенных Череповецлага отправляется в лагеря Архангельской области и Коми АССР на строительство Северной железной дороги, часть – на возведение укрепрайонов в район реки Березины⁴⁷. Их дорога к месту новой дислокации также протекала с большими трудностями.

Жертвы эвакуации ГУЛАГа не вошли ни в одну «Книгу Памяти воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны». Хотя сегодня вряд ли кто сомневается, что среди отправленных за колючую проволоку было немало оклеветанных, просто неугодных сталинскому режиму людей. Наконец, разве неправомерно считать жертвами войны узников ГУЛАГа, погибших при строительстве укрепрайонов в полосе линии фронта? Так, еще в июле 1941 года несколько сотен заключенных из Череповецлага были отконвоированы в район Старой Руссы, где в это время шли ожесточенные бои с немцами. О судьбе 800 человек, отправленных 20 сентября 1941 года из Вытегорлага на строительство полевых укреплений в Петрозаводск, остается только догадываться⁴⁸. Столица Карелии оказалась в руках финнов 2 октября 1941 года. Заключенные вполне могли погибнуть и от рук неприятеля, и от рук конвоя, строго предупрежденного: – распускать в экстремальной ситуации уголовников, «врагов народа» – расстреливать.

В июле 1941 года на территории Вологодской области находилось 7 общих следственных тюрем (в Вологде, Череповце, Великом Устюге, Устюжне, Тотьме, Белозерске, Никольске), которыми ведал Тюремный отдел УНКВД, и одна внутренняя следственная тюрьма ГУБ. В 51 камере этой тюрьмы города Вологды (Герцена,12) содержались подследственные, признанные опасными и особо опасными государственными преступниками. Именно в этой тюрьме, судя по всему, находились 144 заключенных, приговоренных к расстрелу. Учитывая, что 1 ноября 1941 года Л.П. Берия предложил И.В. Сталину считать вынесенные Военной коллегией Верховного Суда приговоры о высшей мере наказания окончательными и не подлежащими обжалованию, то участь «врагов народа» была предрешена. Добавим только, что, помимо Вологды, в тюрьмах 25 областей Советского Союза своего последнего часа дождалось еще 10 480 заключенных⁴⁹.

Кроме тюрем, после вынужденного закрытия исправительно-трудовых лагерей, в Вологодской области продолжали функционировать колонии, отдельные лагерные пункты, пересыльный пункт в Вологде, областная больница для спецконтингента в Шексне. Уже в октябре 1941 года во все эти пенитенциарные учреждения началось массовое поступление заключенных из других регионов СССР. Одновременно возникают новые пенитенциарные учреждения. В ноябре 1941 года был создан Вожегодский лагпункт, который принимает в свои бараки больных и нетрудоспособных заключенных расформированного Беломоро-Балтийского исправительно-трудового лагеря⁵⁰.

Понижение норм суточного довольствия, невыносимые жилищно-бытовые условия, истощение скудных довоенных запасов одежды и обуви неизбежно вело к резкому ухудшению состояния здоровья заключенных, эпидемиям и, как следствие, открытому недовольству со стороны осужденных. Так, 7 декабря

1941 года военный прокурор при Вологодском комитете обороны А.Н. Резанов подготовил докладную записку, свидетельствующую о безобразном содержании заключенных, прибывших из Ленинградской области в ОЛП № 27, дислоцировавшийся в Кубеноозерском районе. В докладной говорится: «Больные и здоровые заключенные содержатся вместе. Невероятная скученность, отсутствие бани привели к поголовной вшивости заключенных. Ни бытового (ведра, бочки для воды), ни кухонного инвентаря (кипяильники, котлы для кипячения воды) не имеется. Заключенные пьют сырую воду и едят снег. В качестве меры взыскания к заключенным применяется стойка на улице. Заключенные не имеют одежды и обуви. В результате значительно растет смертность (с 26 октября по 1 декабря умерли свыше 60 человек)»⁵¹. Далее в докладной записке сказано, что начальник ОЛП № 27 Косарев никаких мер к улучшению положения доверенного ему контингента не принимает, совершенно не заботится о нуждах людей. В ходе эвакуации заключенные по 4 дня не получали никакой пищи. В пути следования имели место массовые побеги. В довершение всего Косарев понуждал вступать с ним в половую связь женщин, зависимых от него по службе⁵².

Не лучшим образом обстояли дела в 232-м отдельном рабочем батальоне. В батальоне насчитывалось 1200 эстонцев, не владевших русским языком. Это были люди, к которым у советской власти доверия не было. Дать им в руки винтовку или автомат не решились, оставлять на территории, которая со дня на день должна была оказаться в руках немцев, было не менее безрассудно. В этой ситуации провели срочную мобилизацию и направили эстонцев в Вологодскую область, в лагеря Кушубы, где им поручили выполнять оборонные работы. Командир 232-го отдельного рабочего батальона капитан Н.С. Щапков 17 ноября 1941 года докладывал председателю Вологодского комитета обороны П.Т. Комарову, что имеющиеся в его распоряжении 1200 человек выполняют нормы выработки только на 30, в лучшем случае – на 80 %. Причина такого положения дел лежит на поверхности. Нормы питания бойцов отдельного рабочего батальона с 1 октября 1941 года снижены вдвое. Рабочий день длится 12 часов. Участились случаи дезертирства. Особенно остро стоит вопрос с обувью. Из-за отсутствия обуви в работе не участвует ежедневно до 130 человек. Уже сейчас, в ноябре месяце, наблюдаются случаи обморожения ног⁵³. «Работая 12 часов в день, без выходных, а теперь дотемна, – подчеркивает капитан Н.С. Щапков в своем донесении, – люди испытывают нехватку питания. Начиная собирать отбросы из помоек, крадут овощи с полей и картофель из кухни. Началось попрошайничество, участились случаи открытого недовольства питанием. Есть случаи дезертирства. Все эти случаи служат предвестником недовольства, могущего принять массовый характер»⁵⁴.

28 декабря 1941 года в Грязовце был открыт спецлагерь НКВД для

содержания бойцов и командиров, вышедших из окружения и освобожденных из плена войсками Красной Армии*. По приказу НКВД от 13 марта 1942 года Котласский сельскохозяйственный исправительно-трудовой лагерь открывает свои лагпункты в Великоустюгском районе Вологодской области. Они обслуживают совхозы «Красавинский» и «Красный Север»⁵⁵.

Большая нагрузка выпала на Вологодскую тюрьму № 1 и пересыльный пункт в Вологде. Они принимали заключенных, которые эвакуировались из районов страны, которым угрожала вражеская оккупация. Были приняты осужденные из тюрем Кеми, Тихвина, Мурманска, Кандалакши и Кировска. Положение осложнялось тем, что только в 1941 году около 1000 сотрудников НКВД отказались от брони и добровольно ушли на фронт. Доукомплектование штатов в местах лишения свободы осуществлялось за счет женщин, инвалидов войны, пенсионеров. Увеличение численности заключенных до 20 тысяч человек привело к тому, что по приказу НКВД СССР № 00357 от 21 февраля 1942 года Вологодский ОИТК (отдел исправительно-трудовых колоний) был преобразован в УИТЛК (управление исправительно-трудовых лагерей и колоний). Ему подчинялось 11 подразделений со штатом сотрудников 1617 человек⁵⁶.

23 июля 1943 года по приказу НКВД № 0293 были вновь открыты Опокский исправительно-трудовой лагерь и Знаменитлаг⁵⁷. В задачу управления Опокстроля входило сооружение Опокского гидроузла в Великоустюгском районе на реке Сухоне. Жители из отведенной заключенным лагерной зоны (деревни Пороги и Прилуки) были переселены, их дома приспособили под хозяйственные и административные постройки. Заключенные проживали в бараках-землянках при свете керосиновых ламп⁵⁸.

К началу навигации 1944 года были закончены работы по реконструкции шлюза и плотины «Знаменитая». Все его сооружения перешли в ведение наркомата речного флота, а имущество, стрелки охраны и спецконтингент были переданы Опокстрою. В служебной записке начальника Опокского лагеря К.К. Квесика от 16 февраля 1944 года говорится, что «все заключенные размещены в бараках, полуземлянках, сухих, теплых», что все они «одеты и обуты по сезону», а «качество пищи удовлетворительное». «Лучшим бригадам и звеньям, – говорится далее в адресованном в Москву послании, – вручаются красные флажки, премии»⁵⁹. Идиллия, да и только. Радужное настроение по поводу образцового содержания заключенных сразу же испаряется при чтении следующих строк

*Более подробная информация о спецлагере в Грязовце дается несколько ниже.

доклада: «В начале 1945 года заболеваемость и смертность среди заключенных имела большие размеры (больных на 1.01.45 года было 1386 человек, или 57 % ко всему численному составу лагеря, умирало до 25 человек в месяц)»⁶⁰.

Разумеется, в годы Великой Отечественной войны увеличение смертности коснулось всех лагерей Советского Союза. Такая же ситуация наблюдается в учреждениях тюремного ведомства. В 1942 году в тюрьмах Кировской области скончалось 22,7 % от общего числа заключенных, Свердловской – 21,3 %, Вологодской - 16,1 %⁶¹. Причинами летального исхода в отчетах названы туберкулез легких, острые желудочно-кишечные инфекции, простудные болезни, цинга и авитаминозы, брюшной тиф, дизентерия, сыпной тиф. Основную причину, повлекшую высокую смертность заключенных, начальство в своей документации старалось не называть. Между тем до предела урезанная норма продовольственного пайка, малокалорийная пища, отсутствие самых необходимых лекарственных препаратов и, как следствие, хроническое полуголодное существование, вели к дистрофии и пеллагре. Именно они чаще всего провоцировали сопутствующие заболевания, которые в отчетах фигурировали как основные.

Во время Великой Отечественной войны поток поступления заключенных в места лишения свободы быстро увеличивается. Во второй половине 1941 года было осуждено 1 339 702 человека, в первой половине 1942 года – 1 396 810 человек⁶². Растет количество лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Так, в 1941 году в лагерях ГУЛАГа количество осужденных за контрреволюционные преступления составляло 420 293 человека (28,7 % к общему количеству заключенных). В 1942 году соответственно 407 988, или 29,6 %, в 1943 году – 345 397, или 35,6 %, в 1944 году – 268 861, или 40,7 %, в 1945 году – 289 531, или 41,2 % к общему количеству заключенных⁶³.

В Вологодской области в местах лишения свободы в 1941–1943 годах содержалось до 40 % заключенных из числа «врагов народа». С 1944 года возобладала иная тенденция. Количество лиц, осужденных по ст. 58 УК РСФСР, начинает снижаться. На 1 апреля 1945 года в колониях области и на пересыльном пункте в Вологде находилось 9036 человек. Из них осужденных за контрреволюционные преступления насчитывалось 2073 человека, или 22,9 %⁶⁴.

Уменьшение процентного отношения «врагов народа» в тюрьмах Вологодской области имеет свое объяснение. По указанию Тюремного управления НКВД СССР за № 52/9273 от 27 апреля 1943 года следовало к 1 июня 1944 года всех осужденных направить в лагеря, где они могли бы быть полезными Родине, которая ведет войну с германским фашизмом. В частности, в Тагильский исправительно-трудовой лагерь из тюрьмы № 1 города Вологды предлагалось направить 500 заключенных⁶⁵. Большинство из тех, кто был отконвоирован в Нижний Тагил, были осуждены за контрреволюционные преступления.

По нарядам на стройки НКВД, дислоцировавшиеся в других регионах СССР, было направлено еще несколько сотен «врагов народа». Некоторые из отбывавших срок в вологодских тюрьмах за совершение контрреволюционных преступлений умерли. Известно, что режим содержания этих людей был достаточно суров.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 года «О мерах наказания изменникам родины и предателям и введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ», Вологодская тюрьма № 1 пополнилась новой категорией заключенных – каторжниками. Однако каторжники – немецко-фашистские злодеи и их пособники из числа изменников Родины – здесь не задерживались. Их под усиленным конвоем переправляли в специальные отделения каторжных работ при Воркутинском, Карельском, Северо-Восточном и Норильском лагерях⁶⁶.

Одна из самых трагических страниц мировой истории – это судьба советских военнопленных. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года, инициатором которого был Сталин, объявил всех солдат и офицеров, оказавшихся в руках противника, предателями и изменниками Родины. Семьи красноармейцев, у которых сын, муж, брат, отец имели несчастье оказаться в плену, лишались положенного им денежного довольствия. Если же в плен попадал офицер или политработник, то его семья подвергалась аресту и отправке в северные лагеря. Этот секретный приказ воинам Красной Армии зачитывали перед строем, но о нем долго ничего не знали остальные советские граждане. В газетах и по радио скорбели о тяжелой участи соотечественников, попавших в плен к немцам, и всячески клеймили фашистских извергов. Нота народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» от 25 ноября 1941 года широко обсуждалась в трудовых коллективах. Учителя школы № 22 города Вологды в те дни писали в газету «Красный Север»: «Мы возмущены бесчеловечными издевательствами, пытками, чинимыми над советскими людьми. Дорого заплатят фашисты за каждого замученного бойца. Со своей стороны, мы, советские педагоги, обязуемся еще более усилить воспитательную работу с подрастающим поколением, подчинив ее интересам фронта»⁶⁷.

8 декабря 1941 года, когда до освобождения Тихвина от немцев оставались считанные часы, комиссар 4-й Отдельной армии Е.Е. Кашеев направил на имя первого секретаря Вологодского обкома партии П.Т. Комарова следующее

телеграфное сообщение: «Передаю текст листовки на русском языке к пленным красноармейцам. Прошу отпечатать 5000 экземпляров на неяркой бумаге с расчетом передачи через руки. Листовки прошу доставить на аэродром Великое село в мой адрес»⁶⁸. Текст листовки был примечателен тем, что в нем сквозила неприкрытая угроза в адрес людей, имевших несчастье оказаться в руках врага: «Немецкая армия находится накануне разгрома (явное преувеличение – В.К.). Все глубже сжимается кольцо советских войск вокруг Тихвина. Враг будет разбит. Вы принимали присягу, давали клятву на верность своей Родине. И когда кончится война, Родина спросит о том, какое принимали вы участие в разгроме врага. Что вы ответите Родине?»⁶⁹

Несколько дней спустя, 28 декабря 1941 года, нарком внутренних дел Л.П. Берия подписал приказ НКВД № 001735 о создании специальных лагерей для военнослужащих Красной Армии, побывавших в плену у противника или же в окружении. Было организовано четыре таких лагеря. Один из них – Грязовецкий – принимал за колючую проволоку освобожденных из плена или же вышедших из окружения бойцов Ленинградского, Карельского, Волховского и Северо-Западного фронтов. Начальником вновь организованного Грязовецкого спецлагеря назначался капитан госбезопасности А.Ф. Боечин, начальником Особого Отдела НКВД – капитан госбезопасности Д.М. Никитин. Последнему предписывалось лично и через агентурно-оперативную сеть «организовать тщательную проверку содержащихся в лагере бывших военнослужащих Красной Армии...Выявленных изменников Родине, шпионов и дезертиров подвергать аресту и дела на них представлять на Особое Совещание НКВД в установленном порядке»⁷⁰.

И хотя спецлагерь в Грязовце просуществовал только до 13 марта 1942 года, сотрудники особого отдела под руководством Дмитрия Михайловича Никитина свою лепту в дело «выявления «врагов народа», судя по документам, внести успели. Вообще к ноябрю 1944 года через расширившуюся сеть спецлагерей (через четыре месяца их начнут именовать проверочно-фильтрационными) прошло почти 354 600 военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из немецкого плена. Из этого числа после проверки передано в райвоенкоматы для дальнейшей службы в РККА 231 034 человека, отобрано на формирование штурмовых батальонов (читай штрафных) – 16 163 офицера и 2219 солдат, арестовано органами «СМЕРШ» 15 556 человек. Более 100 тысяч человек пополнили конвойные войска НКВД, влились в составе рабочих батальонов в оборонную промышленность, убыли в госпитали, умерли⁷¹.

Все эти военнопленные, независимо от того, в какую категорию они попали после фильтрационно-проверочного лагеря, были гласно или негласно «награждены» клеймом «предателя Родины».

По постановлению ГКО от 24 июня 1942 года семьи изменников Родины, приговоренных к высшей мере наказания, подлежали ссылке в отдаленные местности Советского Союза сроком на 5 лет. Исполнение наказаний в отношении членов семьи указанных лиц возлагалось на учетно-регистрационные подразделения НКВД СССР. Они были обязаны, в частности, установить наличие в семье изменника Родины военнослужащих Красной Армии, партизан, орденосцев. Такие семьи высылке не подлежали⁷².

3 марта 1943 года вышел приказ наркома НКВД № 004, обязывавший тюрьмы, где был расстрелян изменник Родины, взять на себя «заботу о его близких» – арестовать их, а впоследствии отконвоировать в места лишения свободы. Так, 20 сентября 1943 года была заключена под стражу и отправлена в тюрьму № 4 г. Череповца колхозница деревни Кузьмо-Демьянское Максинского района вместе с тремя малолетними детьми. Затем все четверо под конвоем были препровождены в Коми АССР. Основание – их муж и отец за попытку добровольно сдаться в плен врагу был осужден Военным трибуналом 55-й армии по ст. 58-1, п. «б» УК РСФСР и расстрелян⁷³.

Изменников Родины, шпионов и диверсантов, пособников немецко-фашистских оккупантов в тюрьмах и лагерях выявляли через агентурно-осведомительную сеть. Подавляющее большинство камерных разработок проводилось на красноармейцев, побывавших в немецком плену и арестованных контрразведывательными отделами «СМЕРШ» якобы за то, что они были завербованы германской разведкой. Завербованные, если внимательно вчитаться в заключения сотрудников НКВД, получали стандартное задание: перейти в момент отступления германских частей на сторону Красной Армии, влиться в ее ряды и вести пораженческую агитацию за переход к немцам. Все эти сомнительные факты тюремное следствие, как правило, подтверждало. Арестованные приговаривались к расстрелу по ст. 58-1, п. «б» УК РСФСР (переход военнослужащего на сторону врага).

Что касается гражданских лиц, то они после агентурной разработки чаще всего привлекались по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация). Так, от арестованных еще в феврале 1944 года двух уроженцев Тотемского района после соответствующей работы были получены сведения еще

о семи соучастниках преступной группы, которая якобы ставила перед собой задачу вести «контрреволюционную агитацию повстанческого характера с использованием инвалидов войны»⁷⁴.

Крайне сомнительным выглядит обвинение, предъявленное агенту германской разведки по кличке Киркинен. Его арестовали в апреле 1944 года в Великом Устюге. В тюрьме агентурной разработкой и следствием было установлено, что еще в годы Первой мировой войны Александр Михайлович был завербован германской разведкой, выполнял ее задания по выявлению революционно настроенных русских военнопленных. Перед репатриацией на родину социализма получил задание разлагать советский тыл. К его выполнению Киркинен, которому давно перевалило за пятьдесят, приступил только в годы Великой Отечественной войны: в составе созданной им антисоветской группы вел агитацию среди курсантов военной школы и красноармейцев, уходивших из госпиталя на фронт. Склонял тех и других к измене Родине. Осужден на 10 лет лишения свободы⁷⁵.

Ошибочно думать, что в местах заключения Вологодской области не было случаев неповиновения, попыток побега, саботажа, создания преступных группировок и других случаев неповиновения. Так, в первом квартале 1944 года из лагерей и тюрем бежало 5 осужденных, во втором – 12, в третьем – 35. Разумеется, число побегов объясняется не столько ослаблением режима содержания, сколько чисто сезонным фактором – шансов противозаконным путем получить свободу летом всегда больше, чем зимой⁷⁶.

Что касается случаев саботажа и создания преступных группировок, то вот что говорит статистика за март 1944 года: в лагерях, отдельных лагпунктах, колониях и тюрьмах Вологодской области по указанным фактам было возбуждено 27 уголовных дел, в том числе 7 групповых, на 57 человек. В ОЛП-13 в поселке Ковжа была раскрыта преступная группа, проводившая среди заключенных профашистскую агитацию. Ее возглавили бывший заместитель наркома просвещения Армянской ССР С.Н. Габриэлян и студент Тимирязевской академии А.К. Мазалов, ранее осужденные за распространение троцкистских взглядов⁷⁷.

В борьбе за отстаивание своих прав заключенные порой находили сочувствие среди работников тюрем и лагерей. Так, в марте 1943 года надзиратель Вологодской тюрьмы № 1 за нелегальную связь с подследственными заключенными был приговорен Военным трибуналом войск НКВД Вологодской области к пяти годам лишения свободы. Примером противоположного свойства служат происходившие в этой же тюрьме под руководством ее начальника Зайцева хищения государственного имущества и продуктов питания. Кстати, еще зимой 1941–1942 годов по вине Зайцева, не обеспечившего достаточно количества дров, тюрьма перенесла тяжелейшую эпидемию сыпного тифа⁷⁸.

Организованная начальником преступная группа в течение 1943–1944 годов сбывала на сторону топливо, распродала предназначенные для питания заключенных продукты и вещевое довольствие. Всего в результате преступной деятельности государственной казне был нанесен ущерб на сумму 500 тысяч рублей. Все участники противозаконных хищнических операций были разоблачены и привлечены к уголовной ответственности⁷⁹.

К концу третьего квартала 1944 года в пенитенциарных учреждениях Вологодской области содержалось около 13 тысяч человек. В четвертом квартале этого же года освобождено из мест заключения 1026 человек, а в первом квартале 1945 года – 1409 человек. Наконец, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1945 года было амнистировано по случаю победы СССР над фашистской Германией еще 4084 человека⁸⁰. Однако эта амнистия не коснулась лиц, осужденных за контрреволюционные преступления. Последние из необоснованно репрессированных в годы военного лихолетья обретут свободу только в 1955–1956 годах.

* * *

Особая страница пенитенциарной практики в Вологодской области – это пребывание в лагерях и спецгоспиталях более 80 тысяч военнопленных иностранных армий. В Грязовецком лагере оказались финские солдаты и офицеры советско-финляндской войны (30 ноября 1939 – 13 марта 1940). Здесь же обживали стены Корнильево-Комельского монастыря польские военнослужащие, оказавшиеся в руках СССР после «освободительного похода» Красной Армии в Польшу в сентябре 1939 года*. В годы Великой Отечественной войны в лагерях Вологодской области находились немцы и их союзники – румыны, венгры, австрийцы, итальянцы, финны. Кроме того, за колючей проволокой содержались пленные других национальностей, воевавшие в рядах вермахта.

В годы Великой Отечественной войны бывшие солдаты и офицеры противника оказались по решению правительства СССР в ведении НКВД, а не в распоряжении военного ведомства, как то предусматривала Женевская

*Подробнее см.: Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Финские военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере (1939–1955). – Вологда, 2002; Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Польские военнопленные в Грязовецком лагере НКВД (1939–1941 гг.). – Вологда, 2002.

конвенция о военнопленных 1929 года. Это наложило на микроклимат лагерей свой неповторимый отпечаток. Прежде всего, тот, что жизнь военнопленных за колючей проволокой начальство стремилось устраивать по давно апробированным порядкам ГУЛАГа.

В начальный период войны поступление пленных в лагеря СССР было незначительным. К середине июля 1941 года было взято в плен лишь 1494 солдата и офицера противника⁸¹, из них почти треть оказалась в Вологодской области. Уже 23 июня 1941 года был создан Вологодский лагерь НКВД, дислоцировавшийся на станции Явенга Вожегодского района. На 15 июля в нем содержалось около 300 солдат, преимущественно летчиков и диверсантов-парашютистов. Однако ровно через месяц нарком внутренних дел Л.П. Берия подписал приказ о расформировании лагеря. Действительно, условия для проживания в нем пленных были явно неудовлетворительные. Кроме того, сыграла свою роль неудавшаяся попытка комиссии ГлавПУ РККА получить от пленных заявления о солидарности с Советским Союзом. Такие антифашистские воззвания подписали только три человека⁸². Усмотрев в этом тлетворное влияние офицеров на солдат, руководство НКВД направило первых в офицерский лагерь в Елабугу, вторых – в Карагандинский трудовой лагерь.

Еще 79 военнопленных были размещены в августе 1941 года в Грязовецком лагере. Наиболее крупным был лагерь-распределитель № 158 в Череповце. Он имел четыре лагерных отделения на станциях Шексна, Череповец, Шеломово, Суда. На 1 сентября 1944 года в нем содержалось 6437 человек: 4476 немцев, 577 финнов, 478 австрийцев, 230 испанцев и 99 солдат и офицеров иных национальностей⁸³. В марте 1943 года в уже известном нам Корнильево-Комельском монастыре под Грязовцем был организован офицерский лагерь. В августе 1944 года для использования военнопленных на предприятиях бумажной промышленности был создан лагерь № 193, имевший два лагерных отделения – первое при бумкомбинате в Соколе, второе – при целлюлозном заводе Я.М. Свердлова в Печаткино.

Наличие среди военнопленных значительного количества раненых и больных, среди которых было немало дистрофиков, привело к созданию в октябре 1944 года четырех спецгоспиталей. Начальник вновь сформированного госпиталя № 5091 в Череповце П.В. Угрюмов писал в своем отчете, что внезапный переход на необычную работу потребовал не только переоборудования палат и поиска дополнительных резервов (вместо 500 следовало развернуть тысячу коек). Переход к лечению военнопленных, по его словам, диктовал «перестройку сознания обслуживающего персонала на необходимость добросовестного лечения раненых и больных врагов, причинивших столько горя и страдания нашей Родине»⁸⁴.

Одновременно на базе госпиталей для воинов Красной Армии открываются еще три спецгоспиталя: в Череповце (№ 1825), Вожеге (№ 3732), в Бабаево (№ 3337). В марте 1945 года сеть для лечения военнопленных пополнил спецгоспиталь № 2715 в Чагоде. Общее количество пациентов в пяти спецгоспиталях к концу войны достигло 3083 человек, а всего в Вологодской области на 1 июля 1945 года насчитывалось 32 534 иностранных военнопленных⁸⁵.

Первые два года Великой Отечественной войны вся трудовая деятельность военнопленных протекала за колючей проволокой. Они занимались благоустройством территории, выполняли хозяйственные работы по самообслуживанию, работали на пищеблоке, в лазарете. В апреле 1943 года в Кремле принимается решение об использовании труда обезоруженных вражеских солдат на стройках НКВД и других наркоматов. В последнем случае между лагерем и предприятием заключался типовой договор, в котором регламентировались вопросы трудового использования военнопленных.

Народное хозяйство Вологодской области, из которой ушло на фронт практически все трудоспособное население (более 340 тысяч человек), крайне нуждалось в дополнительной рабочей силе. Наполовину был не укомплектован кадрами Чагодощенский стекольный завод, Череповецкий судоремонтный завод, Сокольский целлюлозно-бумажный комбинат. В результате нехватки рабочих рук на целлюлозно-бумажном заводе им. Я.М. Свердлова в Печаткино на рейде скопилось около 20 тысяч тонн древесины, что парализовало работу пристани⁸⁶. Именно на эти предприятия, в первую очередь, были направлены пленные.

По действующему в СССР законодательству оказавшиеся в плену офицеры могли привлекаться к труду, но только в том случае, если они сами изъявляли желание работать. Тем не менее 200 бывших офицеров вермахта из лагеря № 150 по собственному почину работали на льнозаводе поблизости от Грязовца. В результате оказанной помощи льнозавод был восстановлен и к началу 1945 года на полную мощность выдавал продукцию⁸⁷.

Впрочем, не все бывшие солдаты вермахта готовы были ударно трудиться на стройках социализма. Встречались лица, которые сознательно ломали оборудование, саботировали выполнение производственного задания. Так, военнопленный Уккерман в первый же день своей работы заявил: «Я на коммунистов не буду работать, я не дурак. Кормить меня они и так обязаны»⁸⁸. Для отказчиков специальным приказом НКВД № 0031 от 16 апреля 1945 года

создавались специальные штрафные бригады. Что касается членовредителей и лиц, выводящих из строя заводское оборудование, то их привлекали к уголовной ответственности по соответствующим статьям УК РСФСР.

К моменту массового поступления военнопленных в лагерь Вологодской области здесь уже был накоплен значительный опыт организации медицинской помощи раненым и больным воинам. В распоряжении крупнейшего в Красной Армии распределительного эвакуационного пункта (РЭП-95) находилось одновременно до 40 эвакогоспиталей и 60 военно-санитарных поездов. Вологодские медики вместе с лучшими военврачами Ленинграда, эвакуированными из города, вернули в строй действующей армии 650 тысяч советских солдат и офицеров⁸⁹.

Согласно принятому СНК СССР 1 июля 1941 года «Положению о военнопленных» продовольственное, вещевое и медицинское обеспечение бывших солдат неприятеля должно было осуществляться на равных основаниях с военнослужащими Красной Армии. Однако на практике лечение бывших вражеских солдат осуществлялись по остаточному принципу. В условиях хронического дефицита лекарственных препаратов и продовольствия тыловые службы, естественно, отдавали предпочтение раненым красноармейцам, которым вскоре снова предстояло вести кровопролитные бои на советско-германском фронте. Исключение составляли пленные офицеры. Установленные для них нормы питания превышали среднесуточный паек квалифицированного советского рабочего.

Особенно неблагоприятное положение со смертностью наблюдалось в зимний период. В отчете госпиталя № 5091 говорится: «Все военнопленные из лагеря 158 прибывали в крайне истощенном состоянии. 14 января 1945 г. поступило 258 человек, умерло 90 человек. Прибыло 10 февраля 100 человек, умерло 62. Прибыло 17 февраля 20 человек, умерли все. Высокий процент смертности объясняется тем, что лагерь направлял наиболее тяжелых дистрофиков, у которых болезнь перешла уже в необратимую форму»⁹⁰.

В справке начальника ГУПВИ НКВД генерал-лейтенанта М.С. Кривенко от 2 марта 1945 года приводится перечень лагерей с наиболее высокими показателями смертности. Среди них мы вновь видим Череповецкий лагерь № 158. В его бараках и лазарете на 20 февраля 1945 года насчитывалось 7875 военнопленных. Скончалось в январе 299 человек и за 20 дней февраля – 209 человек⁹¹.

В летние и осенние месяцы обстановка менялась в лучшую сторону.

В пищу шли ягоды, грибы, овощи, свежая рыба. К тому же, к 1945 году почти все лагеря Вологодской области имели свои подсобные хозяйства. В результате летальный исход среди пленных за годы войны не превышал 16 % (для сравнения: смертность советских военнопленных в лагерях Германии достигала 58 %).

До 1943 года политическая работа среди военнопленных велась исключительно силами политического аппарата лагерей. Поражение немцев под Сталинградом стимулировало появление двух антифашистских организаций – Национального комитета «Свободная Германия» (июнь 1943 года) и Союза немецких офицеров (сентябрь 1943 года). Первую возглавил немецкий коммунист-политэмигрант Эрих Вайнерт, вторую – генерал артиллерии Вальтер Зайдлиц. Обе организации стояли на ярко выраженных антифашистских позициях. Однако программные цели Союза немецких офицеров сводились к отставке Гитлера, установлению в Германии буржуазно-демократического режима, заключению почетного мира с Советским Союзом в границах довоенного немецкого государства. Требования Национального комитета «Свободная Германия» были более радикальны: немедленное прекращение военных действий, отставка преступного гитлеровского правительства и создание новой Германии просоветского образца.

Надо сказать, что военнопленные, находившиеся в Вологодской области, примкнуть к сторонникам НКСГ или СНО не торопились. Первым серьезным результатом работы среди обезоруженных солдат вермахта стало принятие в 1944 году в лагере № 193 резолюции о публичном отречении от фашизма, которую подписали около 200 человек⁹². В том же 1944 году в Грязовецком лагере № 150 была сформирована группа сторонников Союза немецких офицеров. О своем присоединении к этой группе заявила треть всего офицерского состава, то есть 896 человек⁹³.

Поистине массовым стало антифашистское движение накануне капитуляции фашистской Германии. Так, в апреле 1945 года в лагере № 150 из 3716 военнопленных 2346 являлись членами НКСГ и СНО, что составило 63 процента⁹⁴. Конечно же, надо иметь в виду, что далеко не все пленные переходили на антифашистские позиции по идейным соображениям. Одни намеревались таким образом поскорее оказаться на родине, другие рассчитывали на получение определенных материальных благ – более высокий продовольственный паек, более комфортные условия проживания, менее тяжелые работы.

Еще 8 октября 1939 года, согласно директиве Л.П. Берии, во всех лагерях, где к тому времени находились почти 250 тысяч польских солдат и офицеров,

были созданы «особые отделения по оперативно-чекистскому обслуживанию военнопленных». Предназначались они для выявления контрреволюционных формирований и освещения настроений обитателей лагерных бараков. В этих же целях из числа находящихся за колючей проволокой, а также из охраны и обслуживающего персонала подбирались осведомители⁹⁵.

Уже в октябре 1939 года в Заоникеевском лагере под Вологдой оперативникам удалось разоблачить среди поляков 15 бывших полицейских. Кроме того, оперативным путем был выявлен тайник около города Луцка, в котором находилось два самолета, шесть пулеметов и пятнадцать тысяч патронов⁹⁶.

В целом ряде случаев в процессе работы с польскими военнопленными командированная в июле 1941 года в Грязовец оперативная группа заместителя наркома внутренних дел В.Н. Меркулова допускала явные нарушения законности. Начальник Грязовецкого лагеря Н.И. Ходас извещал начальника УПВИ НКВД П.К. Сопруненко: «Следует признать, товарищ капитан, что их, с позволения сказать, работа изобилвала очень неудачным подходом к военнопленным, основанным на затрагивании национальных чувств поляков и даже на угрозах»⁹⁷. Однако Петр Карпович предпочел отмолчаться. В результате с санкции В.Н. Меркулова десять поляков, не пожелавших скрывать своих патриотических чувств и негативного отношения к СССР, были арестованы⁹⁸.

Среди тех, кто попадал за колючую проволоку, могли быть носители важной информации – стратегической, политической, экономической, технической. Необходимо было выявить связи таких пленных, осуществить проверку, обработку и анализ полученных сведений. Первый успех на этом поприще ждал оперативников лагеря № 158 в декабре 1942 года. В ходе проведенных мероприятий удалось заполучить описание истребителя «Мессершмидт-109ф». Кроме того, пилот Вилли Френгер дал ценную информацию о дислокации военных аэродромов на территории третьего рейха⁹⁹.

Добытые от пленных сведения оперативники высылали для перепроверки в Главное разведывательное управление Красной Армии или же оперативное управление УПВИ НКВД. В общей сложности в 1944 году в эти инстанции из лагеря № 158 ушло 108 сообщений с документами и чертежами по авиационным, танковым, моторостроительным, химическим, судостроительным и иным объектам военно-стратегического значения¹⁰⁰.

Вопрос о пребывании иностранных военнопленных в Вологодской области в послевоенный период будет рассмотрен в следующей главе. Однако уже сейчас отметим один принципиальный момент. По решению правительства СССР захваченные в плен солдаты и офицеры противника передавались в ведение НКВД, а не в распоряжение военного ведомства, как

то предусматривала Женевская конвенция о военнопленных 1929 года. Созданное при НКВД СССР Управление по делам военнопленных и интернированных никогда не было самостоятельным ведомством. И жизнь военнопленных за колючей проволокой начальство стремилось устраивать по давно апробированным порядкам ГУЛАГа.

Примечания

- ¹ Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. – М., 1985. – С. 737.
- ² Иванова Г.М. Гулаг в системе тоталитарного государства. – М., 1997. – С. 45–46.
- ³ Цит. по: Красный Север. – 1941. – 25 июня.
- ⁴ ГАВО. – Ф. 2653. – Оп. 2. – Д. 19. – Л. 12–15.
- ⁵ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. Из истории Вологодской области. – Вологда, 1994. – С. 52.
- ⁶ ГАВО. – Ф. 4792. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 1-1об.
- ⁷ Там же. – Л. 81.
- ⁸ Там же. – Л. 82.
- ⁹ Иванов В.А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). Автореферат дис. ... д. ист. наук. – СПб, 1998. – С. 46.
- ¹⁰ Калашникова Н.В. История Вологодской милиции. – Вологда, 2003. – С. 131–132.
- ¹¹ Климов А.Н. О ходе, характере и особенностях мобилизаций в Красную Армию в годы Великой Отечественной и гражданской войн (по материалам Череповецкого района) // Уроки и проблемы изучения истории Второй мировой войны. – Вологда, 1995. – С. 152–153.
- ¹² ГАВО. – Ф. 4792. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 44–47.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны – С. 51.
- ¹⁵ ГАВО. – Ф. 2653. – Оп. 2. – Д. 83. – Л. 27–28.
- ¹⁶ Конасов В., Судаков В. Еще когда Яблоков клеветал, что вся деревня ходит босая и голодная! // Красный Север. – 2001. – 21 февраля. Газетный очерк написан на архивном материале, находящемся в распоряжении автора.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Конасов В.Б. Дося и Ленушка. История любви // Русский Север. – 2003. – 19–25 февраля (для написания этого очерка использованы документы из архива семьи покойного Ф.И. Селякова).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Машинописная копия проекта акта ревизии на предмет установления архивных уголовных дел, хранящихся в ГАВО и поднадзорных военной прокуратуре ЛенВО. Акт ревизии

- подготовлен в январе 2003 года военным прокурором отдела реабилитации военной прокуратуры ЛенВО подполковником юстиции А.В. Юрченко.
- ²¹ Реабилитирован. Сообщение областного суда // Красный Север. – 1989. – 19 августа.
- ²² ГАВО. – Ф. 628. – Оп. 1. – Д. 1952. – Л. 1.
- ²³ Цветков С.Н. Политические репрессии против вологжан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Проблемы военного плена: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. – Вологда, 1997. – Ч. 1. С. 186–187.
- ²⁴ Конасов В.Б., Акинъхов Г.А., Судаков В.В. На стыке фронта и тыла: Материалы к вузовскому спецкурсу и школьному факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны». – Вологда, 1999. – С. 56.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – М., 2002. – С. 293.
- ²⁷ ГАВО. – Ф. 4792. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 93.
- ²⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. – М., 1953. – С. 335–336.
- ²⁹ Конасов В.Б., Акинъхов Г.А., Судаков В.В. На стыке фронта и тыла – С. 57.
- ³⁰ Там же. – С. 53–54.
- ³¹ Цит. по: Военно-исторический журнал. – 1992. – № 2. – С. 35.
- ³² ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 6. – Д. 285. – Л. 56 об.
- ³³ Там же. – Д. 283. – Л. 11.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. – С. 33.
- ³⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 158.
- ³⁷ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – С. 316.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. – М., 1999. – С. 233.
- ⁴⁰ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. – С. 49.
- ⁴¹ Архив УВД ВО. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 16.
- ⁴² Там же. Коллекция документов.
- ⁴³ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. – С. 50.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Архив УВД ВО. – Ф. 10. – Дело архивных справок к фонду. – Т. 1. – Л. 6.
- ⁴⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 20-х – первая половина 1950 годов // Собр. документов: В 7 т. – М., 2004. – Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. – С. 504–505.
- ⁴⁷ Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны // 1941–1945: Уроки войны – уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Вологда, 2006. – С. 95.

- ⁴⁸ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. – С. 50.
- ⁴⁹ Там же. – С. 54.
- ⁵⁰ Архив УВД ВО. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 46; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. – М., 1998. – С. 162–163.
- ⁵¹ ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 3. – Д. 80. – Л. 103.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. – Ф. 3868. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 232–234.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. – С. 300.
- ⁵⁶ Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. – С. 95.
- ⁵⁷ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. – С. 259, 348–349.
- ⁵⁸ Опокстрой. Публ. А.Р. Дунаевой, М.Б. Железовой // Великий Устюг: Краеведческий альманах. – Вологда, 1995. – С. 340.
- ⁵⁹ Там же. – С. 344–346.
- ⁶⁰ Там же. – С. 348.
- ⁶¹ Базунов В.В., Детков М.Г. Тюрмы НКВД-МВД в карательной системе советского государства. – М., 2000. – С. 24.
- ⁶² Детков М.Г. Тюрмы, лагеря и колонии в России. – С. 243.
- ⁶³ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – С. 322.
- ⁶⁴ Архив УВД ВО. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 8. Процентное соотношение лиц, отбывавших наказание за контрреволюционные преступления, к общему количеству заключенных подсчитано автором.
- ⁶⁵ Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в карательной политике государства в 1930–1950 годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции. – Вологда, 2005. – С. 206.
- ⁶⁶ Там же. – С. 207.
- ⁶⁷ Цит. по: Красный Север. – 1941. – 27 ноября.
- ⁶⁸ ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 3. – Д. 3. – Л. 143.
- ⁶⁹ Там же. – Л. 150.
- ⁷⁰ Конасов В.Б., Акинхов Г.А., Судаков В.В. На стыке фронта и тыла. – С. 31–34.
- ⁷¹ Уголовно-исполнительная система. 125 лет. / Под общей ред. Ю.Я. Чайки. – М., 2004. – С. 121.
- ⁷² Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956 гг. – Волгоград, 2005. – С. 53, 155.
- ⁷³ Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в период Великой Отечественной войны. Машинописная рукопись. – С. 4.
- ⁷⁴ Там же. – С. 7–8.
- ⁷⁵ Конасов В.Б., Акинхов Г.А., Судаков В.В. На стыке фронта и тыла. – С. 91.

- ⁷⁶ Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. – С. 101.
- ⁷⁷ Там же. – С. 100.
- ⁷⁸ Базунов В.В., Детков М.Г. Тюрмы НКВД-МВД СССР в карательной системе Советского государства. – С. 25.
- ⁷⁹ Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в период Великой Отечественной войны. – С. 9.
- ⁸⁰ Белова Н.А. Деятельность мест лишения свободы на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны. – С.101.
- ⁸¹ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949). – Вологда, 2004. – С. 46.
- ⁸² За Германию против Гитлера! Документы и материалы о создании Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. – М., 1993. – С. 17–18.
- ⁸³ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. – С. 52.
- ⁸⁴ Зона милосердия: Документы и материалы / Публ. В.Б. Конасова, О.А. Богатырь // Военно-исторический журнал. – 1999. – № 3. – С. 93–96.
- ⁸⁵ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. – С. 55–56.
- ⁸⁶ Там же. – С. 140.
- ⁸⁷ Там же. – С. 144–145.
- ⁸⁸ РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 28. – Л. 14.
- ⁸⁹ Конасов В.Б. Вологда помнит подвиг медиков фронтовой поры. // Военно-исторический журнал. – 2003. – № 3. – С. 67.
- ⁹⁰ Цит. по: Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. – М., 1992. – С. 40.
- ⁹¹ Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. / Под ред. М.М. Загоруйко. – М., 2000. – С. 467.
- ⁹² РГВА. – Ф. 1/п. – Оп. 35а. – Д. 28. – Л. 58.
- ⁹³ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. – С. 222.
- ⁹⁴ Там же. – С. 223.
- ⁹⁵ Лебедева Н.С. О трагедии в Катыни // Международная жизнь. – 1990. – № 5. – С. 121.
- ⁹⁶ Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. – М., 1994. – С. 64.
- ⁹⁷ Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. – М., 2001. – С. 211.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. – С. 250.
- ¹⁰⁰ Там же.

ГЛАВА 6

ЛАГЕРЯ И ТЮРЬМЫ, ЛЮДИ И СУДЬБЫ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Лагерная система вышла из горнила Великой Отечественной войны весьма и весьма ослабленной. Она уже не обладала теми огромными людскими, материально-техническими и производственными ресурсами, которые были у нее в мирное время. К 1946 году численность заключенных в лагерях уменьшилась по сравнению с 1941 годом почти в 2,5 раза¹. В такой ситуации НКВД-МВД СССР делает ставку на использование труда иностранных военнопленных, интернированных немцев из Германии, Польши, Венгрии, Румынии, немцев-репатриантов, работавших в войну на экономику третьего рейха. Кроме того, государство временно отказывается от осуществления крупных экономических проектов. Это для их реализации, как правило, использовался неквалифицированный труд огромной массы заключенных. Наконец, сразу после войны, когда в обществе витал пьянящий аромат Победы, и люди жили ожиданием перемен, И.В. Сталин не рискнул снова запустить «маховик репрессий». Следовательно, огромного притока рабочей силы в ГУЛАГе не ждали.

Со второй половины 1946 года лагерная система в стране вновь стала разрастаться. К началу 50-х годов восстановился не только довоенный уровень численности заключенных – не менее 2 млн 800 тысяч человек, но и производственный потенциал ГУЛАГа². Именно к этому времени в Вологодской области в полную силу заявил о себе Вытегорлаг. Этот крупнейший на Северо-Западе страны лагерь вновь приступил к работе 24 февраля 1948 года. В мае 1948 года на строительстве Волго-Балтийского водного пути трудилось 833 заключенных, на 1 января 1949 года – 3473, на 1 января 1950 года – 4798, на 1 января 1951 года – 4195 и на 1 января 1952 года – 13 594 человека. В 1948–1949 годах строительство на участке озеро Онежское – озеро Белое, возведение ЛЭП Свирь-3 – Белоусово (свыше 200 км) и других объектов возглавлял генерал-майор А.В. Шамарин³.

Заключенные, осужденные по политическим мотивам и за совершение бытовых преступлений, работали, как правило, добросовестно. Профессиональные преступники предпочитали вообще не трудиться. Вот несколько примеров из книги Т.О. Спивак «Письма из прошлого». 11 февраля 1949 года в 22 часа в первом строительном районе произошел обрыв проводов на высоковольтной линии. Обесточенной оказалась не только жилая зона, но и все производственные объекты. Дежурной лошади на тот момент на месте не оказалось.

И тогда, не дожидаясь рассвета, главный инженер электростанции, электротехник и электромонтер (все трое заключенные, но из категории так называемых «бесконвойных») идут пешком по глубочайшему снегу на поиск обрыва⁴.

Принципиально иные нормы человеческого общежития демонстрировали воры-рецидивисты, убийцы, бандиты, грабители. С утра они садились за карты, будучи уверенными, что «шестерки» для них все равно расстараятся и без хлеба и продуктов не оставят. Только вот хлеб, а иногда и весь обед к этой уголовной братии попадал от честно работавших заключенных. 18 октября 1949 года было принято решение отправить 13 злостных нарушителей режима в особые лагеря с использованием только на тяжелых работах с удлинненным рабочим днем⁵.

В послевоенный период продолжалось строительство гидроузла Опокский лагерь. На 1 января 1946 года на работах было задействовано более трех тысяч заключенных. На 1 января 1947 года в лагере оставалось 1358 заключенных, поскольку строительство гидроузла близилось к завершению. Увы, вскоре произошла никем не прогнозируемая катастрофа. 25 апреля весенним паводком и ледоходом была разрушена водосливная плотина, в ее средней части образовался проран длиной 72 метра. Приказом МВД СССР от 23 июня 1947 года строительство было законсервировано и более уже не возобновлялось. Скорее всего, потому, что специалисты МРФ СССР уже давно уяснили для себя всю утопичность приказа Л.П. Берии осуществить «полную реконструкцию реки Сухоны». Оставшихся к тому времени 640 заключенных передали в распоряжение ИТЛ Строительства № 859 – город Кыштым Челябинской области⁶.

Шекснинский ИТЛ после окончания войны приступил к работе только 20 февраля 1951 года. К декабрю 1952 года в лагере находилось более восьми тысяч заключенных, которые занимались строительством Волго-Балтийского водного пути на участке озеро Белое–Рыбинское водохранилище. Начальником ИТЛ «Шекснагидрострой» был полковник П.И. Ильин. Именно в это время в лагере произошли чрезвычайные события. В спецдонесении прокурора Вологодской области П.А. Лоскутова Генеральному прокурору СССР Г.Н. Сафонову от 16 декабря 1952 года говорится о массовых беспорядках в 5-м лагерьном пункте, что располагался в местечке Анисимовые гряды. Вечером 6 декабря начальник надзирательской службы младший лейтенант Шкляр изъясил у заключенных, находившихся в землянке № 3, карты и 90 рублей денег. Одновременно он предложил заключенному Еременко проследовать в штаб лагерного отделения. Вслед за ними к штабу незаметно пробрались и остальные пятеро нарушителей порядка. Видя, что кроме Шкляра в штабе никого нет,

заклученные стали наносить начальнику надзирательской службы удары, бросать в него различные предметы. В самый критический момент, когда заключенный Еременко попытался схватить Шкляра за горло, тот сбил его с ног. В это же самое время заключенный Платонов пытался задушить надзирателя Глумко, подоспевшего на помощь своему начальнику. Вскоре к месту происшествия подоспели другие надзиратели, и злостные возмутители спокойствия сочли за благо убежать к себе в землянку⁷.

Затем события приняли поистине трагический оборот. В землянке был учинен настоящий погром: заключенные разломали все нары, выбили стекла, выломали половицы в полу. В довершение всего они убили осужденного Севастьянова (причина убийства в спецдонесении не называется, можно предположить, что убитый был осведомителем). Труп спрятали под пол. В последующие два дня, 8 и 9 декабря 1952 года, ни один заключенный на работу не вышел. Осужденные, содержащиеся в бараке усиленного режима, ломали двери камер, хозяйственный инвентарь, вспарывали матрасы и жгли солому.

9 декабря на место происшествия прибыли из Вологды начальник областного Управления МВД подполковник М.И. Бузланов и начальник Отдела по надзору за местами заключения областной прокуратуры. Вместе с руководством лагеря они прошли все палатки, провели совещание с бригадирами, выслушали претензии осужденных. Саботажники заявили, что учиненные беспорядки являются результатом плохих бытовых условий, плохо организованного труда и неоправданно строгого режима. Начальство пообещало устранить имеющиеся недостатки и призвало всех приступить к работе. Казалось, что инцидент исчерпан. Однако в эту же ночь заключенный Платонов зарубил топором спящего повара-заключенного И.П. Огарева (причина в спецдонесении не называется).

По мнению администрации лагеря, объяснение массовым беспорядкам следовало искать в наличии на лагерном пункте «группы рецидивистов, склонной к неповиновению» и к «неподчинению установленному режиму». Чтобы не накалять обстановку, заключенных, которые содержались в бараке усиленного режима, досрочно освободили и водворили в общую зону. 240 человек, обеспечить которых работой действительно не было возможности, отправили в другие лагерные пункты. 35 человек «наиболее опасного контингента» решили препроводить в лагерный пункт со строгим режимом. Однако в специально оборудованный вагон эта группа войти отказалась, а села на снег и запела: «Вставай, проклятем клейменный весь мир голодных и рабов...» В конечном итоге декабрьский морозец сделал свое дело. Зачинщики беспорядков зашли в специально оборудованный вагон. Однако и тут не угомонились. В пути следования неизвестно кем был убит еще один заключенный⁸.

Послевоенная история тюрем Вологодской области также полна различного рода коллизий. Надежды заключенных, особенно политических, на лучшие времена не оправдались. Наоборот, идет ужесточение карательной политики в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Основание – Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 года. Указ этот получил столь произвольное толкование, коснулся такого огромного количества рядовых тружеников, что количество заключенных в Советском Союзе быстро возросло с 1 млн 516 тысяч человек до 2 млн 407 тысяч. Даже в небольшой Тотемской тюрьме из 69 заключенных 18 отбывало срок именно по Указу от 4 июня 1947 года⁹.

В 1948 году в Вологодской тюрьме № 1 появились новая категория заключенных – «каторжники». Эта терминология царских времен была возрождена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания немецко-фашистских злодеев и их пособников». Пособникам, как правило, давали от 10 до 25 лет лишения свободы с отбыванием наказания в особых лагерях с привлечением к тяжелому физическому труду. Предварительно они попадали в тюрьмы как подследственные, откуда их уже после вынесения приговора этапировали в специальные отделения каторжных работ при Воркутинском, Карельском, Северо-Восточном и Норильском лагерях¹⁰.

Каторжники (большинство эстонцы, литовцы, западные украинцы), не годные по состоянию здоровья выполнять тяжелые физические работы, продолжали содержаться в Вологодской тюрьме № 1. В августе 1949 года было проведено медицинское обследование этого контингента, которое выявило удручающую картину. Из 573 осужденных к каторжным работам почти все страдали либо дистрофией, либо туберкулезом, либо заболеваниями желудочно-кишечного тракта. И не случайно заместитель начальника тюремного отдела УМВД Вологодской области буквально взывал к начальнику Тюремного отдела МВД полковнику М.В. Кузнецову по поводу того, что лечебное питание явно не отвечает нормам. Причина одна – лимиты на это питание Москва не отпускает¹¹.

Подсобные хозяйства, которые создавались при тюремных учреждениях, проблемы полноценного питания также не решали. Так, в «Справке» тюремного отдела УМВД Вологодской области говорится, что собранный урожай картофеля «не покрывает потребности тюрем в овощах и создает напряженное положение в обеспечении заключенных». Еще осенью 1947 года в ряде тюрем области были отмечены заболевания сыпным тифом. Причиной инфекционных заболеваний, помимо всего прочего, было элементарное несоблюдение

правил гигиены, нерадивость обслуживающего персонала. В акте проверки Белозерской тюрьмы говорится: «В камерах заключенные спят на полу, в камерах грязно. Имеются клопы, борьба с которыми не ведется. Пища для заключенных приготовлена недоброкачественно, картофель не чистится, в супе много песка, сам суп черного цвета»¹².

Отдельно от других заключенных в тюрьмах содержались лица, приговоренные к высшей мере наказания. Указом Президиума Верховного совета СССР отмененная в 1947 году смертная казнь 12 января 1950 года снова получила прописку в советском законодательстве (расстрелу подлежали шпионы и диверсанты). Для приведения приговора в исполнение заключенных, к примеру, из тюрьмы Великого Устюга вывозили на станцию Ядриха, находившуюся в 65 км от районного центра. Транспортировка «смертников» осуществлялась на открытой машине, что всегда внушало беспокойство начальству¹³.

Отдельного разговора заслуживают политические акции сопротивления советскому режиму. Вот данные только за 1952 год по тюрьме № 1 города Вологды. В феврале 1952 года заключенный А.Т. Грибанов вел среди сокамерников разговоры антисоветского содержания. Он же подбросил в коридор записку, содержащую угрозу совершить террористический акт в отношении руководителей КПСС и Советского правительства. Военным трибуналом Беломорского военного округа А.Т. Грибанов был приговорен к расстрелу.

В марте 1952 года осужденный Ю.С. Пименов, находясь в камере № 69, сочинил и на обратной стороне «Памятки заключенного» написал пасквиль контрреволюционного содержания, направленный против сталинского руководства. Военным трибуналом Беломорского военного округа Ю.С. Пименов приговорен к расстрелу.

Заключенный М.В. Авдеев написал листовку контрреволюционного содержания, содержащую угрозу в адрес одного из руководителей КПСС. Военным трибуналом Беломорского военного округа М.В. Авдеев приговорен к расстрелу.

Находящиеся под следствием В.А. Сухолет и Н.С. Матвейчев, привлеченные к уголовной ответственности по Указу от 4 июня 1947 года, изготовили в камере плакаты антисоветского содержания. Один – на красной майке, другой – на полотне. Эти плакаты они намеревались в День Международной солидарности трудящихся 1 мая вывесить через форточку на наружной стороне тюремного окна. Вологодским областным судом приговорены к 10 годам лишения свободы каждый.

В июне 1952 года заключенный М.В. Смирнов, осужденный к 4 месяцам лишения свободы, вел антисоветскую агитацию среди сокамерников, клеветал на советскую власть. Вологодским областным судом М.В. Смирнов приговорен к 10 годам лишения свободы.

Заклученный Ф.Е. Лобанов писал в партийные и советские инстанции жалобы антисоветского содержания. Осужден на 10 лет лишения свободы.

В ноябре 1952 года заклученный В.А. Чуйкин написал закрытое письмо на имя Генерального прокурора СССР, в котором выразил намерение совершить террористический акт в отношении одного из руководителей партии и государства. Военным трибуналом Беломорского военного округа Чуйкин был приговорен к расстрелу¹⁴.

* * *

5 марта 1953 года умер И.В. Сталин. Смерть советского вождя взбудоражила мир за колючей проволокой. Многие заклученные поверили в возможность свободы. Однако реальность быстро развеяла эти надежды. Более того, начальство тюрем, лагерей и колоний, ощутившее шаткость, казалось бы, незыблемых порядков, стало проявлять нервозность. На этой почве участились случаи нарушения законности. Заключенные ответили массовыми беспорядками. 1 мая 1953 года объявили голодовку осужденные, находившиеся в лагерном отделении № 9 Красноярского лагеря. Только с апреля по сентябрь 1953 года в ГУЛАГе было зарегистрировано 30 случаев массового неповиновения. При наведении порядка было убито и ранено более 200 человек.

Крайне обеспокоили руководство МВД беспорядки в особых лагерях. Впервые за многие годы заклученные Речного (Воркута), Горного (Норильск), Степного (Карагандинская область) лагерей требовали не улучшения условий содержания, а свободы. В третьем отделении Степного лагеря, где 72% заклученных составляли лица, осужденные на 20–25 лет лишения свободы за контрреволюционные преступления, противостояние с администрацией вылилось в самое настоящее восстание. Беспорядки удалось устранить только с помощью мотострелковой дивизии МВД им. Ф.Э. Дзержинского. В ходе операции, по официальным данным, погибло 46 заклученных, еще 106 получили ранения. Среди солдат и офицеров потерь не было, лишь около 40 человек получили ушибы и телесные повреждения¹⁵.

Волнения наблюдались в 1953–1954 годах не только в лагерях, но и в тюрьмах. Узнав о смерти И.В. Сталина, заклученные Вологодской тюрьмы № 1 попытались устроить массовые беспорядки. Приговоренный Военным трибуналом Беломорского военного округа к высшей мере наказания по ст. 58-8 и ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР некто П.Г. Зинин вел себя дерзко и вызывающе. Неповиновение проявили и другие заклученные. 7 марта 1953 года исполняющий обязанности начальника тюрьмы капитан Щапин сообщил начальнику

тюремного отдела УМВД Вологодской области полковнику Никитину: «Доношу, что Ваше указание об усилении охраны заключенных тюрьмы № 1, пытавшихся устроить массовые беспорядки, принято к исполнению... Усилено наблюдение, особо опасные лица содержатся в одиночных камерах, на прогулку выводятся в наручниках, в баню и на оправку – под усиленным конвоем»¹⁶. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, акции протеста в тюрьме № 1 города Вологды не прекратились. Так, 11 апреля 1953 года, согласно донесению начальника тюрьмы майора Корзуна, уже упомянутый нами заключенный П.Г. Зинин совершил попытку самоубийства. Был освобожден из петли, будучи без сознания¹⁷.

Вызывающее поведение заключенных, отбывавших срок за убийство, разбой, бандитизм и прочие уголовные преступления, в немалой степени было спровоцировано низким уровнем дисциплины тюремного персонала. В докладной записке о состоянии агентурно-оперативной работы за второй квартал 1953 года в вологодской тюрьме № 1 говорилось о серьезных нарушениях личным составом правил внутреннего распорядка. Внеслужебные связи с заключенными, приход на службу в нетрезвом состоянии, прогулы без уважительной причины – вот далеко не полный перечень недостойного и даже преступного поведения сотрудников органов внутренних дел¹⁸.

18 августа 1953 года начальник тюремного отдела УМВД Вологодской области полковник Никитин докладывал начальнику тюремного управления МВД СССР полковнику М.В. Кузнецову: «По укреплению служебно-воинской дисциплины среди личного состава тюрьмы № 1 проведен ряд мероприятий». Далее Никитин сообщал, что ненадежный хозяйственный персонал из числа заключенных, ранее имевший контакты с некоторыми сотрудниками, от работы отстранен и препровожден в лагеря. Кроме того, ведется усиленная работа по вербовке новых агентов и осведомителей, так как почти все заключенные, ранее сотрудничавшие с оперативниками, вышли на свободу по амнистии от 27 марта 1953 года¹⁹.

В конце 1953 года высшее партийное руководство организовало фронтальную проверку состояния мест заключения. В отчете комиссии ЦК партии впервые появился раздел «О беспорядках в лагерях». 12 марта 1954 года вышло постановление ЦК КПСС «Об основных задачах Министерства внутренних дел». Одним из негативных моментов в работе силового ведомства было названо увлечение хозяйственной деятельностью, невнимание к вопросу перевоспитания заключенных, запущенное состояние политико-воспитательной и культурно-массовой работы²⁰.

Восстановление демократических начал, гуманных принципов в работе лагерей и колоний – процесс непростой, болезненный, требующий не только

коренного пересмотра устоявшейся практики исполнения уголовных наказаний, но и соответствующей психологической подготовки сотрудников пенитенциарного ведомства. Именно на это обстоятельство обратила внимание Коллегия МВД, проходившая в октябре 1955 года. В решении Коллегии было записано, что нельзя ограничивать сферу деятельности с осужденными только политико-воспитательными мероприятиями. Необходимо всемерно приобщать заключенных к общественно полезному труду, обучать их производственным специальностям, создавать нормальные бытовые условия содержания, обсуждать вопросы жизни осужденных на общих собраниях с приглашением представителей общественности и родственников²¹. Наконец, еще одним признаком «хрущевской оттепели» следует считать ликвидацию летом 1954 года института особых лагерей, предназначенных для лиц, осужденных за контрреволюционные преступления.

* * *

Как уже было сказано, сразу после окончания Великой Отечественной войны одним из главных источников подневольного труда стали иностранные военнопленные. Еще в 1944 году председатель комиссии по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу, дипломат И.М. Майский предложил В.М. Молотову ежегодно держать за колючей проволокой 5 млн немцев, которые «под командованием НКВД будут выполнять предписанные им задания». Необходимость использования принудительного труда мотивировалась, помимо всего прочего, тем, что «немцы, прошедшие школу работы в СССР», будут возвращаться на родину «с более здоровыми взглядами и интересами». Этот процесс, по мнению Майского, будет протекать еще успешнее, если принять «надлежащие воспитательно-пропагандистские меры»²².

4 июня 1945 года ГКО принял постановление № 8921сс, согласно которому на народнохозяйственные объекты в различные регионы страны предписывалось направить (с учетом ранее выделенных) 2 млн 100 тысяч военнопленных. Из них около 12 тысяч должны были прибыть в Вологодскую область.

По постановлению Вологодского обкома ВКП(б) от 9 апреля 1946 одним из основных заказчиков рабочей силы в лице военнопленных выступал дорожный отдел Вологодского облисполкома. Более 2,5 тысяч военнопленных трудилось на строительстве автогужевого дороги Вологда–Ярославль. Одновременно пленные возводили 234-метровый мост через реку Молога в городе Устюжне. Объект общей стоимостью 1700 тысяч рублей был принят ведомственной комиссией в июне 1947 года с оценкой «хорошо»²³. На этих работах были заняты немцы, финны, венгры, румыны, австрийцы.

Особенно большой вклад внесли иностранные военнопленные в строительство промышленных и жилых объектов города Череповца. Их силами были построены речной порт, судоремонтный завод, десять двухэтажных каменных и двадцать три деревянных одноэтажных дома общей площадью 57 тысяч кв. м, мост через реку Ягорбу, здание ремесленного училища. На участке Северной железной дороги Суда–Шексна пленные проложили 67 км железнодорожных путей и возвели три железнодорожных моста. В районе затопления были демонтированы и перенесены ближе к центру города завод «Красная Звезда» и электростанция. В декабре 1947 года Совет Министров СССР потребовал от УМВД Вологодской области каждый день выводить на возобновившееся строительство Череповецкого металлургического завода 400 военнопленных, а 1 февраля 1949 года И.В. Сталин подписал распоряжение правительства, обязывавшее лагерь № 437 ежедневно выделять на строительство Северной Магнитки 1500 человек из числа иностранных подданных²⁴. Еще 11 тысяч человек планировалось использовать на реконструкции Волго-Балтийского водного пути. Однако трудиться на стройке-гиганте в Череповце обитателям лагеря № 437 пришлось недолго, поскольку он был перепрофилирован в режимный лагерь для содержания особой категории военнопленных. Равным образом вскоре такой же статус получил лагерь № 211 под Вытеграй.

В Вологде в 1946–1947 годах отвоёвавшие солдаты вермахта использовались на строительстве Вологодского льнокомбината. На стройку выводилось не менее 300 человек в день. Еще 85 военнопленных обеспечивали строительство промышленного комплекса пиломатериалами, работая на лесных делянках в поселке Монза²⁵. В Соколе бывшие солдаты вермахта трудились на целлюлозно-бумажном комбинате им. Я.М. Свердлова, в Чагоде – на стекольном заводе.

Наиболее весомый вклад внесли пленные в развитие экономики области в 1946 году. Лагерь военнопленных достигли уровня рентабельности в 112,6 % (случай в практике УПВИ-ГУПВИ достаточно редкий), дав в доход государства более 3 млн 924 тысяч рублей прибыли²⁶. Неплохо потрудились пленные и в 1947 году, несмотря на неурожай, голодную зиму и достаточно высокую заболеваемость и смертность. В дальнейшем остроту продовольственной проблемы несколько помогла сгладить организация при лагерях подсобных хозяйств. Еще в июне 1946 года по распоряжению Совета Министров два лагеря в Череповце, один в Соколе и один в Грязовце получили под сенокосные угодья 570 гектаров земли. За шесть месяцев 1948 года в этих хозяйствах силами военнопленных было выращено 175 голов крупного и 85 голов мелкого рогатого скота, 47 лошадей и 125 свиней. В ходе весеннего сева было засеяно яровых на площади 313 га, картофеля – 119 га, овощей – 52 га и кормовых корнеплодов – 11 га²⁷.

За годы плена многие обитатели лагерных бараков хорошо усвоили тонкости советской экономики. Все потуги начальства внушить им мысль о преимуществах планового ведения народного хозяйства были обречены на провал. Европейский менталитет не желал мириться ни с рабским характером труда, ни с примитивными орудиями трудового процесса, ни с бюрократической армией чиновников в лице учетчиков, инспекторов, политработников. Более того, пленные быстро переняли широко распространенную в лагерях практику приписок, приоритета количества перед качеством, аврального характера работ. Так, представитель лагеря № 150 лейтенант Юрин никоим образом не прореагировал на жалобу работников лесного участка по поводу того, что пленные перекадывают дрова из уже оприходованных штабелей в еще не до конца выложенные. И в таком виде сдают работу учетчику²⁸.

Военнопленный Герман Песль, в свою очередь, вспоминает, как проходила установка телеграфных столбов. Первоначально немцы вкапывали столбы в землю на глубину не менее полутора метров. После того, как их упрекнули в нерадивости и пообещали принять строгие меры, технологический процесс принял иные формы. Как и русские рабочие, пленные теперь углублялись в землю на 40 см, обкладывали столб камнями и поливали водой. Когда электрик взбирался на столб, тот, конечно, качался. Однако такая практика была нормой и никаких нареканий в адрес лагерной бригады больше не было²⁹.

Запретив использовать лагерный контингент на секретных производственных объектах, ГУПВИ МВД всячески поощряло научно-техническое творчество пленных из числа высококвалифицированных специалистов, одаренных инженеров и техников. Так, в лагере № 437 бывшие научные сотрудники Ганс Вейнцирль и Гейнц Вальцер подготовили проект «О назначении веса электронов». Дипломированный инженер Аминг Либе представил научную работу «Двигатель внутреннего сгорания с ротативными колбами». Изобретатель Герберт Побель познакомил экспертов с проектом «Красная молния», предполагавшим строительство сверхскоростной железной дороги в условиях Европейского Севера СССР. В этой связи начальник лагеря ходатайствовал перед заместителем начальника ГУПВИ А.З. Кобуловым о досрочном освобождении из плена авторов научно-практических разработок³⁰.

По мнению большинства отечественных историков, использование труда вольнонаемных рабочих являлось для советского государства экономически более выгодным делом, нежели привлечение к труду иностранных военнопленных. Однако в годы послевоенной разрухи, катастрофической нехватки рабочих рук альтернативы попросту не было. Пленные стали одним из источников дешевой рабочей силы, которую можно было использовать на низкоквалифицированных и мало оплачиваемых работах, перебрасывать с объекта

на объект, в любой климатический пояс Советского Союза.

Для военнопленных, как и для советских заключенных, главным было желание выжить и как можно скорее освободиться. Тоска по родине и семье была всепоглощающим чувством, особенно обостренным после того, как очередная надежда на скорую репатриацию терпела крах. Первоначально многие надеялись, что сразу после окончания войны они окажутся в кругу родных и близких. Вскоре эти иллюзии рассеялись. Политика советского государства сводилась к тому, чтобы репатриировать на родину, во-первых, тех, кто уже не представлял интереса для восстановления и развития народного хозяйства СССР: калек, дистрофиков, лиц, страдающих неизлечимым недугом. Шанс на скорую репатриацию имели также подданные тех стран, которые встали на путь социалистического развития или же с которыми СССР заключил мирный договор. Так, к 10 июля 1948 года в лагерях Вологодской области оставалось 9344 человека, из них 9292 немца, 42 испанца, 5 австрийцев и два гражданина СССР – немца по национальности, служившие в частях вермахта. Союзники немцев венгры, финны, румыны к этому времени уже покинули лагеря Вологодской области, равно, как и служившие в немецкой армии чехи, словаки, поляки и представители других национальностей. «Выехало к этому времени в Германию, – как сказано в отчете, – 3566 больных, инвалидов, ослабленных и малопригодных к труду немцев». Впрочем, предварительно планировалось вернуть на родину 5786 человек. Однако, несмотря на состояние здоровья, от репатриации были отведены «по оперативным соображениям» 1700 человек и 530 старших офицеров в возрасте до 60 лет³¹.

В начале января 1949 года в лагерях Вологодской области, как и во всех остальных лагерях СССР, царил необычный возбуждение. Дело в том, что на сессии СМВД в апреле 1947 года СССР, Великобритания, США и Франция договорились, что все военнопленные до 31 декабря 1948 года будут освобождены и репатрированы на родину. Однако 4 января 1949 года советское правительство публично отказалось от ранее данного обещания. В знак протеста бывший командир батареи 370 артполка 370 пехотной дивизии Кой Мартин Фридрих решил организовать в лагере забастовку. Им были написаны от руки несколько листовок, критиковавшие Кремль за игнорирование международных обязательств. Этого было вполне достаточно для того, чтобы приговорить саботажника по ст. 58-14 к десяти годам лишения свободы «без конфискации имущества за отсутствием такового»³².

С 18 октября 1991 года, то есть со дня принятия закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», по январь 2001 года органами военной прокуратуры рассмотрено 17 569 обращений иностранных граждан, главным образом немцев. По пересмотренным уголовным делам

реабилитировано 13 035 иностранных подданных, отказано в реабилитации 4534 заявителей³³. «Открытие архивов и получение на этой основе новых знаний, – пишет в своей монографии доктор юридических наук А.Е. Епифанов, – позволили по-иному взглянуть на некоторые обличительные материалы в отношении нацистских преступников с точки зрения их объективности»³⁴.

Действительно, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период к уголовной ответственности, наряду с отъявленными преступниками, на скамью подсудимых попали лица, не обагрившие свои руки кровью мирных граждан, не причастные к зверствам и злодеяниям на советской земле. В основе привлечения их к уголовной ответственности лежали, как правило, политические мотивы. Подавляющее количество военнопленных было осуждено в 1948–1949 годах на закрытых заседаниях военных трибуналов войск МВД. Более подробно обо всех этих сюжетах заинтересованный читатель может прочитать в литературе, специально посвященной этой теме³⁵. Наша цель гораздо скромнее – ознакомиться с некоторыми делами, которые, в большей или меньшей степени, несут в себе политический подтекст.

Довольно большая группа военнопленных была привлечена к уголовной ответственности по ст. 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация), что уже само по себе является нонсенсом с точки зрения международного права. Так, по этой статье осудили бывшего ефрейтора Германа Шитека. В разговоре с солдатами войсковой части Донцом и Дегтярем немец Шитек, неплохо владеющий русским языком, поставил под сомнение правдивость советской печати. В обвинительном же заключении сказано, что бывший ефрейтор немецкой армии «клеветал на советскую действительность», «восхвалял людоеда Гитлера», призывал своих собеседников «не защищать Родину». Разумеется, что такого набора «обвинений» вполне хватило, чтобы военный трибунал войск МВД Вологодской области 13 апреля 1948 года приговорил военнопленного Германа Шитека к десяти годам лишения свободы³⁶.

Весьма натянутое обвинение в «шпионаже» было выдвинуто против бывшего немецкого унтер-офицера переводчика Райх Бруно Фридриха. По роду своей профессиональной деятельности он выезжал в лагеря для советских военнопленных, где по приказу начальства переводил донесения осведомителей, завербованных немцами из числа красноармейцев. Присутствовал он и при вербовке бывших советских бойцов в школу абвера. Все это явилось достаточным основанием для привлечения бывшего переводчика 282-й немецкой дивизии к уголовной ответственности по ст. 58-6 УК РСФСР, то есть за шпионаж³⁷.

В октябре 1949 года заместитель начальника УМВД Вологодской области возвратил в лагерь № 437 несколько дел военнопленных для доследования.

В заключении по одному из таких дел говорилось: «В отношении военнопленного Мюллера вообще ничего не доказано. Все обвинение построено на одних предположениях, что не может служить основанием для содержания его в режимных лагерях»³⁸.

Последние военнопленные покидали лагеря Вологодской области в конце 1949 года. Однако не все. Некоторые были привлечены к уголовной ответственности. Вместе с остальными осужденными на закрытых судебных процессах в Ленинграде, Киеве, Минске, Смоленске и других городах СССР они вернутся на родину в 1953 году – около семи тысяч человек и в конце 1955 – начале 1956 года – более девяти тысяч человек.

Примечания

¹ ГА РФ. – Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 1155. – Л. 1.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. – М., 1998. – С. 51.

³ Там же. – С. 197–198.

⁴ Спивак Т.О. Письма из прошлого. – Вологда, 2004. – С. 43.

⁵ Там же. – С. 44.

⁶ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. – С. 348–349; Великий Устюг: Краеведческий альманах. – Вып. 1. – С. 340–341.

⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – начало 1950-х годов // Собр. документов: В 7 т. – М., 2004. – Т.6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. – С. 297–298.

⁸ Там же.

⁹ Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в карательной политике государства в 1930–1950 годы // Европейский Север в судьбе России: общее и особенное исторического процесса: Материалы научной конференции. – Вологда, 2005. – С. 208.

¹⁰ Конасов В.Б. Тюрьма № 1 // Русский Север. – 2003. – № 2.

¹¹ Там же.

¹² Архив УВД ВО. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 3–5.

¹³ Белова Н.А. Вологодские тюрьмы в карательной политике государства в 1930–1950 годы. – С. 207–208.

¹⁴ Архив УВД ВО. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 50–55.

¹⁵ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. – С. 206–211.

¹⁶ Архив УВД ВО. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 17.

¹⁷ Там же. – Л. 67.

¹⁸ Там же. – Л. 128–129.

¹⁹ Там же. – Л. 131–132.

- ²⁰ Детков М.Г. Тюрмы, лагеря и колонии России. – М., 1999. – С. 265.
- ²¹ Уголовно-исполнительная система. 125 лет / Под общей ред. Ю.Я. Чайки. – М., 2004. – С. 143–144.
- ²² Филитов А.М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. – М., 1995. – С. 56, 64.
- ²³ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Вологда, 2005. – С. 125–126.
- ²⁴ Конасов В.Б., Судаков В.В. Эхо минувшей войны. Из истории Вологодской области. – Вологда, 1994. – С. 72.
- ²⁵ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. – С. 126.
- ²⁶ Там же. – С. 127–128.
- ²⁷ Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории. Немецкие военнопленные в СССР. – М., 1992. – С. 34.
- ²⁸ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. – С. 137.
- ²⁹ Там же. – С. 134.
- ³⁰ Конасов В.Б., Подольский В.М., Терещук А.В. Неизвестные страницы истории. Немецкие военнопленные в СССР. – С. 34.
- ³¹ Конасов В.Б. Гриф секретности снят (К истории немецких военнопленных в СССР). – Вологда, 1991. – С. 116.
- ³² Конасов В.Б. Немцы вспоминали русских, а русские немцев // Вологодские новости. – 2003. – 9–25 февраля. – С. 11. Статья написана на материалах личного архива автора.
- ³³ Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершенные на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1956. – Волгоград, 2005. – С. 3.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). – Волгоград, 1997; Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. Внешнеполитический аспект проблемы. – М., 1998.
- ³⁶ Конасов В.Б. Немцы вспоминали русских, а русские немцев. – С. 11.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Кузьминых А.Л. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР. – С. 224.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Восстановлению исторической справедливости во времена «хрущевской оттепели» способствовали три взаимосвязанных события: смерть И.В. Сталина (март 1953), арест Л.П. Берии (июнь 1953), XX съезд КПСС (февраль 1956). Именно эти события привели к отмене наиболее одиозных нормативно-правовых актов, пересмотру сфабрикованных уголовных дел, смене кадрового состава в органах МВД, госбезопасности, прокуратуры, военной юстиции, всплеску сопротивления за колючей проволокой, и, как следствие, к процессу реабилитации невинно осужденных советских граждан.

На следующий день после смерти Сталина, то есть 6 марта 1953 года, в газетах было опубликовано обращение ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР «Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза». Оповещая народ о кончине вождя мирового пролетариата, новое руководство страны одновременно доводило до сведения общественности свою программу. Внешнеполитический раздел этого документа был необычен тем, что в обращении впервые за последние годы не упоминался «заклятый враг трудящихся» – империализм, ничего не говорилось ни о «форпосте мировой реакции» – США, ни о «главном орудии мировой буржуазии» – блоке НАТО¹.

Берия, ставший первым заместителем председателя Совета Министров СССР (пост председателя занял Г.М. Маленков) и параллельно получивший портфель министра внутренних дел, рассчитывал завоевать популярность в народе и на мировой арене путем демонстрации конкретных шагов по десталинизации советского общества. По его инициативе 18 марта 1953 года Совет Министров СССР передает пенитенциарные учреждения из МВД в Министерство юстиции². За своим ведомством Л.П. Берия оставляет только лагерь для осужденных иностранцев, в которых появляются новые, более гуманные правила обращения с заключенными. В частности, осужденным военным преступникам было дано разрешение на переписку с семьями, получение посылок и денежных переводов. Как и предполагал претендент на пост главы партии и государства, снятие почтовой блокады не осталось незамеченным на Западе³.

27 марта 1953 года вновь по инициативе Берии вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии», согласно которому впервые за последние 25 лет из мест заключения могли выйти не только уголовники, но и политические, осужденные на срок до 5 лет лишения свободы. Разумеется, среди 1 203 421 заключенных и 401 120 подследственных, которые подпадали

под амнистию, «врагов народа» было немного (по ст. 58 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы приговаривали крайне редко). Статья же 7 Указа от 27.03.53 года предписывала «не применять амнистии к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления», и, таким образом, подавляющее большинство политических заключенных продолжало оставаться в местах лишения свободы⁴. Уже в конце марта Л.П. Берия дает поручение министру юстиции К.П. Горшенину, начальнику ГУЛАГа И.И. Долгих, своим заместителям С.Н. Круглову и П.Ф. Федотову изучить вопрос о порядке применения только что упомянутого Указа к осужденным иностранным подданным.

10 апреля подчиненные представили министру внутренних дел справку, из которой вытекало, что под действие Указа от 27 марта 1953 года попадет только 2219 иностранных подданных. Международный резонанс будет гораздо более мощным, если воспользоваться досрочным освобождением на основе пересмотра ранее вынесенных приговоров. В этом случае можно будет освободить 7169 иностранцев (5046 военнопленных и 2125 гражданских лиц)⁵.

13 апреля по докладу Л.П. Берии Президиум ЦК КПСС принимает постановление о прекращении дела и реабилитации 37 «врачей-вредителей», обвиненных в заведомо неправильном лечении первых руководителей партии и государства. Тогда же в апреле-мае 1953 года были освобождены и полностью реабилитированы осужденные, уже известные нам по «артиллерийскому», «адмиральскому» и «авиационному делу».

Первые шаги на пути реабилитации прервал арест Берии 26 июня 1953 года. Глубинная причина этого ареста ныне хорошо известна. В ходе борьбы за власть с политической арены устранялся наиболее опасный конкурент Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова. Впрочем, расстрел некогда всемогущего Лаврентия Павловича 23 декабря 1953 года был вполне закономерным финалом для человека, который, играя в законность, одним росчерком пера калечил тысячи человеческих судеб.

После ареста Л.П. Берии во всех республиках, краях и областях Советского Союза прошли партийные пленумы, одобрявшие курс ЦК КПСС и Совета Министров СССР по ликвидации последствий враждебной деятельности замаскировавшегося агента иностранных разведок. Одновременно впервые за долгие годы прозвучала критика, правда без упоминания имени Сталина, по поводу нарушения партийными организациями принципа коллегиальности руководства. Так, в решении объединенного пленума Вологодского областного и городского комитетов партии, который состоялся 13 июля 1953 года, говорилось: «Имеются серьезные недостатки в деле соблюдения партийных норм, большевистских принципов партийного руководства»⁶.

Вторая половина 1953 года в плане восстановления законности была отмечена двумя знаковыми событиями. 13 июля Н.С. Хрущев проводит через Президиум ЦК КПСС постановление об освобождении из-под стражи и реабилитации 54 генералов и адмиралов, осужденных при Сталине. Это была своеобразная дань Хрущеву прославленному маршалу Г.К. Жукову за акцию по изоляции Л.П. Берии. 1 сентября с подачи Хрущева Указом Президиума Верховного Совета было упразднено Особое совещание. При этом ст. 3 Указа предоставила Верховному суду СССР право пересматривать решения бывших коллегий ГПУ, «троек» НКВД-УНКВД, Особого совещания при НКВД-МГБ-МВД⁷. Возможно, что, проводя это решение, Никита Сергеевич рассчитывал получить дополнительные очки накануне его избрания на пост первого секретаря ЦК КПСС.

В апреле 1954 года по настоянию нового партийного лидера было пересмотрено так называемое «ленинградское дело» – дело об участниках антипартийной, контрреволюционной группы. По нему, как известно, проходили председатель Госплана Н.А. Вознесенский, руководители Ленинграда А.А. Кузнецов, М.И. Родионов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин, П.Г. Лазутин. 1 октября 1950 года все они были приговорены к расстрелу. Впоследствии «контрреволюционную организацию» пополнили другие партийные, советские, комсомольские работники. Прошло немногим более трех лет. И вот уже 14–19 декабря 1954 года перед судом предстали министр госбезопасности В.С. Абакумов, начальник следственной части по особо важным делам А.Г. Леонов, его заместители М.Т. Лихачев и В.И. Комаров, начальник секретариата И.А. Чернов и его помощник Я.М. Броверман. Именно они сфабриковали «ленинградское дело». На процессе обвиняемые оправдывали свои действия указаниями «высшей инстанции», то есть И.В. Сталина⁸. Но поскольку время открытой критики «отца народов» еще не пришло, судьи поспешили свернуть судебный процесс и уже на пятый день вынесли обвиняемым смертный приговор. Важно отметить и еще одно обстоятельство. В фальсификации материалов на видных партийных и советских работников в свое время принимал активное участие Г.М. Маленков. Для него пересмотр «ленинградского дела» был миной замедленного действия, которой Н.С. Хрущев в борьбе за единоличное лидерство воспользуется несколько позднее.

Менее политизированными выглядят последующие шаги первого секретаря ЦК КПСС в ходе восстановления социалистической законности. В мае 1954 года начали действовать центральные и местные комиссии по пересмотру дел осужденных в 1934–1953 годах за контрреволюционные преступления. Председателем центральной комиссии был назначен человек Хрущева – Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко. К началу 1956 года удалось

реабилитировать всего 7679 человек. Это была, конечно, капля справедливости в море великой трагедии. Ведь только в 1933–1952 годах к высшей мере наказания по ст. 58 УК РСФСР было приговорено 742 304 человека⁹. Однако столь скромному успеху на ниве реабилитации имеется свое объяснение. Историк, специалист по реабилитации жертв политических репрессий В.П. Наумов пишет, что, в первую очередь, из тюрем и лагерей возвращались родственники, близкие друзья и сослуживцы членов Президиума ЦК. При этом они, обвиняя карательные органы, ревностно защищали И.В. Сталина¹⁰.

13 июня 1954 года был отменен Указ 1948 года, предусматривающий 20 лет лишения свободы за побег из ссылки. 9 мая 1955 года было принято постановление Президиума ЦК КПСС «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов КПСС и членов их семей». С 24 ноября 1955 года по секретному постановлению Совета Министров № 1963-1052 органы МВД снимали с учета спецпоселения участников Великой Отечественной войны, лиц, награжденных орденами и медалями, преподавателей учебных заведений. Кроме того, из-под административного надзора освобождались женщины, вступившие в брак с местными жителями, инвалиды, не имеющие в ссылке родных и близких, больные неизлечимым недугом, члены семей погибших фронтовиков.

Визит в Москву канцлера ФРГ Конрада Аденауэра в сентябре 1955 года высветил перед советским руководством еще одну грань проблемы. Одним из обязательных условий установления дипломатических отношений между двумя государствами западногерманская сторона поставила освобождение осужденных немецких военнопленных. Кремль не стал препятствовать такой постановке вопроса. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 года освобождал от наказания почти десять тысяч немцев, которые содержались в режимных лагерях СССР. Однако необходимость предоставления амнистии военным преступникам вынудила советское руководство пойти на освобождение «пособников немецко-фашистских злодеев». В противном случае имел бы место юридический нонсенс: главные виновники зверств и злодеяний на советской земле – на свободе, второстепенные – за колючей проволокой¹¹. Именно по этой причине Президиум Верховного Совета СССР 17 сентября 1955 года поспешил принять Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов».

По этому Указу, независимо от срока наказания, освобождались из ссылки и лагерей лица, служившие в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Пособники немецко-фашистских оккупантов, осужденные на десять и менее лет, также подлежали освобождению. Лицам,

приговоренным к десяти и более годам лишения свободы, срок отбытия наказания сокращался наполовину. Амнистия не распространялась лишь на тех заключенных, которые были осуждены за предательство, сопряженное с убийством и истязанием советских граждан¹².

Наконец, в ходе переговоров между СССР и ФРГ был поднят, как уже говорилось, вопрос об освобождении из ссылки немцев-репатриантов. Они получали свободу по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

К 1 января 1956 года из ссылки было освобождено немцев и членов их семей – 695 216 человек, участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями, – 18 752 человека, преподавателей учебных заведений – 2482 человека. Кроме того, к указанной дате получили свободу женщины, вступившие в законный брак в местах поселения с местными жителями, – 10 143 человека, одиночки-инвалиды и лица, страдающие неизлечимым недугом, – 8727 человек, члены семей погибших фронтовиков – 5015 человек. Всего, таким образом, за 1955 год из-под надзора органов МВД было освобождено 740 355 человек¹³.

После смерти Сталина и ареста Берии резко возросло количество писем в Верховный суд СССР, Генеральную прокуратуру, в Президиум Верховного Совета СССР, в ЦК КПСС, в которых советские граждане просили прояснить судьбу арестованного и безвестно канувшего в небытие близкого человека. Количество таких обращений по стране в целом было настолько велико, что даже «хрущевская оттепель» не могла растопить лед в отношениях власти и народа. Первый председатель КГБ И.А. Серов, чтобы скрыть от народа огромное количество смертных приговоров по политическим мотивам, в совершенно секретной директиве КГБ № 00108 от 24 августа 1955 года предписал сообщать родственникам, что их отец или мать, муж или жена, брат или сестра «были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах заключения»¹⁴.

* * *

После XX съезда КПСС процесс реабилитации политических заключенных принял более крупные масштабы. Уже 24 марта 1956 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О рассмотрении дел лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления». Этим Указом были образованы комиссии Президиума Верховного Совета СССР «для проверки в местах лишения свободы обоснованности осуждения каждого лица, обвиненного в совершении преступления политического

характера, а также для рассмотрения вопроса о целесообразности содержания в заключении тех лиц, которые не представляют государственной и общественной опасности». Комиссиям давалось право «принимать на месте окончательные решения об освобождении из мест лишения свободы лиц, неправильно осужденных, и лиц, содержание которых под стражей не вызывается необходимостью». При этом со всех освобожденных судимость автоматически снималась¹⁵.

19 апреля 1956 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, который отменил постановление Президиума ЦИК от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов». Это постановление, принятое по инициативе И.В. Сталина, предусматривало ведение дел по одному из самых тяжких контрреволюционных преступлений в ускоренном порядке. Судебным органам предписывалось не принимать ходатайств о помиловании, а органам НКВД – производить расстрел «врагов народа» незамедлительно. Одновременно Указ от 19 апреля 1956 года отменил постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Данное постановление ЦИК, которое в свое время подписал М.И. Калинин, подготовило благодатную почву для проведения массовых репрессий. Дело могло слушаться без участия сторон и без права подачи ходатайств на помилование, если обвиняемому, в частности, инкриминировались ст. 58-7 (подрыв государственной промышленности, транспорта или кредитной системы в контрреволюционных целях) или же ст. 58-8 (совершение террористических актов против представителей советской власти) УК РСФСР¹⁶.

25 апреля 1956 года Указом Президиума Верховного Совета СССР отменялась судебная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий или учреждений, а также за длительный прогул без уважительной причины. Одновременно все лица, осужденные в свое время по Указу от 26 июня 1940 года за эти «противоправные» деяния освобождались от отбытия наказания¹⁷.

4 июня 1956 года министр обороны Г.К. Жуков, министр культуры Е.А. Фурцева и министр юстиции К.П. Горшенин подготовили секретную записку в ЦК КПСС, в которой обрисовали свою точку зрения на положение бывших советских военнопленных. В записке, в частности, говорилось: «Развязыванию произвола и массовых необоснованных репрессий в отношении бывших военнопленных и военнослужащих, вышедших из окружения, способствовало господство культа личности И.В. Сталина, единолично принимавшего решения от имени Государственного Комитета Обороны

и Ставки Верховного Главного Командования по важнейшим государственным и военным вопросам»¹⁸. Именно по этой записке 29 июня 1956 года было принято секретное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490 «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».

За период с 1954 по 1961 годы в СССР были реабилитированы 737 182 человека, в том числе приговоренных к смертной казни – 353 231 человек (47,9%). С 1 июля 1954 года по 1 июля 1957 года из спецпоселений и ссылки было освобождено 2 354 639 человек¹⁹. Таковы основные результаты «хрущевской оттепели» в цифрах.

С начала 60-х годов количество реабилитируемых граждан с каждым годом сокращается. В 1962 году в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС было рассмотрено всего 117 дел по восстановлению в партии ранее осужденных коммунистов, в 1963 – 55 дел, в 1964 – 28 дел²⁰. Главной причиной этого было, конечно, не то обстоятельство, что все ранее подвергшиеся массовым политическим репрессиям граждане СССР были уже реабилитированы. Просто пришло иное время – время молчаливого оправдания беззаконий. В так называемый «период застоя» предпринимаются попытки вернуться к сталинским идеологическим установкам. Трагические события прошлого замалчиваются. Негласный запрет на освещение темы репрессий в печати, на радио, телевидении, в художественной и даже исторической литературе становится нормой. Имя Сталина все чаще упоминается в положительном свете. В 1979 году газета «Правда», вышедшая к юбилею И.В. Сталина, помещает огромный портрет советского вождя и обширную статью о нем. Остается только догадываться, какие чувства испытывали в те дни граждане страны развитого социализма, так и не дождавшиеся того, чтобы им было возвращено честное имя. За четверть века, с 1962 по 1987 годы, было реабилитировано всего 157 055 человек²¹.

* * *

Новая волна реабилитации жертв массовых политических репрессий падает уже на годы «перестройки». 28 сентября 1987 года была образована комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов. По мнению этой Комиссии, репрессии были обрушены, прежде всего, на коммунистов, представляющих цвет партии, большинство из которых вступили в нее еще до революции или в годы гражданской войны, многие были соратниками В.И. Ленина»²². Однако, как вскоре выяснилось, основную массу репрессированных составляли рядовые советские граждане.

Следует заметить, что к началу 70-х годов почти все «враги народа», выжившие в лагерях ГУЛАГа, находились на свободе. С заявлением об их преследовании по политическим мотивам в соответствующие инстанции они обращались самостоятельно. О реабилитации погибших, согласно узаконенному порядку, могли позаботиться только их родные, подав письменное заявление. Однако у многих из погибших за колючей проволокой, в тюрьме или ссылке родственников не осталось, и проблема их реабилитации «зависла». В этой связи было принято постановление Политбюро ЦК от 11 июля 1988 года «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией необоснованно репрессированных в 30–40-е годы и начале 50-х годов». Прокуратуре СССР и Комитету государственной безопасности СССР предлагалось дать своим местным органам указание продолжить работу по пересмотру дел репрессированных, «независимо от наличия заявлений и жалоб граждан». В свою очередь Верховному суду СССР и судебным органам на местах предписывалось рассматривать эти дела по протестам Генерального прокурора, прокуроров республик, краев и областей²³.

В записке комиссии Политбюро ЦК КПСС от 25 декабря 1988 года говорилось, что работа по реабилитации невинно осужденных граждан «способствует формированию новой нравственной атмосферы, возрождению общественной потребности в законности и порядке, уважения к конституционным и правовым нормам». При этом приводились следующие цифры: пересмотрено 1 002 617 уголовных дел репрессивного характера на 1 586 104 человека. По этим делам реабилитировано 1 354 902 человека, в том числе по делам несудебных органов – 1 182 825 человек²⁴. Однако далее в документе говорилось, что «только сейчас, в условиях демократизации общества, по существу начинают выявляться действительные масштабы имевших место репрессий, степень их беззакония, а тем самым – и общественно-политическое, правовое значение работы по всестороннему анализу и оценке этих явлений»²⁵.

Действительно, объем работы по реализации постановления Политбюро ЦК КПСС от 11 июля 1988 года оказался непомерно большим. К тому же, с юридической точки зрения все решения внесудебных органов уже были незаконными. В этой связи 5 января 1989 года было издано постановление Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30 – 40-х – начала 50-х годов». В нем предлагалось считать граждан, которые были репрессированы внесудебными органами, автоматически реабилитированными. При этом, однако, оговаривалось, что реабилитация в данном случае не распространяется на изменников Родины, карателей периода войны, нацистских

преступников, участников националистических бандитских формирований и их пособников, на работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также на преступников, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления»²⁶.

16 января 1989 года был принят соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР, почти дословно повторивший уже известное нам постановление Политбюро ЦК КПСС. За 1989 год по этому Указу было реабилитировано 80 288 человек, репрессированных во внесудебном порядке, а также 31 342 человека, приговоренных к различным срокам наказания по суду. Более 90 % этих людей были реабилитированы посмертно. В реабилитации было отказано 21 333 гражданам, как не подпадающим под действие названного выше законодательного акта²⁷.

Вскоре со всей очевидностью стало ясно, что нижние временные рамки реабилитации следует пересмотреть. 13 августа 1990 года президент СССР М.С. Горбачев подписал Указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов». В Указе признавалось, что «пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, выселенных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы. Должны быть реабилитированы представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам»²⁸.

Распад Советского Союза не остановил сложную и трудоемкую работу по реабилитации. 18 октября 1991 года президент Б.Н. Ельцин подписал Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», имевший основополагающее юридическое значение. В Законе (ред. от 03.09.1993 года) впервые был приведен подробный перечень всех политических репрессий. Одновременно перечислялся список учреждений их осуществлявших. Статья 4 Закона запрещала реабилитацию лиц, подвергнутых наказанию за измену Родине, насилие в отношении гражданского населения и военнопленных и за прочие военные преступления и преступления против правосудия.

* * *

Работа по реабилитации жертв политических репрессий началась в Вологодской области в 1988 году. Координирует эту работу комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, которую возглавляет первый заместитель Губернатора Вологодской области И.А. Поздняков (см. Приложение № 3, документ 15). В состав комиссии входят работники

ФСБ, МВД, областной прокуратуры, архивной службы, представители общественности. Душу и сердце вкладывает в это нелегкое дело старший помощник прокурора области по надзору за процессуальной деятельностью органов безопасности старший советник юстиции Лиля Константиновна Калинина. Вот что пишет Э.Л. Колпакова: «Я наконец-то узнала, что мой отец, Мейгеш Леонид Леонидович, по национальности венгр, был арестован в Ярославле в феврале 1938 года, реабилитирован в 1989 году. Только теперь я многое узнала об отце, и все это с помощью Лили Константиновны, которая отнеслась к моей просьбе с чуткой и доброй душой. Доброго ей здоровья в ее благородном деле. Низко кланяюсь ей, спасибо»²⁹.

В интервью газете «Красный Север» Л.К. Калинина на вопрос, как часто обращаются к ней люди с просьбой разыскать пропавшего в годы репрессий близкого человека, сказала: «Особенно часто обращались в первые годы, когда закон о реабилитации только вышел. Тогда у меня на приеме бывало до пятисот человек в год, поступало до двух-трех тысяч заявлений. Иногда человек сразу находился, особенно, если он уроженец Вологодчины и был здесь осужден. Иногда приходят письма из других регионов. Ведь бывает так, что кто-то случайно увидит в газете публикацию о своем отце, бабушке и сразу пишет нам, и я высылаю справку о реабилитации... Сейчас совместно с прокуратурой Ленинградского военного округа мы приступили к блоку дел о без вести пропавших в годы войны на фронтах. Сколько сил потрачено родственниками на их поиски – и все безрезультатно. Была раньше такая распространенная формулировка: «Осужден без права переписки». За что осужден неизвестно: то ли нарушил воинский долг, то ли изменил Родине. А на самом деле оказывается, что когда-то где-то что-то сказал, предположим, покритиковал снабжение действующей армии. Вот и был осужден»³⁰.

Недавно автор этой книги встречался с Л.К. Калининой, с которой знаком уже не первый год. Она любезно согласилась дать последние данные о реабилитации, которая проводится прокуратурой области с 1988 года (см. Приложение № 3, документ 16).

Сведения о реабилитированных, как правило, содержатся в архивах. В Вологодском областном архиве новейшей политической истории его директор кандидат исторических наук С.Н. Цветков подготовил весьма любопытный документ – «Справку о социальном и возрастном составе вологжан – жертв политических репрессий, реабилитированных в период с 1992 года по 2000 год».

*Справка УВД Вологодской области по исполнению закона
«О реабилитации жертв политических репрессий»
за период с 1992 по 2005 годы*

Год	Количество заявлений	Реабилитировано	Признано пострадавшими	Отказано в реабилитации
1992	892	535		66
1993	1902	756	138	148
1994	4516	1450	961	359
1995	5999	1614	432	2140
1996	3964	3043	14	697
1997	1677	988	21	450
1998	981	490	22	338
1999	437	233	3	158
2000	375	182	4	103
2001	530	340		80
2002	517	244		137
2003	401	163		103
2004	325	107		63
2005	211	74		48
Итого	22732	10219	1595	4890

Работой по реабилитации давно и активно занимаются сотрудники УФСБ Вологодской области. В ноябре 2005 года по просьбе автора книги руководство этого ведомства согласилось через настоящее издание ознакомить общественность с последними результатами своей работы (см. Приложение 3, документ 17).

В течение почти 14 лет при Информационном центре УВД Вологодской области существует отдел по реабилитации жертв политических репрессий. Руководствуясь ст. 7 закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», сотрудники Отдела ведут прием и рассмотрение заявлений граждан и организаций на предмет установления факта применения ссылки, высылки, направления на спецпоселение и иных ограничений прав и свобод административного порядка.

Возглавляет работу по исполнению данного Закона майор внутренней службы С.И. Старостин. Им была подготовлена справка, которая показывает, как обстоят дела с реабилитацией советских и иностранных граждан, оказавшихся в ссылке на Вологодской земле (см. Приложение 3, документ 18).

Путь к реабилитации граждан бывшего СССР был долгим и тернистым. Справедливость, однако, в конечном итоге восторжествовала. И все же не будем забывать, что демократизация российского общества накладывает на каждого из нас тяжелое бремя свободы и ответственности. Тем более, что дело не только в пороках российской государственности и отсутствии демократических традиций. Сегодня можно наблюдать, как некоторые из наших сограждан демонстрируют неприкрытое желание вернуться в прошлое. И мы, уже вступив в XXI век, продолжаем жить в тревоге и надежде за свое будущее, за будущее своих детей, своих внуков.

Примечания

¹ Правда. – 1953. – 6 марта.

² Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных наркомов»: художественно-документальное повествование. – М., 1995. – С. 240.

³ Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. – М., 1998. – С. 94.

⁴ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – М., 2002. – С. 338. Версия о том, что объявлением амнистии Л.П. Берия сознательно хотел обострить криминогенную ситуацию в стране, скорее всего, ошибочна. Истоки этой версии восходят к июльскому пленуму ЦК КПСС 1953 года, рассмотревшему вопрос «О преступных антипартийных действиях Берии». На этом пленуме, в частности, было заявлено, что «Берия приложил свою грязную руку к недавно осуществленной амнистии, в результате которой огромное количество профессиональных убийц, грабителей и воров вернулись в наши города и вновь грабят и убивают честных людей...»

⁵ Источник: Документы русской истории. – 1994. – № 4. – С. 108–110.

⁶ Очерки истории Вологодской организации КПСС. 1895–1968. – Вологда, 1969. – С. 554.

⁷ Наумов В.П. Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. – 1997. – № 4. – С. 71.

⁸ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. – М., 1991. – С. 320–321.

⁹ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Книга для учителя. – М., 2002. – С. 176.

¹⁰ Наумов В.П. Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий. – С. 343.

¹¹ Конасов В.Б. Судебное преследование немецких военнопленных в СССР. – С. 118–119.

¹² Сборник законов СССР. 1938–1975. – М., 1975. – Т. 3. – С. 411–413.

¹³ Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. – М., 1998. – С. 285.

- ¹⁴ Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы / Сост. А. Артизов, Ю. Сигачев, И. Шевчук, В. Хлопов. – М., 2000. – Т. 1. Март 1954 г. – февраль 1956 г. – С. 254–255.
- ¹⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. – С. 80–81.
- ¹⁶ Сборник законов СССР. 1938–1975. – М., 1975. – Т. 4. – С. 91.
- ¹⁷ Справочник партийного работника. – М., 1957. – С. 445–447.
- ¹⁸ История политических репрессий и несвободе сопротивления в СССР. – С. 426.
- ¹⁹ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – С. 345–346.
- ²⁰ Там же. – С. 347.
- ²¹ Там же.
- ²² Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. – С. 6.
- ²³ Там же. – С. 16.
- ²⁴ Вестник Архива Президента Российской Федерации. – 1995. – № 1. – С. 123.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. – С. 17–18.
- ²⁷ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. – С. 349.
- ²⁸ Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов. – С. 332–333.
- ²⁹ Пропавшие в ГУЛАГе // Красный Север. – 2001. – 4 апреля.
- ³⁰ Там же.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ФОТОДОКУМЕНТЫ

ОГПУ г. Вологды. 1932 год

1205

СПРАВКА

12 мая 1929

Дана настоящая справка в том, что ЩУКИН Иван Васильевич работая в органах Милиции в 1931 году 9 июня действительно был доставлен в Никольскую городскую больницу в очень тяжелом состоянии - раненым из огнестрельного оружия два раза пулями в правую руку и в нижнюю челюсть в области рта.

Справка дана для предъявления в Соцобеспечение.

Врач Никольской городской
больницы

(Попов)

Справка, выданная участковому инспектору милиции Н.В. Щукину, ставшему жертвой нападения кулаков

*В.Т. Шаламов – писатель, автор
«Колымских рассказов»*

Н.А. Клюев – русский крестьянский поэт

С.Г Жупахин – начальник УНКВД по Вологодской области в 1937-1938 годах

А.А. Ганин – поэт, расстрелянный по решению коллегии ОГПУ

Заклученные на лесоповале

Группа украинцев, высланных в ссылку в Северный край в 1931 году по ст. 54 УК УССР

▲

1. Фам. МАШТЕЛЬ

2. Имя ИВАН

3. Отч. ИВАНОВИЧ 4. Пол. муж

5. Год рожд. 1932 6. Место рожд. с. Шилынского
Раздольнянского р-на Одесской области

7. Адрес (до выселения, ареста) с. Мосты роменский

8. Проф. (спец.) не имеет

9. Место работы, должн.: а) до выселения, ареста _____

б) в настоящее время Монзенский лесхоз
Ленинского р-на Вологодской обл. рабочий

10. Парт. беспарт. 11. Нац. русские

12. Гражд. СССР 13. Образ. низшее

14. Выселен 6 1949 г. из ВЗР на учет
Прибыл по достижении 16 лет. возраста
25 апреля 1953 г. (указать откуда) Одесс.
(фамилия сосланин, карт.)

Спецпоселенец
(категория учета)

15. Выселен как член
Союза репатриантов
немецкой национал.

На основании Дирек-
тивы НКВД СССР
(указать какого постановления, № 181 решения) от 11/12 1945 г.

Оконч. срока 195 г.

16. Находится под над-
зором органов МГБ
в СССР
Вологодская обл.
Ленинский р-н
(указать край, область, район)

Личн. уч. д. № 464
Арх. № 4006
Форма 1д

17. Сведения о ближайших родственниках (отец, мать, муж, жена, братья, сестры, дети)

Отношение	Фамилия, имя, отч.	Го. рожд.	Место жительства
1. <u>мать</u>	<u>Маштель Фридрих Герг.</u>	<u>1899</u>	<u>Вологодская обл. Ленинский р-н</u>
2. <u>брат</u>	<u>Маштель Яков Иван.</u>	<u>1925</u>	<u>" "</u>
3. <u>сестра</u>	<u>Маштель Мария Иван.</u>	<u>1930</u>	<u>" "</u>
4. <u>"</u>	<u>Маштель Фридрих Ив.</u>	<u>1938</u>	<u>" "</u>
5. _____	_____	_____	_____

Замечки: Замечки 1953 г. Указано в Указе от И. Л. 1953 г.
Лишние документы Союза СССР 13 декабря 1953 г.
и Указа МВД СССР 16 декабря 1953 г. № 0601
копиями в УИИВ

В. К. Ш. 1953

Выписка из личного дела Н.И. Маштеля, спецпереселенца из Одесской области

В.И. Депутовский – польский спецпереселенец

А.И. Маруха – польский спецпереселенец

О.В. Селицкая – польская спецпереселенка

Расписка

8 января 1956 года, г. с. Ил. (Бадуйкино)
 я, Фикс Анна Георгиевна фамилия, имя, отчество даю
 настоящую расписку УМВД по Вологодской области в том,
 что мне сего числа объявлено об освобождении меня из
 спецпоселения и из-под административного надзора орга-
 нов МВД.

Мне разъяснено, что на основании Указа Президиума
 Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года снятие
 с меня ограничений по спецпоселению не влечет за собой
 возвращение мне имущества, конфискованного при выселе-
 нии и я не имею права возвращаться на прежнее место
 жительства, откуда я был выселен или где проживал до
 выезда из СССР за границу.

В чем и расписуюсь Фикс (подпись)

Командант спецкомендантуры № У УМВД
 по Вологодской области

с Бадуйкинского района, Калинин Александр

Расписка Фикс А.Г. об освобождении из спецпоселения

УТВЕРЖДАЮ
Начальник 4 специализированного УМВД
по Вологодской области
подполковник

А. Машинин
МАКСИМОВ

8 января 1956 года

Постановление

(о снятии с учета спецпоселенца)

6 января 1956 года, тор. с. Бабучинское

Я, командант спецкомендатуры № 4 УМВД Вологодской обл. Кашинян
Оглоблин, рассмотрев личное учетное дело № 39
на Финко Анну Георгиевну 1929 года рож., проживающего
на спецпоселении и м.с. № 107 в с. Бабучинском - района,
Вологодской области, —

НАШЕЛ:

Финко Анна Георгиевна на основании Указа Президиума Верховного
Совета СССР от 13 декабря 1955 года и приказа МВД СССР № 0601 от 16 декабря 1955 года
подлежит снятию с учета спецпоселения и освобождению из-под административного надзора
органов МВД.

На основании изложенного, —

ПОСТАНОВИЛ:

Финко Анну Георгиевну снять с учета спецпоселения и освободить
из-под административного надзора органов МВД, о чем объявить Финко В. Ф.
воз расписку, а также разъяснить, что снятие с учета отграничивает по спецпоселению не влечет
за собой лишения гражданства, конфискации имущества при выселении, и что он не имеет
права возвращаться на жительство в места откула бы выселен.

Личное учетное дело сдать в архив 1 спецотдела УМВД Вологодской области на
хранение.

Командант спецкомендатуры № 4:

Кашинян Александр (Оглоблин)

СОГЛАСЕН:

Начальник Бабучинского ГОМ, РОМ МВД Вологодской области

С. П. Козлов (Козлов)

Постановление о снятии с учета спецпоселения

*К.И. Душенов – командующий Северным флотом,
флагман 1-го ранга*

И.П. Белов – командарм 1-го ранга

*А.К. Нуромский – начальник ветслужбы Киевского
военного округа*

*В.Н. Левичев – заместитель начальника
генштаба РККА*

*Н.Г. Кузнецов – нарком ВМФ СССР,
Герой Советского Союза*

*И.С. Конев – маршал Советского Союза,
дважды Герой Советского Союза*

Л.Ф. Галкин – начальник УНКВД по Вологодской области (1941-1943)

Елена Николаевна и Феодосий Иванович Селяковы

 ПРОКУРАТУРА СССР
 Высшая военная Прокуратура
 Советского Союза СССР
ОБЩИЙ ПРОКУРОР
 Москва СССР
 Москва, ул. Кресты, 5.

№, к. л. _____ 3
 № 21222-45

г.р. СЕЛЯКОВОЙ Елена Николаевна,
 г. Москва, ул. Баранковская,
 д. 20, к. 1.

Елена Ева Николаевна Прокурору СССР от
 № 21-45, на имя Федосия Ив. Селякова Е.Н., прокурора
 Высшей военной Прокуратуры Советского Союза
 Сообщаю следующее, что СЕЛЯКОВ Е.Н., мужем
 гражданским и официальным представителем законного
 интересов и интересов

ВСЕ ДОКЛАДЫ ПРОСЛУШАНЫ, ВОЗРАЖАЮ
 ПРО ДОКЛАДЫ СЛУШАЮ

№ 21.21-45.

С. И. П.
СЕЛЯКОВ
 № 530.

С. И. П. П. П. П. П.
 г. Москва, ул. Кресты, д. 5, к. 1.

Сообщаю, что являюсь в отношении подсудимого -
 СЕЛЯКОВ Е.Н. законным представителем и осуществляю без
 каких-либо ограничений для осуществления моих полномо-
 чий в отношении его - все полномочия.

ПРОКУРАТОР ОБЩИЙ ПРОКУРОР
 СЕЛЯКОВ ФЕОДОСИЙ ИВАНОВИЧ
 (подпись)

Кол. 3 листа
 и.л.

Ответ на жалобу Селяковой Е.Н.

СССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел
Управление НКВД по Вологодской области

Сам. Особого С. инт.
при НКВД
25. IV 1941

918354

ДЕЛО № 661

ПО ОБВИНЕНИЮ Палюх Владимира
Ивановича и Палюх Марии
Ивановны

Начато „5“ марта 1941 г.
Окончено „17“ марта 1941 г.

В 1 томах
Том № 1

После судебного рассмотрения и установления приговора в силу, изложенное дело подлежит немедленному возвращению в 1-й Специальный отдел УНКВД ВО (г. Вологда). К делу должна быть приобщена копия приговора.
Основание: приказ НКВД, Прокуратуры и НКЮ Союза ССР № 0039 от 10 апреля 1933 г.

Передача находится в производстве следственных дел, а также взятых из архива дел в архивах органов НКВД, хотя бы и временно, производится исключительно через 1-й Специальный отдел УНКВД по Вологодской области.
Передача следственного дела оформляется восстановлением, утвержденным следственным составом уголовного дела, и является обязательной для органов НКВД.

ПЕРЕХОДЯЩЕЕ
№ 918354

5239
РЕГИСТРАТОРА

Арх.
Сдано в архив „Директ 1941 г.“

Арх. № 5239

Дело № 661 по обвинению Палюх В.И. и Палюх М.И.

Сторожевая лагерная вышка

Комендатура Череповецкого лагеря для военнопленных № 158

Эрих Хартман – лучший ас Второй мировой войны, позднее военнопленный Грязовецкого и Череповецкого лагерей

Столовые приборы, изготовленные военнопленными

Дети в лагерном детском саду

АРХИВНАЯ ВЫПИСКА
из постановления бюро Коми обкома КПСС,
протокол № 35, § 15 от 11 октября 1958 года

Заявление Куклина Н.А.
о восстановлении его кандидатом в члены КПСС

Куклин Николай Александрович, 1904 года рождения, русский, крестьянин, состоял кандидатом в члены КПСС с января 1932 г., кандидатская карточка № 0045277. В момент возникновения дела работал председателем Аргуновского сельсовета Северной области, в настоящее время – старший прораб строительно-монтажного управления № 1 треста «Ухтастрой».

Куклин исключен из партии 16 сентября 1937 г. Никольским райкомом КПСС Северной области как враг народа, арестованный органами НКВД.

28 ноября 1937 г. спецколлегией Вологодского областного суда Куклин был осужден по групповому делу по ст. 58-7 и 58-11 УК РСФСР к расстрелу. Судебно-надзорная коллегия Верховного суда СССР заменила расстрел 15-ю годами лишения свободы. Куклин и его однодельцы обвинялись в том, что в Никольском районе Вологодской области в 1935–37 гг. действовала контрреволюционная вредительская группа, в состав которой входили руководящие работники района, в том числе и Куклин. Эта группа проводила вредительскую деятельность в области полеводства и животноводства, бюджетно-финансовой и налоговой работы, допускала разбазаривание имущества колхозников и незаконное администрирование в отношении колхозников и единоличников.

8 сентября 1939 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признала, что не установлено наличие контрреволюционной группы и контрреволюционного умысла у осужденных по данному делу и исключила из приговора обвинение по ст. 58-11, признав, что у остальных осужденных имеются признаки злоупотребления служебным положением, превышения власти и халатности, коллегия переквалифицировала их действия, в частности у Куклина, на ст. 110 УК РСФСР и определила меру наказания – 6 лет лишения свободы без поражения в правах.

Пленум Верховного суда СССР 12 декабря 1957 года отменил приговор спецколлегии Вологодского областного суда, постановление судебной коллегии Верховного суда СССР и определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Куклина и его однодельцев, дело их производством прекратил за отсутствием состава преступления. В постановлении Пленума Верховного суда указывается, что не было оснований для привлечения Куклина и его однодельцев к уголовной ответственности.

В связи с реабилитацией Куклин подал заявление о восстановлении его кандидатом в члены КПСС.

Первичная партийная организация треста «Ухтастрой» и бюро Ухтинского горкома КПСС ходатайствуют о восстановлении его кандидатом в члены КПСС.

По работе Куклин характеризуется с положительной стороны. Члены КПСС Вокуев А.Я., Кирюшкин И.С. и Малыгин Ф.П. дают ему положительные отзывы.

На заседании бюро обкома Куклин присутствует.

П о с т а н о в и л и: восстановить Куклина Н.А. кандидатом в члены КПСС с января 1932 г.
Поручить Ухтинскому горкому КПСС оформить Куклину выдачу партийных документов.

И. о. зав. партийным архивом
Коми обкома КПСС

Р. Королько

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ В 1918–1937 ГОДАХ

1918 год. Из Вологодской губернии выделена Северо-Двинская губерния в составе Великоустюгского, Никольского, Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского уездов с центром в городе Великом Устюге. В Вологодской губернии остались 5 уездов: Вельский, Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский и Тотемский. Из уездов Новгородской губернии Белозерского, Кирилловского, Тихвинского, Устюженского и Череповецкого – создана Череповецкая губерния с центром в Череповце.

1919 год. В состав Вологодской губернии включен Каргопольский уезд Олонецкой губернии.

1921 год. Усть-Сысольский и большая часть Яренского уезда отошли от Северо-Двинской губернии в Коми автономную область.

1922 год. В связи с ликвидацией Олонецкой губернии Вытегорский и Лодейнопольский уезды отошли к Петроградской губернии. К Каргопольскому уезду Вологодской губернии присоединены Бережно-Дубровская, Боярская, Захаровская, Карякинская, Красновская и Почезерская волости Пудожского уезда.

1923 год. В составе Вологодской губернии создан Свердловско-Сухонский район (в 1928 году эта территория под названием Свердловской волости была включена в состав Кадниковского уезда).

1924 год. В Вологодской губернии и Череповецкой губернии проведено укрупнение волостей и создана сеть сельсоветов. В Вологодской губернии территория Грязовецкого уезда включена в состав Вологодского уезда. В Северо-Двинской губернии упразднено уездное и волостное деление и проведено районирование. Создано 18 районов, в том числе Великоустюгский, Вознесенско-Вохомский, Енангский, Кичменгско-Городецкий, Нюксенский, Никольский, Опаринский, Подосиновский и другие.

1925 год. Поселок Бабаево Устюженского уезда Череповецкой губернии преобразован в город.

1927 год. Упразднена Череповецкая губерния и создан Череповецкий округ Ленинградской области в составе 16 районов. Часть территории Устюженского уезда отошла к Ленинградской (Ефимовский район) и Новгородской (Пестовский район) областям.

Проведено районирование в Вытегорском уезде Ленинградской губернии. Районы Андомский, Вытегорский, Ковжинский, Оштинский вошли в состав Лодейнопольского округа Ленинградской области.

1929 год. Постановлением президиума ВЦИК от 14 января 1929 года в составе Архангельской, Вологодской и Северо-Двинской губерний и Коми автономной области образован Северный край. Центром края стал Архангельск. В крае упразднено губернское деление и создано 5 округов, в числе которых Архангельский, Вологодский, Северо-Двинский, Няндомский, а с 15 июля 1929 года – Ненецкий национальный округ. В Вологодском округе созданы 14 районов: Вожегодский, Вологодский, Грязовецкий, Кубено-Озерский, Кокшенгский, Леденгский, Свердловский, Сямженский, Толшменский, Тотемский, Усть-Кубинский, Харовский и Шуйский. На территории бывшего Вельского уезда образован Верховажский район Няндомского округа.

1930 год. Создана новая административно-территориальная система: край – район – сельсовет. Районы бывших Череповецкого и Лодейнопольского округов стали районами Ленинградской области, а районы Вологодского, Няндомского и Северо-Двинского округов остались в составе Северного края.

1931 год. В Ленинградской области ликвидированы Абакановский район – вошел в состав Череповецкого и Кадуйского районов; Уломский – вошел в состав Череповецкого района и Весьегонского района Московской области; Петропавловский район переименован

в Чарозерский, а его центр – село Петропавловское – в село Чарозеро. В Северном крае ликвидированы Верховажский район – вошел в состав Вельского района; Сямженский – вошел в состав Тотемского и Харовского районов; Кокшенгский, Сухонский, Толшменский – вошли в состав Тотемского и Шуйского районов (Шуйский район переименован в Междуреченский с центром в селе Шуйское); Рослятинский – вошел в состав Леденгского района. Сухонский и Кокшенгский районы слиты в новый Нюксенский район с центром в селе Нюксеница.

Станция Чебсара – центр Чебсарского района – стала поселком городского типа.

1932 год. Верхне-Чагодощенский район Ленинградской области переименован в Чагодощенский. Село Чагода преобразовано в поселок городского типа. В Северном крае Свердловский район переименован в Сокольский район, а его центр – рабочий поселок Сокол – преобразован в город. Ликвидирован Вологодский сельский район, образована пригородная зона города Вологды (пригородный район из 10 сельсоветов и города). Остальные сельсоветы района были переданы в Чебсарский, Грязовецкий и Кубено-Озерский районы.

Поселками городского типа стали станция Вожега – центр Вожегодского района и село Устье – центр Усть-Кубинского района.

1935 год. В Северном крае восстановлены 12 районов, в том числе Верховажский, Сямженский, Усть-Алексеевский и Рослятинский районы; образованы вновь Биряковский (из части сельсоветов Сокольского и Междуреченского районов), Лежский (выделился из Грязовецкого района), Тарногский (выделился из Нюксенского района) и Павинский (из части сельсоветов Никольского и Вохомского районов).

1936 год. Ликвидирован Северный край, и на его территории создана Северная область.

23 сентября 1937 года. Упразднена Северная область. На ее территории образованы Вологодская и Архангельская области. В Вологодскую область включены районы Северной области: город Вологда и пригородный район, Биряковский, Вохомский, Вожегодский, Верховажский, Великоустюгский, Грязовецкий, Кубено-Озерский, Кичменгско-Городецкий, Леденгский, Лежский, Междуреченский, Никольский, Нюксенский, Павинский, Рослятинский, Сокольский, Сямженский, Тарногский, Тотемский, Усть-Алексеевский, Усть-Кубинский, Харовский и Чебсарский. Из Ленинградской области присоединены Андомский, Борисово-Судский, Бабаевский, Белозерский, Вашкинский, Вытегорский, Кадуйский, Кирилловский, Ковжинский, Мяксинский, Оштинский, Петриневский, Пришекснинский, Устюженский, Чагодощенский, Чарозерский, Череповецкий и Шольский районы.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ВОПРОСАМ РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Документ 1

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

«О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов»

В целях восстановления социальной справедливости и ликвидации последствий беззаконий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Отменить внесудебные решения, вынесенные в период 30–40-х и начала 50-х годов действовавшими в то время «тройками» НКВД-УНКВД, коллегиями ОГПУ и «кособыми совещаниями» НКВД-МГБ-МВД СССР, не отмененные к моменту издания настоящего Указа Президиума Верховного Совета СССР. Считать всех граждан, которые были репрессированы решениями указанных органов, реабилитированными.

Это правило не распространяется на изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников националистических бандформирований и их пособников, работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления. В отношении таких лиц действует установленный законом порядок обжалования вынесенных приговоров и иных решений.

Спорные вопросы, возникающие при применении положений настоящей статьи, рассматриваются Генеральным прокурором СССР, прокурорами союзных и автономных республик, краев, областей, городов Москвы и Ленинграда.

2. Совету Министров СССР рассмотреть в отношении лиц, реабилитированных в соответствии со ст. 1 настоящего Указа, вопросы, связанные с распространением на них действующих правил пенсионного, жилищного и иного обеспечения.

3. Министерству юстиции СССР и Прокуратуре Союза ССР совместно с Министерством внутренних дел СССР и Комитетом государственной безопасности СССР определить порядок сообщения гражданам о реабилитации в соответствии с настоящим Указом.

4. Местным Советам народных депутатов совместно с общественными организациями и органами общественной самодеятельности обеспечить оказание необходимой помощи реабилитированным в осуществлении их прав и интересов, а также создании памятников жертвам репрессий, в содержании в надлежащем порядке мест их захоронения.

С этой целью при краевых, областных, городских Советах народных депутатов, Верховных Советах союзных и автономных республик могут создаваться Комиссии из числа народных депутатов и представителей общественности.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Горбачев
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. Ментешавили

Москва, Кремль.
16 января 1989 г.
№ 10036-Х1

Впоследствии изменения и дополнения внесены Законом СССР от 31.07.1989 г.

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**«О восстановлении прав всех жертв
политических репрессий 20–50-х годов»**

Тяжелым наследием прошлого явились массовые репрессии, произвол и беззаконие, которые совершались сталинским руководством от имени революции, партии, народа. Начатое с середины 20-х годов надругательство над честью и самой жизнью соотечественников продолжалось с жесточайшей последовательностью несколько десятилетий. Тысячи людей были подвергнуты моральным и физическим истязаниям, многие из них истреблены. Жизнь их семей и близких была превращена в беспросветную полосу унижений и страданий.

Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми.

Массовые репрессии осуществлялись большей частью путем внесудебных расправ через так называемые особые совещания, коллегии, «тройки» и «двойки». Однако и в судах попирались элементарные нормы судопроизводства.

Восстановление справедливости, начатое XX съездом КПСС, велось непоследовательно и по существу прекратилось во второй половине 60-х годов.

Специальной Комиссией по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, реабилитированы тысячи безвинно осужденных; отменены незаконные акты против народов, подвергшихся переселению из родных мест, признаны незаконными решения внесудебных органов ОГПУ-НКВД-МГБ в 30–50-е годы по политическим делам; приняты и другие акты по восстановлению в правах жертв произвола.

Но и сегодня еще не подняты тысячи судебных дел. Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, выселенных с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы. Должны быть реабилитированы представители духовенства и граждане, преследовавшиеся по религиозным мотивам. Скорейшее преодоление последствий беззаконий, политических преступлений на почве злоупотреблений властью необходимо всем нам, всему обществу, вставшему на путь морального возрождения, демократии и законности.

Выражая принципиальное осуждение массовых репрессий, считая их несовместимыми с нормами цивилизации и на основании статей 127⁷ и 114 Конституции СССР, постановляю:

1. Признать незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным и иным мотивам в 20–50-х годах, и полностью восстановить права этих граждан.

Совету Министров СССР, правительствам союзных республик, в соответствии с данным Указом, внести в законодательные органы до 1 октября 1990 года предложения о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий.

2. Настоящий Указ не распространяется на лиц, обоснованно осужденных за совершение преступлений против Родины и советских людей во время Великой Отечественной войны, в предвоенные и послевоенные годы.

Совету Министров СССР внести в Верховный Совет СССР проект законодательного акта, определяющего перечень этих преступлений и порядок признания по суду лиц, осужденных

за их совершение, не подлежащими реабилитации по основаниям, предусмотренным настоящим Указом.

3. Учитывая политическое и социальное значение полного решения всех вопросов, связанных с восстановлением прав граждан, необоснованно репрессированных в 20–50-е годы, возложить наблюдение за этим процессом на Президентский совет СССР.

Президент Союза Советских Социалистических Республик
М. Горбачев
Москва, Кремль.
13 августа 1990 г. № 556

Документ 3

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

«О порядке введения в действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий»

В связи с принятием Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» Верховный Совет РСФСР постановляет:

1. Ввести в действие Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» с момента его опубликования, за исключением статей 15 и 16.

2. Статьи 15 и 16 данного Закона ввести в действие с 1 декабря 1991 года.

3. Предложить Президенту РСФСР дать поручение Совету Министров РСФСР в течение двух месяцев:

а) разработать порядок выплаты компенсации, предусмотренной ст. 15 этого Закона, при необходимости предусматривая первоочередные выплаты для лиц пенсионного возраста и инвалидов;

б) утвердить образец свидетельства на право получения льгот, предусмотренных ст. 16 Закона, и порядок предоставления этих льгот;

в) предусмотреть дополнительные ассигнования на 1991–1992 годы для органов прокуратуры, государственной безопасности и внутренних дел РСФСР на проведение работы по реабилитации.

4. Генеральному прокурору РСФСР совместно с органами государственной безопасности и внутренних дел РСФСР разработать и согласовать в течение двух месяцев порядок и распределение работы по реабилитации, предусмотренный ст. 6-8 и 11 Закона.

5. Комитету Верховного Совета РСФСР по правам человека в течение двух месяцев образовать Комиссию по реабилитации, предусмотренную ст. 19 Закона, и разработать положение о ней для внесения на утверждение Президиумом Верховного Совета РСФСР.

6. Министерству печати и массовой информации РСФСР, редакциям республиканских и местных газет и журналов систематически освещать состояние работы по реабилитации жертв политических репрессий.

Первый заместитель Председателя Верховного Совета РСФСР
Р. И. Хасбулатов
Москва, Дом Советов РСФСР
18 октября 1991 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**«О порядке выплаты денежной компенсации
и предоставления льгот лицам, реабилитированным в соответствии с Законом РСФСР
«О реабилитации жертв политических репрессий»**

В соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и во исполнение постановления Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 года «О порядке ведения в действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемое Положение о порядке выплаты денежной компенсации лицам, реабилитированным в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

Министру социальной защиты населения Российской Федерации и министру связи Российской Федерации обеспечить выплату и доставку денежной компенсации в соответствии с указанным Положением.

Министру финансов Российской Федерации предусматривать с 1992 года в республиканском бюджете Российской Федерации необходимые средства на выплату указанной денежной компенсации.

2. Установить, что лицам, имеющим право на льготы, предусмотренные ст. 16 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», органами исполнительной власти районов и городов на основании справки (или ее дубликата) о реабилитации выдается специальное свидетельство о праве на льготы.

Утвердить прилагаемые образец, описание и технические условия на изготовление свидетельства о праве на льготы.

Министерству печати и информации Российской Федерации изготовить по заказу Министерства социальной защиты населения Российской Федерации бланки свидетельства о праве на льготы, в соответствии с утвержденным настоящим постановлением образцом, в том числе первую партию в количестве 60 тыс. экземпляров до 1 июля 1992 года.

Министерству торговли и материальных ресурсов Российской Федерации своевременно выделить необходимые материальные ресурсы для изготовления этих бланков.

3. Правительствам республик в составе Российской Федерации, органам исполнительной власти краев, областей, автономных образований, городов Москвы и Санкт-Петербурга принять меры по предоставлению льгот лицам, реабилитированным в соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий».

4. Установить, что лица, указанные в ст. 16 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», имеющие право на льготы в получении жилья, принимаются на учет для обеспечения жилой площадью местными органами исполнительной власти без представления документов о выписке с прежнего места жительства и сдаче занимаемого жилого помещения. Эти документы представляются указанными лицами непосредственно при получении жилых помещений.

Правительство Российской Федерации
16 марта 1992 г. № 160

Впоследствии изменения и дополнения внесены постановлениями Правительства Российской Федерации: от 18.07.94 г. N 847; от 21.12.2000 г. N 999; от 04.08.2005 г. N 489; от 31.08.2007 г. N 551; от 27.01.2009 г. N 56; от 21.05.2012 г. N 496; от 25.03.2013 г. N 257; от 18.08.2018 г. N 970.

ПОЛОЖЕНИЕ

**о порядке выплаты денежной компенсации лицам,
реабилитированным в соответствии с Законом РСФСР
«О реабилитации жертв политических репрессий»**

В соответствии с Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (в дальнейшем - Закон) лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и реабилитированным в установленном порядке, выплачивается денежная компенсация.

ЛИЦА, ИМЕЮЩИЕ ПРАВО НА ДЕНЕЖНУЮ КОМПЕНСАЦИЮ

1. Право на денежную компенсацию, предусмотренную ст. 15 Закона, имеют:

– граждане Российской Федерации, граждане государств – бывших республик СССР, другие иностранные граждане, лица без гражданства, подвергшиеся политическим репрессиям в виде лишения свободы или помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 г. и реабилитированные в соответствии с Законом правоохранительными органами на территории Российской Федерации;

– лица, постоянно проживающие на территории Российской Федерации, подвергшиеся политическим репрессиям в виде лишения свободы или помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения на территории государств – бывших республик СССР, а также подвергшиеся указанным репрессиям советских судебных органов либо военных трибуналов и внесудебных органов, действовавших за пределами СССР, и реабилитированные компетентными органами этих государств (если решение о реабилитации не противоречит законодательству Российской Федерации и при условии, что аналогичная компенсация не была ими получена от данных государств), либо государственными органами бывшего СССР.

2. Наравне с гражданами, указанными в пункте 1, право на денежную компенсацию имеют лица, репрессированные по политическим мотивам на территории Российской Федерации и реабилитированные в установленном порядке до принятия Закона.

3. Наследникам лиц, указанных в пунктах 1 и 2, выплата компенсации не производится, кроме случаев, когда компенсация была начислена, но не получена реабилитированным.

ПОРЯДОК ОБРАЩЕНИЯ ЗА ДЕНЕЖНОЙ КОМПЕНСАЦИЕЙ

4. Заявление о начислении денежной компенсации (по форме согласно положению) лицами, указанными в пунктах 1 и 2, подается в органы социальной защиты населения Российской Федерации в следующем порядке:

– постоянно проживающими в Российской Федерации – в органы социальной защиты населения по месту жительства;

– проживающими за пределами Российской Федерации – в органы социальной защиты населения по последнему месту жительства в Российской Федерации до применения репрессии, а в случаях, когда место жительства определить невозможно, – по месту применения репрессии.

5. Для подтверждения права на компенсацию заявителем представляются справка (или ее дубликат) о реабилитации и справка (или ее дубликат) о времени нахождения в местах лишения свободы, выдаваемая органами внутренних дел, или справка (или ее дубликат) о времени нахождения на принудительном лечении в психиатрических лечебных учреждениях, выдаваемая этими учреждениями. Вместе с подлинниками (или дубликатами) справок представляются также и их копии, которые заверяются органом социальной защиты населения, принявшим документы.

Документы о реабилитации, выданные в государствах – бывших республиках СССР или государственными органами бывшего СССР, имеют силу на территории Российской Федерации.

В случаях, когда решение о реабилитации вынесено государствами – бывшими республиками СССР в отношении лиц, обвинявшихся в совершении преступлений, перечисленных в ст. 4 Закона, заключение о непротиворечии этого решения о реабилитации законодательству Российской Федерации дает Генеральная прокуратура Российской Федерации по запросу Министерства социальной защиты населения Российской Федерации.

Лица, репрессированные за пределами Российской Федерации и реабилитированные компетентными органами государств – бывших республик СССР и постоянно проживающие на территории России, для подтверждения своего права на компенсацию в соответствии со ст. 15 Закона представляют также документ о том, что они не получили аналогичную денежную компенсацию от государств – бывших республик СССР.

6. Лица, получившие компенсацию в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», представляют справку финансовых органов о размере выплаченной компенсации.

7. Орган социальной защиты населения, принявший заявление о начислении компенсации, выдает расписку в приеме заявления и приложенных к нему документов.

8. В органах социальной защиты населения учет и регистрация обращений ведется в специальном журнале.

9. После начисления компенсации органы социальной защиты населения ставят на оборотной стороне справки (или ее дубликата) о реабилитации штамп и возвращают ее заявителю.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ И НАЧИСЛЕНИЯ КОМПЕНСАЦИИ

10. Назначение компенсации производится в течение 10 дней со дня приема заявления со всеми необходимыми документами.

11. Орган социальной защиты населения определяет сумму компенсации из расчета три четверти установленного Законом минимального размера оплаты труда за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях, но не более 100 установленных Законом минимальных размеров оплаты труда.

Денежная компенсация за неполный месяц определяется пропорционально числу дней лишения свободы в данном месяце из расчета три четверти установленного Законом минимального размера оплаты труда за полный месяц.

Если имеются сведения о выплаченной в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года сумме ущерба, то размер денежной компенсации уменьшается на эту сумму.

При исчислении размера денежной компенсации применяется установленный Законом минимальный размер оплаты труда, действующий на дату принятия органом социальной защиты населения решения о начислении компенсации.

При изменении в централизованном порядке минимального размера оплаты труда выплачиваемая сумма компенсации не пересматривается.

12. Проживающим за пределами Российской Федерации начисление компенсации производится органами социальной защиты населения по последнему месту жительства репрессированного в Российской Федерации до применения репрессии, а в случаях, когда место жительства определить невозможно, – по месту применения репрессии.

Выплата или перерасчет размеров компенсации лицам, получившим ее в государствах – бывших республиках СССР, не производится.

ПОРЯДОК ВЫПЛАТЫ КОМПЕНСАЦИИ

13. Выплата компенсации производится одновременно, в рублях.

14. Выплата компенсации осуществляется через предприятия связи по поручениям органов социальной защиты населения в порядке, установленном для выплаты государственных пенсий.

15. Выплата денежной компенсации лицам пенсионного возраста и инвалидам при необходимости может быть произведена по решению органов социальной защиты населения в первоочередном порядке.

16. В случае смерти реабилитированного начисленная, но неполученная сумма компенсации выплачивается единовременно наследникам при представлении ими свидетельства о праве на наследство.

17. Выплата компенсации лицам, указанным в пунктах 1 и 2, осуществляется:

- постоянно проживающим в Российской Федерации – органами социальной защиты населения по месту жительства;

- проживающим за пределами Российской Федерации – органами социальной защиты населения по последнему месту жительства в Российской Федерации до применения репрессии, а в случаях, когда место жительства определить невозможно, – по месту применения репрессии.

ПОРЯДОК ФИНАНСИРОВАНИЯ РАСХОДОВ НА ВЫПЛАТУ ДЕНЕЖНОЙ КОМПЕНСАЦИИ

18. Денежная компенсация, а также расходы, связанные с ее выплатой и доставкой, производятся за счет бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов с последующим возмещением произведенных расходов из федерального бюджета.

Впоследствии изменения и дополнения внесены постановлениями Правительства Российской Федерации: от 18.07.94 г. N 847; от 21.12.2000 г. N 999; от 04.08.2005 г. N 489; от 31.08.2007 г. N 551; от 27.01.2009 г. N 56; от 21.05.2012 г. N 496; от 25.03.2013 г. N 257; от 18.08.2018 г. N 970.

Документ 6

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Об утверждении Положения о комиссиях по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий»

Президиум Верховного Совета Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить Положение о комиссиях по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий (прилагается).

Положением определяются основы организации и деятельности комиссий. С учетом местных условий и объема работы могут вноситься дополнения в их функции и полномочия.

2. Изложить пункт 5 постановления Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 декабря 1991 года № 2046-1 «О комиссиях по реабилитации жертв политических репрессий» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1992 г., № 1, ст. 13) в следующей редакции:

«5. Рекомендовать представительным и исполнительным органам власти республик в составе РСФСР, краев, областей, городов Москвы, Санкт-Петербурга, автономной области, автономных округов, городов и районов образовать постоянные комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий с функциями контроля за исполнением Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», а также самостоятельного решения в соответствии с законодательством вопросов восстановления прав реабилитированных жертв политических репрессий».

3. Рекомендовать Президиумам Верховных Советов республик в составе Российской Федерации, малым Советам краевых и областных Советов народных депутатов, городским и районным Советам народных депутатов в двухмесячный срок утвердить состав, председателей и заместителей председателей комиссий, а также положения об организации и деятельности комиссий по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации
Р. И. Хасбулатов

Москва, Дом Советов России
30 марта 1992 г. № 2610-1

Документ 7

Утверждено Постановлением Президиума
Верховного Совета Российской Федерации
от 30 марта 1992 г. № 2110-1

**ПОЛОЖЕНИЕ
о комиссиях по восстановлению прав
реабилитированных жертв политических репрессий**

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий (далее – комиссии) образуются на основании пункта 5 постановления Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 16 декабря 1991 года «О комиссиях по реабилитации жертв политических репрессий» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1992 г., № 1, ст. 13) с функциями контроля за исполнением Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР 1991 г., № 44, ст. 1428), а также оказания содействия в восстановлении прав реабилитированных жертв политических репрессий (далее – реабилитированные), координации деятельности государственных органов управления, общественных организаций и объединений граждан, пострадавших от репрессий, по защите интересов и увековечению памяти жертв политических репрессий.

2. ПОРЯДОК ОБРАЗОВАНИЯ И СОСТАВ КОМИССИЙ

2.1. Комиссии образуются Верховными Советами республик в составе Российской Федерации, краевыми, областными, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономной области, автономных округов, городскими и районными Советами народных депутатов по представлению соответствующих органов исполнительной власти. Комиссии состоят при исполнительных органах власти.

2.2. В состав комиссий входят: народные депутаты Советов и работники исполнительных органов власти соответствующих уровней, финансовых органов, органов социальной защиты населения и других учреждений. В работе комиссии могут участвовать представители органов прокуратуры, внутренних дел и безопасности.

Кандидаты в члены комиссии предлагаются соответствующими Советами народных депутатов и их исполнительными органами, а от других государственных органов и учреждений – руководителями этих органов и учреждений.

В комиссию также включаются представители общественных организаций и объединений граждан, пострадавших от политических репрессий, на основании решений руководящих органов этих организаций и объединений.

2.3. На постоянной основе формируется аппарат комиссии, как правило, из числа работников органа исполнительной власти. Количественный состав аппарата определяется, исходя из местных условий.

Председатель комиссии назначается, как правило, из числа народных депутатов или других членов комиссии, заместитель председателя комиссии – из числа заместителей руководителя органа исполнительной власти.

2.4 Состав комиссии, а также положение об организации и деятельности комиссии, разработанные с учетом настоящего Положения, утверждаются соответствующим Советом народных депутатов.

2.5 Материально-техническое обеспечение работы комиссии возлагается на орган исполнительной власти, при котором состоит комиссия. Финансирование комиссии осуществляется самостоятельно за счет соответствующего местного бюджета.

3. ФУНКЦИИ И ПОЛНОМОЧИЯ КОМИССИИ

3.1 Комиссия наделяется полномочиями самостоятельно решать в соответствии с законодательством вопросы восстановления прав реабилитированных жертв политических репрессий.

3.2 Комиссия при правительстве республики в составе Российской Федерации, краевом, областном, Московском городском, Санкт-Петербургском городском, автономной области и автономного округа органе исполнительной власти:

- осуществляет контроль за деятельностью соответствующих структур органов управления (социальной защиты населения, финансов, торговли, здравоохранения и других) по реализации Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» и изданных на его основе нормативных актов о восстановлении прав реабилитированных в порядке, установленном законодательством о полномочиях органов исполнительной власти;

- координирует работу государственных органов управления, общественных организаций, объединений граждан, пострадавших от политических репрессий, по реабилитации, предоставлению льгот, восстановлению прав реабилитированных и увековечению их памяти, розыску и содержанию в надлежащем порядке мест их захоронения;

- на основании данных, полученных от правоохранительных органов и архивных учреждений, организует совместно с общественными организациями и объединениями граждан, пострадавших от репрессий, персональный учет репрессированных, ведение Книг памяти, списков реабилитированных, организует публикации соответствующих сообщений в средствах массовой информации;

- изучает и анализирует работу государственных органов управления и общественных организаций по реализации законодательства о восстановлении прав реабилитированных и вносит предложения в соответствующие органы власти об устранении недостатков в этой работе;

- вносит в соответствующие Советы народных депутатов и исполнительные органы власти предложения о предоставлении дополнительных льгот и улучшении материально-бытовых условий реабилитированных;

- рассматривает заявления и разрешает жалобы реабилитированных, других граждан и организаций на действия и решения комиссий при районных, городских (и им соответствующих) органах исполнительной власти по вопросам восстановления прав реабилитированных.

3.3. Комиссия при городском, районном (и им соответствующем) органе исполнительной власти:

- рассматривает заявления реабилитированных о выплате единовременной денежной компенсации, предоставлении льгот, восстановлении трудовых, жилищных, пенсионных, имущественных и других прав, утраченных ими в связи с политическими репрессиями;

- оказывает помощь заявителям в розыске и оформлении необходимых документов и материалов, для чего направляет просьбы в органы прокуратуры, внутренних дел, безопасности, запросы в архивные учреждения и другие организации о предоставлении документов

и материалов, проведении проверок и установлении фактов, имеющих значение для решения вопросов по восстановлению прав реабилитированных;

– на основе собранных и представленных документов и материалов выносит заключение о праве на денежную компенсацию, о предоставлении льгот и возмещении вреда реабилитированным, выдает свидетельства о праве на льготы на основании документов о реабилитации и материалы с заключением о праве на получение денежной компенсации направляет в соответствующий орган социальной защиты населения;

– дает рекомендации органам государственного управления, общественным организациям, в компетенции которых входит исполнение требований законодательства о предоставлении льгот и восстановлении прав реабилитированных в соответствии с правилами, установленными законодательством Российской Федерации, решениями местных органов представительной и исполнительной власти;

– разъясняет реабилитированным их права и порядок получения денежной компенсации, полагающихся им льгот;

– ведет учет выплаты денежных компенсаций и возмещения материального ущерба реабилитированным на основе данных, полученных из соответствующих органов, осуществляющих такие выплаты;

– совместно с общественными организациями и органами общественной самодеятельности граждан проводит обследование материально-бытовых условий лиц, пострадавших от репрессий, и принимает меры по оказанию им необходимой помощи;

– организует ведение Книг памяти, публикацию списков и сообщений о реабилитации конкретных лиц в органах печати местных Советов народных депутатов.

4. РЕГЛАМЕНТ РАБОТЫ КОМИССИИ

4.1. Заседания комиссии созываются по мере необходимости. Заседание является правомочным, если на нем присутствует более половины членов комиссии.

Ведется протокол заседания, решения принимаются простым большинством голосов присутствующих членов комиссии. Решение оформляется в виде заключения, которое подписывается председателем и секретарем комиссии.

В заседании комиссии вправе принимать участие заявитель или его представители, работники государственных или общественных организаций, имеющих отношение к обсуждаемому вопросу, а также представители средств массовой информации.

4.2. Решения комиссий о восстановлении прав реабилитированных могут быть обжалованы в порядке, установленном для обжалования действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан.

Документ 8

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»

Существовавшая в годы тоталитарного режима практика принятия без опубликования в печати законов, подзаконных актов и ведомственных директив об установлении различных видов юридической ответственности, организации и деятельности репрессивного аппарата являлась грубейшим нарушением норм государственной жизни и прав человека.

Учитывая законное право граждан на получение правдивой информации о творившемся произволе, необходимость преодоления его тяжелых последствий и недопущения подобного в будущем, постановляю:

1. Рассекретить законодательные акты, решения правительственных, партийных органов и ведомственные акты, служившие основанием для применения массовых репрессий и посягательств на права человека, по вопросам:

– организации и деятельности общих и специальных судов, внесудебных органов, а также органов внутренних дел и государственной безопасности в области применения мер государственного принуждения;

– организации и деятельности исправительно-трудовых учреждений, администрации мест поселения, режима отбывания различных видов наказаний;

– установления уголовной и других видов юридической ответственности, применения репрессий в административном порядке {насиленного выселения из мест проживания, направления в ссылку, на спецпоселение и др.);

– применения принудительного труда, в частности мобилизации в военизированные трудовые формирования с ограничением свободы;

– применения различных мер принуждения и ограничения прав в отношении бывших военнопленных и интернированных из числа советских и иностранных граждан, лиц без гражданства;

– помещения лиц на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения.

2. Перечисленные в пункте 1 настоящего Указа нормативные и иные акты подлежат рассекречиванию независимо от времени их издания.

Снять с этих актов ограничения на ознакомление с ними и их публикацию.

Рассекречиванию подлежат также сведения о числе лиц, необоснованно подвергшихся наказаниям в уголовном и административном порядке и иным мерам государственного принуждения за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам, протоколы заседаний внесудебных органов, служебная переписка и другие материалы, непосредственно связанные с политическими репрессиями.

3. Не подлежат рассекречиванию нормативные и методические материалы по оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов.

4. Министерству безопасности Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации, Комитету по делам архивов при Правительстве Российской Федерации и другим министерствам и ведомствам обеспечить выполнение настоящего Указа в течение 3 месяцев со дня его подписания.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль.
23 июня 1992 г.
№ 658

Документ 9

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О порядке предоставления льгот реабилитированным лицам, проживающим на территории Российской Федерации»

Верховный Совет Российской Федерации постановляет:

1. Лицам, подвергшимся необоснованным политическим репрессиям по решению советских органов на территориях бывших союзных республик или вне пределов бывшего СССР и постоянно проживающим в Российской Федерации, льготы, предусмотренные Законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», предоставляются по месту их жительства. Основанием для предоставления льгот являются документы об их реабилитации, выданные уполномоченными на то бывшими союзными органами или органами бывших союзных республик.

2. Комиссии Совета Республики Верховного Совета Российской Федерации по социальной политике и Правительству Российской Федерации в двухмесячный срок подготовить и представить в Верховный Совет Российской Федерации предложения о внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» по распространению льгот, предусмотренных частью второй статьи 94 и статьей 110 этого Закона, на проживающих в Российской Федерации реабилитированных лиц, которые были репрессированы вне ее территории, на лиц, находившихся на спецпоселении или привлекавшихся к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также об установлении минимального возраста, с которого должно производиться льготное исчисление трудового стажа для всех категорий лиц, находившихся на спецпоселении.

Председатель Верховного Совета Российской Федерации
Р. И. Хасбулатов

Москва, Дом Советов России
26 июня 1992 г.
№ 3131-1

Документ 10

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Об утверждении Положения о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий»

В соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Утвердить прилагаемое Положение о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий.

Министерству финансов Российской Федерации предусматривать в федеральном бюджете, начиная с 1994 года, необходимые средства для обеспечения предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий.

2. Утвердить прилагаемый образец бланка свидетельства о праве на льготы, выдаваемого лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, его описание и технические условия изготовления.

Комитету Российской Федерации по печати изготовить по заказу Министерства социальной защиты населения Российской Федерации бланки свидетельств о праве на льготы, в соответствии с утвержденным настоящим постановлением образцом.

Комитету Российской Федерации по государственным резервам выделить необходимые материальные ресурсы для изготовления этих бланков.

3. Органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации принять меры по предоставлению реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, льгот, предусмотренных настоящим постановлением.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. Черномырдин

Москва
3 мая 1994 г.
№ 419

Впоследствии внесены изменения и дополнения 18 сентября 1995 г., 7 июня 2001 г., 24 августа, 5 сентября 2002 г., 8 августа, 14 октября 2003 г., 13 июля 2004 г.

Постановлением Правительства РФ от 4 августа 2005 г. N 489 настоящее постановление признано утратившим силу.

Утверждено Постановлением Правительства
Российской Федерации от 3 мая 1994 г. № 419

ПОЛОЖЕНИЕ о порядке предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий

Настоящее Положение определяет порядок предоставления льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий, в соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий»

Лица, имеющие право на льготы

1. Льготы, предусмотренные настоящим Положением, распространяются на:

– лиц, подвергшихся политическим репрессиям в виде лишения свободы, ссылки, высылки, направления на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», иным ограничениям прав и свобод, необоснованно помещавшихся в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированных, в том числе граждан из числа репрессированных народов, подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации по признакам национальной и иной принадлежности (далее именуются – реабилитированные лица);

– лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, включая граждан из числа репрессированных народов, подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации по признакам национальной и иной принадлежности (далее именуются – лица, признанные пострадавшими), в том числе:

– детей в возрасте до 16 лет, находившихся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении;

– детей, оставшихся в несовершеннолетнем возрасте без попечения одного или обоих родителей, необоснованно репрессированных по политическим мотивам;

– детей, супругу (супруга), родителей лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно. Супруге (супругу) льготы предоставляются, если она (он) не вступила (вступил) в другой брак.

Указанные в настоящем пункте лица имеют право на льготы, предусмотренные настоящим Положением, при условии, что они имеют инвалидность или являются пенсионерами и постоянно проживают на территории Российской Федерации.

Льготы по медицинскому, санаторно-курортному лечению и протезно-ортопедическому обеспечению

2. Реабитированные лица и лица, признанные пострадавшими, имеют право:

– на внеочередное оказание медицинской помощи и обеспечение лекарственными средствами по рецептам врачей со скидкой 50 процентов с их стоимости, а являющиеся инвалидами 1 группы и неработающими инвалидами 2 группы – на отпуск лекарственных средств и изделий медицинского назначения в соответствии с перечнем, утвержденным Правительством Российской Федерации, по рецептам врачей бесплатно в порядке, установленном Министерством здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации;

– на первоочередное получение путевок для санаторно-курортного лечения и отдыха. Путевки выдаются неработающим инвалидам и пенсионерам органами, назначившими пенсии, а работающим – по месту работы на основании заявления при предъявлении свидетельства о праве на льготы и медицинского заключения лечебного учреждения

о необходимости санаторного лечения.

3. Реабилитированным лицам производится бесплатное изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов) в государственных и муниципальных медицинских учреждениях.

Льготное обеспечение указанных лиц протезно-ортопедическими изделиями осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Льготы по обеспечению транспортными средствами и оплате проезда

4. Реабилитированные лица имеют право на бесплатное получение автомобиля класса ЗАЗ-968М с ручным управлением при наличии установленных медицинских показаний на обеспечение мотоколяской и при отсутствии противопоказаний к вождению автомобиля, определяемых ВТЭК.

При этом получившим автомобиль выплачивается компенсация в установленных размерах на бензин, ремонт, техническое обслуживание автотранспортных средств и запасные части к ним.

Компенсация на транспортное обслуживание не выплачивается. Автомобили выдаются на семилетний срок эксплуатации без права продажи и передачи. В случае приобретения инвалидами автомобилей других марок органы социальной защиты населения производят зачет стоимости полагающегося бесплатно автомобиля соответствующей модификации.

После смерти реабилитированных лиц, получивших автомобили класса ЗАЗ-968М бесплатно, эти автомобили наследуются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

5. Реабилитированным лицам предоставляется в пределах территории Российской Федерации бесплатный проезд один раз в год (туда и обратно) железнодорожным транспортом, а в районах, не имеющих железнодорожного сообщения, – водным, воздушным или междугородным автомобильным транспортом с 50-процентной скидкой со стоимости проезда.

Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими, работающие или проживающие в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, имеют право на бесплатный проезд один раз в два года (туда и обратно) на условиях, предусмотренных Законом Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

Компенсация расходов на проезд реабилитированным лицам, в том числе лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним, производится при предъявлении проездных билетов по месту их постоянного жительства органами, назначившими пенсию.

6. Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими, имеют право на бесплатный проезд всеми видами городского пассажирского транспорта (кроме такси), автомобильным и водным транспортом общего пользования (кроме такси) в пределах административного района проживания, а также железнодорожным и водным транспортом пригородного сообщения и автобусами пригородных маршрутов.

Указанные в настоящем пункте льготы предоставляются при предъявлении свидетельства о праве на льготы.

Жилищно-бытовые и коммунальные льготы

7. Реабилитированные лица (независимо от наличия инвалидности или получения пенсии) и члены их семей, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, равно как и возвращающиеся к месту проживания до применения к ним репрессий реабилитированные лица и члены их семей, включая членов семей и родственников, проживающих совместно с репрессированными лицами до применения к ним репрессий, а также дети, родившиеся в местах лишения свободы, ссылке, высылке, на спецпоселении, имеют право на первоочередное получение жилья,

а проживающие в сельской местности или возвращающиеся в эти местности – на получение беспроцентной ссуды и первоочередное обеспечение строительными материалами для строительства жилья.

Указанные в настоящем пункте лица принимаются на учет для обеспечения жилой площадью органами местного самоуправления по согласованию с комиссиями по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, образованными в установленном законодательством порядке, без представления документов о выписке с прежнего места жительства и сдаче занимаемого помещения. Эти документы представляются указанными лицами непосредственно при получении жилых помещений.

8. Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими, а также проживающие совместно с ними члены их семей имеют право на снижение размера оплаты жилья на 50 процентов в пределах социальной нормы площади жилья.

Им предоставляется также скидка в размере 50 процентов с установленной платы за пользование коммунальными услугами (водоснабжение, водоотведение, газ, электрическая и тепловая энергия) в пределах нормативов потребления коммунальных услуг, а также со стоимости топлива, приобретаемого в пределах норм, установленных для продажи населению, проживающему в домах без центрального отопления.

Льготы по оплате жилья предоставляются лицам, проживающим в домах государственного, муниципального и общественного жилищных фондов.

Льготы по оплате коммунальных услуг предоставляются лицам, проживающим в домах всех форм собственности.

9. Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими, имеют право:

– на первоочередную установку телефона, при этом реабилитированным лицам установка телефона производится бесплатно в порядке, устанавливаемом органами местного самоуправления;

– на первоочередное вступление в садоводческие товарищества и жилищно-строительные кооперативы;

– на льготное обеспечение продовольственными и промышленными товарами. Порядок прикрепления к специализированным магазинам (специализированным отделам в магазинах) либо к отделам заказов для приобретения продуктов определяется органами местного самоуправления.

Другие льготы

10. Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими, имеют право на внеочередной прием в дома-интернаты для престарелых и инвалидов, проживание в них на полном государственном обеспечении с выплатой не менее 25 процентов назначенной пенсии в порядке, предусмотренном Законом РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР».

11. Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими (независимо от наличия инвалидности или получения пенсии), имеют право на бесплатную консультацию адвокатов по вопросам, связанным с реабилитацией, а также освобождаются от уплаты государственных пошлин и возмещения судебных расходов при обращении в государственные органы и суд по вопросам, возникающим в связи с применением Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», за исключением споров между этими лицами и их наследниками.

Указанные в настоящем пункте льготы предоставляются при предъявлении свидетельства о праве на льготы либо документов о реабилитации или о признании пострадавшими от политических репрессий.

Документы, подтверждающие право на льготы

12. Реабилитированным лицам выдается свидетельство о праве на льготы для

реабилитированных лиц, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 1992 г. № 160, а лицам, признанным пострадавшими, – свидетельство о праве на льготы для лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, утвержденное настоящим постановлением.

Свидетельства о праве на льготы выдаются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или по их поручению комиссиями по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, образованными в установленном законодательством порядке, на основании соответственно документов о реабилитации или о признании пострадавшими от политических репрессий, выдаваемых правоохранительными органами, и пенсионного удостоверения либо справки ВТЭК об инвалидности.

Реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими от политических репрессий в государствах – бывших республиках СССР, но постоянно проживающим на территории Российской Федерации, свидетельства о праве на льготы выдаются на основании документов о реабилитации или признании пострадавшими от политических репрессий, выданных уполномоченными на то органами в этих государствах, и при необходимости – заключений органов прокуратуры и органов внутренних дел Российской Федерации о соответствии оснований выдачи указанных документов законодательству Российской Федерации.

До получения свидетельств о праве на льготы, предусмотренные для указанных лиц, льготы предоставляются при предъявлении справок установленной формы, выдаваемых правоохранительными органами соответственно для реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими, и пенсионного удостоверения либо справки ВТЭК об инвалидности.

13. Реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими, являющимся инвалидами вследствие общего заболевания и других причин (за исключением лиц, инвалидность которых наступила вследствие их противоправных действий), у которых определен срок пересвидетельствования, свидетельство о праве на льготы выдается на период установленной группы инвалидности.

Порядок финансирования расходов на предоставление льгот

14. Расходы, связанные с предоставлением льгот реабилитированным лицам и лицам, признанным пострадавшими, предусмотренных настоящим Положением, производятся за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов с последующим возмещением произведенных расходов из федерального бюджета.

Впоследствии изменения внесены постановлениями Правительства Российской Федерации от 18.09.95 г. N 927; от 07.06.2001 г. N 449; от 24.08.2002 г. N 630; от 05.09.2002 г. N 658; от 08.08.2003 г. N 476; от 14.10.2003 г. N 625; от 13.07.2004 г. N 349.

Документ 12

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О погребении реабилитированных лиц в случае их смерти за счет государства»

Во исполнение Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям, взявшим на себя организацию погребения реабилитированных лиц в случае их смерти, в том числе граждан из числа репрессированных народов, подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации по признакам национальной и иной принадлежности (далее именуются реабилитированные лица),

либо привлекаемым по усмотрению органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации для организации погребения указанных лиц специализированным предприятиям, учреждениям, обеспечивающим ритуальное обслуживание населения, производится возмещение затрат, связанных с погребением, в объеме, необходимом для оплаты следующих видов услуг:

- содержание умершего в морге;
- оформление документов, необходимых для погребения умершего;
- приобретение гроба, урны, венка;
- доставка гроба к дому или моргу, перевозка гроба с телом из дома или морга к месту захоронения (кремации);
- захоронение (кремация, захоронение урны).

Дополнительные виды услуг сверх указанных оплачиваются за счет граждан, предприятий, учреждений, организаций, взявших на себя организацию похорон.

2. Затраты, связанные с погребением реабилитированных лиц, возмещаются органами социальной защиты населения за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов в пределах перечня ритуальных услуг, указанных в пункте 1 настоящего постановления, за вычетом выплачиваемого в соответствии с действующим законодательством ритуального пособия.

Основанием для возмещения указанных затрат являются платежные документы, подтверждающие факт произведенных затрат, исходя из минимальных цен и тарифов на услуги по погребению, действующих в данной местности на момент смерти реабилитированного лица, а также копия документа о реабилитации и справка о смерти реабилитированного лица.

Возмещение гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям затраченных средств на погребение реабилитированных лиц производится в 10-дневный срок от даты представления соответствующих документов при условии, что обращение за ним последовало не позднее шести месяцев со дня смерти реабилитированного лица.

3. Расходы, связанные с погребением реабилитированных лиц, произведенные за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации или местных бюджетов, возмещаются из федерального бюджета.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. Черномырдин

Москва.
1 июня 1994 г.
№ 616

Постановлением Правительства РФ от 4 августа 2005 г. N 489 настоящее постановление признано утратившим силу.

Документ 13

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О гарантиях прав и свобод граждан в Российской Федерации»

В целях обеспечения реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Законами Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» и «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации», и в связи с поступившими обращениями Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, граждан Мильштейна С.И. и других, руководствуясь частью 2 статьи 80 Конституции Российской Федерации, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации в месячный срок утвердить:

– во исполнение статей 16 и 16-1 Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» – Положение о возврате незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путем из владения в связи с репрессиями имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций и их перерасчета;

– в соответствии со статьей 3 Закона Российской Федерации «О выплате пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации»

– Порядок выплаты пенсий гражданам, выезжающим на постоянное жительство за пределы Российской Федерации.

2. Контроль за исполнением настоящего Указа возложить на Председателя Правительства Российской Федерации.

3. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Кремль.
22 июня 1994 г.
№ 1324

Документ 14

ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О реабилитации жертв политических репрессий»

(в редакции Законов РФ от 26.06.1992 N 3130-1, от 22.12.1992 N 4185-1, от 03.09.1993 N 5698-1; Указа Президента РФ от 24.12.1993 N 2288; Федеральных законов от 04.11.1995 N 166-ФЗ, от 07.08.2000 N 122-ФЗ, от 09.02.2003 № 26-ФЗ, с изменениями, внесенными Постановлением Конституционного Суда РФ от 23.05.1995 N 6-П, Указом Президента РФ от 08.06.1996 N 858, Определением Конституционного Суда РФ от 18.04.2000 № 103-О, Федеральными законами от 27.12.2000 N 150-ФЗ, от 30.12.2001 N 194-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ)

За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам.

Осуждая многолетний террор и массовые преследования своего народа как несовместимые с идеей права и справедливости, Федеральное Собрание Российской Федерации выражает глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявляет о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека.

Целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посылкой в настоящее время компенсации материального ущерба.

I. Общие положения

Статья 1. Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц,

признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями.

Статья 1.1. Подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации признаются:

- дети, находившиеся вместе с репрессированными по политическим мотивам родителями или лицами, их заменявшими, в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении;
- дети, оставшиеся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированных по политическим мотивам.

Статья 2. Настоящий Закон в части порядка реабилитации распространяется:

- на граждан Российской Федерации, граждан государств – бывших союзных республик СССР, иностранных граждан и лиц без гражданства, подвергшихся политическим репрессиям на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года;
- на лиц, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, репрессированных советскими судебными и административными органами, действовавшими за пределами СССР, либо военными трибуналами, либо центральными судами Союза ССР и внесудебными органами (Верховным Судом СССР и его коллегиями, Коллегией ОГПУ СССР, Особым совещанием при НКВД - МГБ - МВД СССР, Комиссией НКВД СССР и Прокуратуры СССР по следственным делам);
- на иностранных граждан, репрессированных по решению судов Союза ССР или внесудебных органов за пределами СССР по обвинению в деяниях против граждан СССР и интересов СССР. Вопросы реабилитации иностранных граждан, репрессированных по решению судов Союза ССР или внесудебных органов за пределами СССР на основании международных законов за деяния против интересов Объединенных Наций во второй мировой войне, решаются в соответствии с международными соглашениями Российской Федерации с заинтересованными государствами.

Статья 2.1. Пострадавшими от политических репрессий признаются дети, супруга (супруг), родители лиц, расстрелянных или умерших в местах лишения свободы и реабилитированных посмертно.

Статья 3. Подлежат реабилитации лица, которые по политическим мотивам были:

- а) осуждены за государственные и иные преступления;
- б) подвергнуты уголовным репрессиям по решениям органов ВЧК, ГПУ–ОГПУ, УНКВД–НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегий, комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов, осуществлявших судебные функции;
- в) подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колоннах НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод;
- г) необоснованно помещены по решениям судов и несудебных органов в психиатрические учреждения на принудительное лечение;
- д) необоснованно привлечены к уголовной ответственности и дела на них прекращены по нереабилитирующим основаниям;
- е) признаны социально опасными по политическим мотивам и подвергнуты лишению свободы, ссылке, высылке по решениям судов и внесудебных органов без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления.

Статья 4. Не подлежат реабилитации лица, перечисленные в статье 3 настоящего Закона, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений:

а) измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия;

б) совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны;

в) организация бандформирований, совершавших убийства, грабежи и другие насильственные действия, а также принимавших личное участие в совершении этих деяний в составе бандформирований;

г) военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Кроме того, не подлежат реабилитации направленные в административном порядке на спецпоселение лица из числа репатриированных советских граждан (военнопленных и гражданских лиц), служивших в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной Армии, партизан, армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения, за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной Армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления.

Статья 5. Признаются не содержащими общественной опасности нижеперечисленные деяния и реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения лица, осужденные за:

а) антисоветскую агитацию и пропаганду;

б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй;

в) нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви;

г) посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов,

д) побег из мест лишения свободы, ссылки и спецпоселения, мест привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы лиц, которые находились в указанных местах в связи с необоснованными политическими репрессиями.

то есть по статьям 70 (в редакции, действовавшей до Указа Президиума Верховного Совета Российской Федерации от 11 сентября 1990 года), 190.1, а также по статьям 142 и 227 Уголовного кодекса Российской Федерации и аналогичным нормам ранее действовавшего законодательства.

II. Порядок реабилитации

Статья 6. Заявления о реабилитации могут быть поданы самими репрессированными, а равно любыми лицами или общественными организациями. Заявления подаются по месту нахождения органа или должностного лица, принявшего решение о применении репрессий, либо по месту жительства заявителя, в отношении лиц, указанных в пункте «в» статьи 3 настоящего Закона, – в органы внутренних дел, в отношении прочих репрессированных – в органы прокуратуры.

Срок рассмотрения заявлений о реабилитации не может превышать трех месяцев.

Статья 7. Органы внутренних дел по заявлениям заинтересованных лиц или общественных организаций устанавливают факт применения ссылки, высылки, направления на

спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы и иных ограничений прав и свобод, установленных в административном порядке, и составляют заключение и выдают справку о реабилитации или сообщают об отказе в выдаче такой справки.

При отсутствии документальных сведений факт применения репрессии может быть установлен на основании свидетельских показаний в судебном порядке (ч. 2 ст. 7 утрачивает силу с 1 января 2006 года – ФЗ от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ).

Решение органов внутренних дел об отказе в выдаче справки о реабилитации может быть обжаловано в суд в порядке, предусмотренном для обжалования неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан.

Статья 8. Органы прокуратуры с привлечением по их поручению органов государственной безопасности и внутренних дел устанавливают и проверяют все дела с неотменными до введения в действие настоящего Закона решениями судов и несудебных органов на лиц, подлежащих реабилитации в соответствии с п.п. «а», «б», «г», «д», «е», статьи 3 и статьей 5 настоящего Закона. Порядок указанной работы и распределение обязанностей определяются Генеральным прокурором Российской Федерации.

По материалам проверки органы прокуратуры составляют заключения и выдают справки о реабилитации заявителям, а при отсутствии таковых периодически представляют сведения о реабилитированных для публикации в местной печати.

При отсутствии оснований для реабилитации органы прокуратуры по указанным в пункте «д» статьи 3 настоящего Закона делам составляют заключение об отказе в реабилитации, а по указанным в пунктах «а», «б», «г» и «е» статьи 3 настоящего Закона делам в случае поступления заявлений заинтересованных лиц или общественных организаций направляют эти дела с заключениями в суд в соответствии со статьей 9 настоящего Закона.

В отношении лиц, обвинявшихся в контрреволюционных, особо опасных государственных преступлениях по совокупности с другими видами преступлений, либо когда в действиях лиц усматриваются признаки не контрреволюционных, особо опасных государственных, а других видов преступлений, пересмотр дел и материалов производится в общем порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Статья 8.1. По заявлениям заинтересованных лиц или общественных организаций о признании подвергшимся политическим репрессиям и подлежащими реабилитации лиц, указанных в статье 1.1 настоящего Закона, либо пострадавшими от политических репрессий детей, супругов, родителей репрессированных лиц, указанных в статье 2.1 настоящего Закона, органы прокуратуры и внутренних дел проверяют материалы уголовных и административных дел, составляют заключения и выдают справки о признании лиц подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации либо пострадавшими от политических репрессий или сообщают об отказе в их выдаче соответственно: органы прокуратуры – в случаях, когда репрессии осуществлялись по решениям судов и внесудебных органов; органы внутренних дел – в случаях когда репрессии осуществлялись в административном порядке органами исполнительной власти, должностными лицами, общественными организациями или их органами, наделавшимися административными полномочиями.

Решения об отказе в выдаче справок о признании лиц подвергшимися политическим репрессиям и подлежащими реабилитации либо пострадавшими от политических репрессий могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном Законом Российской Федерации «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан».

Статья 9. Решения по делам, предусмотренным частью третьей статьи 8 настоящего Закона, принимаются:

а) на осужденных – судами, которыми выносились последние судебные решения. Дела, по которым приговоры, определения, постановления были вынесены упраздненными или расформированными судами, а также военными трибуналами в отношении гражданских лиц,

передаются на рассмотрение тех судов, к подсудности которых эти дела отнесены по действующему законодательству. Территориальная подсудность дела определяется по месту вынесения последнего судебного решения;

б) подвергнутых внесудебным репрессиям: в отношении гражданских лиц – Верховными Судами автономных республик, областными, краевыми судами, судами автономных областей, автономных округов, а в отношении военнослужащих – военными трибуналами округов и флотов, на территории которых действовали соответствующие несудебные органы.

В случае спора о подсудности дела могут передаваться из одного суда в другой по распоряжению Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

Дела, предусмотренные частями третьей и четвертой статьи 8 настоящего Закона, разрешенные бывшим Верховным Судом СССР, пересматриваются Верховным Судом Российской Федерации: разрешенные судебными коллегиями Верховного Суда СССР – судебными коллегиями Верховного Суда Российской Федерации, разрешенные Пленумом Верховного Суда СССР – Президиумом Верховного Суда Российской Федерации. Президиум Верховного Суда Российской Федерации может также пересматривать дела данной категории, по которым им же принимались решения ранее.

Статья 10. Дела, поступившие в суд с отрицательным заключением прокурора, рассматриваются в судебных заседаниях по правилам пересмотра судебных решений в порядке надзора, установленном действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными настоящим Законом.

В результате рассмотрения дела суд признает лицо не подлежащим реабилитации либо признает, что лицо репрессировано необоснованно, отменяет состоявшееся решение и дело в отношении него прекращает. Суд может также внести изменения в ранее состоявшееся решение.

В отношении лица, признанного судом не подлежащим реабилитации, заявителю вручается копия определения (постановления) суда, а в случае признания его необоснованно репрессированным – справка о реабилитации. Определение (постановление) суда может быть опротестовано в вышестоящий суд по заявлению заинтересованных лиц или общественных организаций.

При пересмотре дела и внесении изменений в ранее принятые решения (в том числе о частичной реабилитации) заинтересованным лицам или общественным организациям по их просьбе выдается справка о результатах пересмотра дела.

В отношении других лиц, подвергшихся репрессиям в уголовном, административном порядке и ограничениям в правах и не указанных в статьях 3 и 5 настоящего Закона, действует установленный законодательством Российской Федерации общий порядок обжалования, опротестования и пересмотра решений судов или административных органов.

Статья 11. Документы о реабилитации или признании лиц пострадавшими от политических репрессий, выданные в государствах – бывших союзных республиках СССР или бывшими государственными органами СССР, имеют силу на территории Российской Федерации. При необходимости органы прокуратуры и внутренних дел Российской Федерации запрашивают у соответствующих органов государств – бывших союзных республик СССР, выдавших эти документы, сведения об основаниях реабилитации и дают заключение по запросам соответствующих ведомств при решении вопросов, указанных в части второй статьи 12 настоящего Закона.

Суды, органы прокуратуры и внутренних дел Российской Федерации, федеральные органы государственной безопасности, государственные архивы и органы, осуществляющие архивное хранение дел, связанных с репрессиями, по просьбам государственных и общественных организаций, а также граждан государств – бывших союзных республик СССР оказывают правовую помощь в вопросах, связанных с реабилитацией, включая пересылку выписок из дел, копий документов и других материалов по установлению фактов применения репрессий, конфискации, изъятия и утраты имущества.

Реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти – родственники

имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов. Ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов. Использование полученных сведений в ущерб правам и законным интересам проходящих по делу лиц и их родственников не допускается и преследуется в установленном законом порядке.

Реабилитированные лица и их наследники имеют право на получение сохранившихся в делах рукописей, фотографий и других личных документов.

По ходатайству заявителей органы, осуществляющие архивное хранение дел, связанных с репрессиями, обязаны, если располагают соответствующими сведениями, сообщить им время, причины смерти и место погребения реабилитированного.

III. Последствия реабилитации

Статья 12. Реабилитированные лица восстанавливаются в утраченных ими в связи с репрессиями социально-политических и гражданских правах, воинских и специальных званиях, им возвращаются государственные награды, предоставляются меры социальной поддержки, выплачиваются компенсации в порядке, устанавливаемом настоящим Законом и законами субъектов Российской Федерации.

Восстановление в правах лиц, репрессированных за пределами Российской Федерации, но постоянно проживающих на ее территории, предоставление им мер социальной поддержки и выплата компенсаций производится в том случае, если принятые в отношении их уполномоченными на то органами государств – бывших союзных республик СССР решения о реабилитации не противоречат законодательству Российской Федерации.

При признании лица необоснованно репрессированным только в части предъявленного обвинения осуществляется восстановление тех прав, которые были нарушены в связи с необоснованными политическими обвинениями.

Реабилитированным лицам и их наследникам возмещается причиненный в связи с репрессиями материальный вред за счет федерального бюджета.

Статья 13. Признается право реабилитированных лиц, утративших жилые помещения в связи с репрессиями, возвращаться для проживания в те местности и населенные пункты, где они проживали до применения к ним репрессий. В случае возвращения на прежнее место жительства реабилитированные лица и члены их семей принимаются на учет и обеспечиваются жилыми помещениями в порядке, предусмотренном законодательством субъектов Российской Федерации. Это право распространяется также на членов их семей и других родственников, проживавших совместно с репрессированными лицами до применения к ним репрессий, а также на детей, родившихся в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении. При отсутствии документального подтверждения факт вынужденного переселения, связанного с репрессиями родственников, может устанавливаться судом.

Статья 14. Восстанавливаются в гражданстве Российской Федерации все жители Российской Федерации, лишённые гражданства без их свободного волеизъявления. Восстановление в гражданстве осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации.

Статья 15. Лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированным, органами социальной защиты населения по месту их жительства на основании документов о реабилитации и о времени нахождения в местах лишения свободы и психиатрических лечебных учреждениях одновременно выплачиваются денежные компенсации из расчета 75 рублей за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях, но не более 10 000 рублей. Выплата компенсации наследникам

не производится, кроме случаев, когда компенсация была начислена, но не получена реабилитированным.

Лицам, на которых распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 года «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», компенсация производится за вычетом сумм, выплаченных на основании этого Указа.

Порядок выплаты компенсаций, предусмотренных настоящей статьей, распространяется на лиц, репрессированных за пределами Российской Федерации, но постоянно проживающих на ее территории. Выплата компенсаций этим лицам производится на основании документов о реабилитации и о времени пребывания в местах лишения свободы, выданных в государствах – бывших союзных республиках СССР или государственными органами бывшего Союза ССР. Выплата или перерасчет размеров компенсаций лицам, получившим ее в государствах – бывших союзных республиках СССР, не производится.

Лицам, которым при пересмотре дел и в связи с признанием необоснованности обвинений по политическим мотивам была изменена мера наказания, производится за время их пребывания в местах лишения свободы сверх срока, назначенного при пересмотре дел, выплата денежных компенсаций. Денежные компенсации в этих случаях выплачиваются на основании справок о результатах пересмотра дел.

Лицам, проживающим за пределами Российской Федерации, денежные компенсации выплачиваются по месту их жительства в Российской Федерации до применения репрессий, а в случаях, когда место жительства определить невозможно, – по месту применения репрессий.

Финансирование расходных обязательств по выплате денежных компенсаций, предусмотренных настоящей статьей, осуществляется за счет средств федерального бюджета в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Статья 16. Реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, обеспечиваются мерами социальной поддержки в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

Расходные обязательства по обеспечению мерами социальной поддержки реабилитированных лиц и лиц, признанных пострадавшими от политических репрессий, являются расходными обязательствами субъектов Российской Федерации.

Российская Федерация обеспечивает софинансирование мер социальной поддержки указанной категорией граждан путем предоставления бюджетам субъектов Российской Федерации субсидий, исходя из их фактической численности, в пределах объемов средств, выделяемых на эти цели в федеральном бюджете на очередной финансовый год.

Статья 16.1. Реабилитированным лицам возвращается конфискованное, изъятое и вышедшее иным путем из их владения в связи с репрессиями имущество, либо возмещается его стоимость, либо выплачиваются денежные компенсации.

Не подлежит возврату, возмещению или компенсации:

– имущество (в том числе жилые дома), национализированное (муниципализированное) либо подлежавшее национализации (муниципализации) в соответствии с законодательством, действовавшим на момент конфискации, изъятия, выхода имущества из владения иным путем;

– имущество, уничтоженное во время гражданской и Великой Отечественной войн, а также в результате стихийных бедствий;

– земля, плодово-ягодные насаждения, неубранные посевы;

– имущество, изъятое из гражданского оборота.

Реабилитированным лицам возмещается стоимость конфискованного жилого дома в порядке и размерах, предусмотренных частью шестой настоящей статьи.

Имущество возвращают государственные и общественные организации, у которых оно находится, без возмещения износа имущества и взыскания расходов на его хранение.

При невозможности возврата реабилитированным лицам сохранившегося имущества возмещается его стоимость в соответствии с произведенной в установленном порядке оценкой, но в размере не более 4 000 рублей за имущество без жилых домов или 10 000 рублей за все имущество, включая жилые дома. В таких же размерах возмещается стоимость несохранившегося имущества.

В случаях, когда факт конфискации, изъятия или выхода имущества из владения иным путем установлен, но отсутствуют или утрачены документы о характере, состоянии и количестве этого имущества, выплачиваются денежные компенсации в размере до 4 000 рублей за имущество без жилых домов или 10 000 рублей за все имущество, включая жилые дома. В случае смерти реабилитированных лиц возврат имущества, возмещение его стоимости или выплата денежных компенсаций производится их наследникам по закону первой очереди. При этом налог с имущества, переходящего в порядке наследования, не взимается.

Возврат имущества, возмещение его стоимости или выплата денежных компенсаций производится реабилитированным лицам по месту нахождения или реализации этого имущества на момент применения репрессий независимо от того, где были репрессированы и проживают в настоящее время реабилитированные лица.

Вынесенные решения соответствующих органов о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций не подлежат пересмотру, а выплаченные суммы – перерасчету.

Заявления о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций должны быть поданы в течение трех лет после введения в действие настоящего Закона, а в случае более поздней реабилитации – в течение трех лет с момента получения документа о реабилитации.

Решения о возврате имущества, возмещении его стоимости или выплате денежных компенсаций принимают органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Споры, связанные с возвратом имущества, возмещением его стоимости или выплатой денежных компенсаций, разрешаются судом.

Финансирование расходных обязательств по выплате денежной компенсации, предусмотренной настоящей статьей, осуществляется за счет средств федерального бюджета в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

Статья 17. Действие статей 12–16 настоящего Закона распространяется на жертвы политических репрессий, которые были реабилитированы до принятия настоящего Закона.

Порядок выплаты денежных компенсаций, возврата конфискованного имущества или возмещения его стоимости устанавливается специальными положениями, утверждаемыми Правительством Российской Федерации.

Статья 18. Списки лиц реабилитированных на основании настоящего Закона, с указанием основных биографических данных, обвинений, по которым они признаны реабилитированными, периодически публикуются органами печати.

Признанные в установленном порядке виновными в преступлениях против правосудия работники органов ВЧК, ГПУ-ОГПУ, УНКВД-НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры, судьи, члены комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек», работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, лица, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати.

Президент Российской Федерации Б. Ельцин

Москва, Дом Советов России
18 октября 1991 года
N 1761-1

Впоследствии изменения внесены 1 июля 2005 г., 1 июля, 30 ноября 2011 г., 9 марта 2016 г., 7 марта 2018 г.

**Состав Вологодской областной комиссии
по восстановлению прав реабилитированных жертв
политических репрессий**

Поздняков Иван Анатольевич – первый заместитель Губернатора области, председатель комиссии.

Смирнова Евгения Алексеевна – заместитель начальника департамента труда и социально-го развития области, заместитель председателя комиссии.

Хоробрая Нина Леонидовна – консультант первого заместителя Губернатора области, ответственный секретарь комиссии.

Члены комиссии:

Гладилова Ирина Александровна – заместитель начальника информационного центра УВД области.

Доронина Галина Александровна – начальник отдела финансирования социальной сферы департамента финансов области.

Калинина Лилия Константиновна – старший помощник прокурора области по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях, старший советник юстиции.

Ляпакова Нина Николаевна – заместитель управляющего отделением Пенсионного фонда Российской Федерации.

Наумова Ольга Алексеевна – начальник управления по делам архивов области.

Парфенов Вадим Михайлович – начальник группы регистрации архивных фондов УФСБ России по Вологодской области.

Фролова Ольга Геннадиевна – заместитель руководителя Управления Федерального казначейства Минфина России по Вологодской области.

В.В. Судаков – председатель комиссии по правам человека при Губернаторе Вологодской области, доктор педагогических наук, профессор

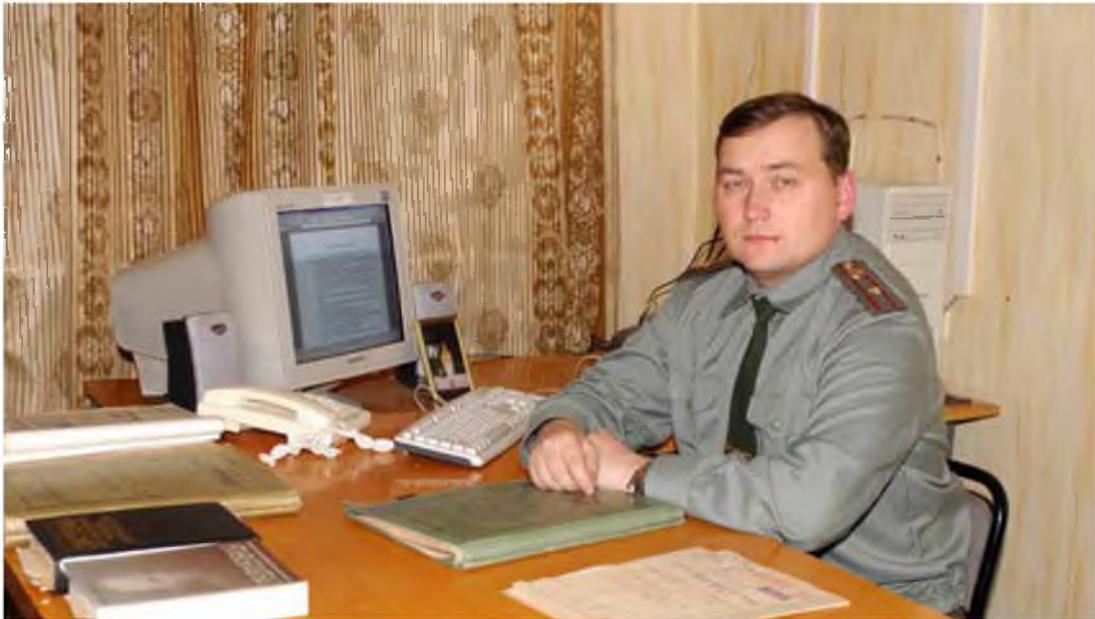
С.Н. Цветков – директор Вологодского областного архива новейшей политической истории, кандидат исторических наук

О.А. Наумова – начальник Управления по делам архивов Вологодской области, член областной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий

Л.К. Калинина – старший помощник прокурора Вологодской области по надзору за процессуальной деятельностью органов безопасности, член областной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий

С.И. Старостин – главный специалист отделения спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий информационного центра УВД Вологодской области

В.А. Забелинский – подполковник госбезопасности в отставке, внесший большой вклад в дело реабилитации репрессированных вологжан

ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОКУРАТУРА
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

160035, г. Вологда, ул. Пушкинская, 17
тел. (8172) 72-03-72, факс 72-46-50

07.11.2005 № 13-04-2005

Заместителю председателя редколле-
гии «Книги памяти жертв политиче-
ских репрессий Вологодской обла-
сти»

доктору исторических наук
Конасову В.Б.

Уважаемый Виктор Борисович!

В связи с Вашим запросом сообщая, что деятельность по реабилитации жертв политических репрессий начата прокуратурой области с 1988 года.

За это период проверено 10593 архивных уголовных дела в отношении 14 532 лиц, осужденных по политическим мотивам за совершение государственных и иных преступлений.

Полностью реабилитировано 12610 граждан. Отказано в реабилитации 212 лицам, обоснованно осужденным за измену Родине, пособничество фашистским оккупантам в годы Великой Отечественной войны и совершение террористических актов в отношении представителей государственной власти в период коллективизации.

Рассмотрено 13253 письменных обращения граждан по вопросам, связанным с реабилитацией, на личном приеме принято 2599 человек.

Старший помощник прокурора области
по надзору за процессуальной
деятельностью органов безопасности

старший советник юстиции

Л.К. Калинина

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Управление
по Вологодской области

И 11.2005 г. № 10/4-вх.1574

160000 Россия г.Вологда ул.Пушкинская 22
тлф. (8172) 72-01-00 факс (8172) 72-47-79

Комиссия по правам человека
при губернаторе Вологодской области
Конасову В.Б.

160035, г. Вологда
ул. Герцена, 2

На № 01-01-05/24 от 14.11.2005 г.

Уважаемый Виктор Борисович!

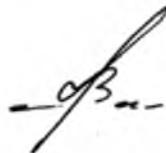
Управлением ФСБ России по Вологодской области совместно с областной и военными прокуратурами с 1989 года рассмотрено 17184 архивно-уголовных дела, по ним реабилитировано 25950 человек.

Одновременно сообщаем, что не возражаем в отношении размещения в книге "Очерки по истории политических репрессий в Вологодском крае" информации о подполковнике в отставке Забелинском Валентине Анатольевиче.

Приглашаем Вас в наше подразделение, в здании УФСБ, чтобы обсудить объем информации, варианты фотографий, касающихся нашего ветерана (тел. 72-52-93).

С уважением,

Начальник подразделения
Управления

В.М.Парфенов

**ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Управление внутренних дел
Вологодской области

Информационный центр

160001, г. Вологда, Мира, 30

16.11.2005 г. № 213-9213
на № _____ от _____

«Книги Памяти жертв политических
репрессий Вологодской области»
доктору исторических наук
Конасову В.Б.

Сообщаю, что, в соответствии со ст. ст. 3 и 7 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», органы внутренних дел рассматривают заявления граждан или запросы общественных организаций о реабилитации лиц, которые по политическим мотивам были подвергнуты в административном порядке ссылке, высылке, направлению на спецпоселение, привлечению к принудительному труду в условиях ограничения свободы, в том числе в «рабочих колониях НКВД», а также иным ограничениям прав и свобод («раскулаченные» крестьяне, граждане СССР и других стран, депортированные по национальному признаку, мобилизованные в «трудовую армию» и для работы в промышленности, немцы-репатрианты и т.п.).

Работа по реабилитации граждан, подвергнутых политическим репрессиям в административном порядке, ведется УВД Вологодской области с 1992 года. За данный период проведена следующая работа:

Год	Количество заявлений	Реабилитировано	Признано пострадавшими	Отказано в реабилитации
1992	892	535	-	66
1993	1902	756	138	148
1994	4516	1450	961	359
1995	5999	1614	432	2140
1996	3964	3043	14	697
1997	1677	988	21	450
1998	981	490	22	338
1999	437	233	3	158
2000	375	182	4	103
2001	530	340	-	80
2002	517	244	-	137
2003	401	163	-	103
2004	325	107	-	63
2005 (на 15.11.)	211	74	-	48
Итого	22732	10219	1595	4880

Начальник
подполковник милиции

И.А. Гладилова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Абвер** – органы военной разведки Германии
АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
Антанта – тройственный союз в лице Англии, Франции и России против Германии в Первой мировой войне
Архив УВД ВО – архив Управления внутренних дел Вологодской области
АССР – Автономная Советская Социалистическая республика
бундовец – член партии Бунд (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России)
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОАНПИ – Вологодский областной архив новейшей политической истории
Военторг – военная торговля
ВЦИК – Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАВО – Государственный архив Вологодской области
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
Губком – губернский комитет (партии)
Главгидрострой – Главное управление лагерей гидротехнического строительства НКВД-МВД
Глав ПУ РККА – Главное политическое управление Рабоче-крестьянской Красной Армии
ГКО – Государственный комитет обороны
ГУЛАГ – Главное управление лагерей НКВД-МВД
ГОЭЛРО (план) – план государственной электрификации России
ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД
Исполком – исполнительный комитет
ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
КГБ – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР
крайком – краевой комитет
комкор – командующий корпусом
комфлот – командующий флотом
лаготделение – лагерное отделение
лагпункт – лагерный пункт
МГБ – Министерство государственной безопасности СССР
ММБ – мотомеханизированная бригада
МТС – машинно-тракторная станция

Наркомлес – Народный комиссариат лесной промышленности СССР
начарт – начальник артиллерии
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности СССР
НКСГ – Национальный комитет «Свободная Германия»
НКЮ – Народный комиссариат юстиции РСФСР (СССР)
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОИЛТК – отдел исправительно-трудовых лагерей и колоний
ОЛП – отдельный лагерный пункт
ОМЗ – отдел мест заключения
оуновец – член организации украинских националистов
ОРБ – отдельный рабочий батальон
РГВА – Российский государственный военный архив
РИК – районный исполнительный комитет
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
СЖД – Северная железная дорога
сельпо – сельское потребительское общество
«СМЕРШ» – «Смерть шпионам» – официальное название советской военной контрразведки с апреля 1943 года
СМИД – Совет министров иностранных дел (СССР, США, Великобритании и Франции)
СНК – Совет Народных Комиссаров
СНО – Союз немецких офицеров
сс – совершенно секретно
Ставка ВГК – Ставка Верховного Главнокомандования
УИЛТК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УК РСФСР – Уголовный кодекс РСФСР
УНКВД (УМВД) – Управление народного комиссариата (министерства) внутренних дел
УПВИ – Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД
УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет
ЧТЗ – Челябинский тракторный завод
эсер – социалист-революционер

ВИКТОР БОРИСОВИЧ КОНАСОВ: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

2 октября 2020 г. исполнилось 70 лет со дня рождения Конасова Виктора Борисовича – руководителя Северного отделения Центра военной истории России Института российской истории РАН, доктора исторических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, члена-корреспондента Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

В.Б. Конасов родился 2 октября 1950 г. в г. Великом Устюге, где окончил школу и педагогическое училище. Трудился учителем на селе, служил в армии. В 1977 г. после окончания исторического факультета Вологодского государственного педагогического института работал заместителем директора технического училища, учителем истории, преподавателем общественных дисциплин техникума. В 1990 году он защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном университете, в том же году была издана книга «Труд и подвиг прифронтовых медиков».

С 1990 года В.Б. Конасов находился на преподавательской работе сначала в Вологодском молочном институте, затем в Вологодском институте повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров. В этот период он обратился к проблеме военнопленных Второй мировой войны. В 1991 году в Вологде была опубликована брошюра «Гриф секретности снят (К истории немецких военнопленных в СССР)». Осенью 1991 года ученый одним из первых добился допуска к рассекреченным документам Особого архива (ныне – Российский государственный военный архив), на которых многие годы стоял гриф «Совершенно секретно». В 1990-е годы В.Б. Конасов выступил с докладами на международных конференциях в Санкт-Петербурге, Москве, Гамбурге, Лейпциге, Дрездене.

В 1996 году вышла в свет монография Виктора Борисовича «Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы», в которой были использованы уникальные, ранее засекреченные документы. Книга вызвала огромный интерес в России и за рубежом, рецензии на нее опубликовали журналы «Отечественная история», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал». Год спустя выходит новая книга в соавторстве с В.В. Судаковым и А.Н. Быстрициным «...Пока не похоронен последний солдат». В ней исследовалась проблема потерь в годы Второй мировой войны и обустройства кладбищ военнопленных.

В сентябре 1998 года в Москве в Институте военной истории В.Б. Конасов успешно защитил докторскую диссертацию «Политика Советского государства в отношении немецких военнопленных (1941–1956 гг.)». Диссертация явилась первым в отечественной историографии комплексным исследованием по малоизученной теме. После получения докторской степени Виктор Борисович стал профессором Вологодского института развития образования, а затем проректором по научно-методической работе. Одновременно он начал свою преподавательскую деятельность на кафедре отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета.

В.Б. Конасов принимал участие в подготовке сборников документов «Немецкие военнопленные в СССР. 1941–1955», «На стыке фронта и тыла», «Военнопленные и интернированные граждане Германии: путь на родину из СССР», «Оборона Ошты в очерках и документах», «Блокада: искры памяти» и др. В 2000 г. в Москве вышла книга профессора «Международный комитет Красного Креста – Советский Союз: дорогой сотрудничества и конфронтации (1939–1952 гг.)». Разработку различных аспектов истории военного плена Виктор Борисович продолжил в монографии «Судебное преследование немецких военнопленных в СССР» и других работах.

В 1995–2005 гг. по инициативе В.Б. Конасова было проведено несколько представительных международных и всероссийских конференций, получивших высокую оценку научной общественности. Благодаря усилиям нашего земляка в 2002 году в Вологде было создано Северное отделение Центра военной истории Института российской истории РАН. Виктор Борисович стал его руководителем.

С 2002 года профессор В.Б. Конасов работал на кафедре философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России. Его лекции и семинары по дисциплине «Отечественная история», отличали глубина и содержательность, острота и дискуссионность рассматриваемых проблем. Виктор Борисович являлся членом Ученого совета института, был одним из ведущих организаторов научно-исследовательской работы.

Курсанты, выполнявшие свои исследования под его руководством, традиционно занимали призовые места в региональных и всероссийских конкурсах.

Значимым было место профессора в вологодском краеведении. Он постоянно принимал участие в конференциях, осуществлял подбор и публикацию документов из архивов. В книге В.Б. Конасова «История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953 гг.)» были раскрыты трагические страницы массового террора, советской ссылки, деятельности лагерей и тюрем в нашем регионе.

В последние годы жизни Виктор Борисович плодотворно работал в таком жанре научного исследования, как историческая биография, подготовив серию очерков для книг «Выдающиеся воложане», «Вологодская энциклопедия», «Генералы и адмиралы Вологодчины». В 2006 году в соавторстве с В.В. Судаковым издал книгу «Полководец из Никольска», посвященную жизненному пути И.С. Конева.

В.Б. Конасов был прекрасным популяризатором истории. При его непосредственном участии издавались учебные пособия для школьников и студентов, проводились семинары и круглые столы. Виктор Борисович вел ряд спецкурсов для студентов и курсантов вологодских вузов, являлся одним из авторов учебника и хрестоматии по истории родного края. Его статьи и очерки регулярно появлялись на страницах областных и центральных газет и журналов, выступления и интервью звучали по радио и телевидению.

Творческое наследие В.Б. Конасова велико. Его перу принадлежит более 250 работ, различных по жанру и проблематике. Среди них диссертации, монографии, словари, энциклопедии, брошюры, учебники, хрестоматии, журнальные и газетные статьи, интервью. Он известен не только как блестящий автор научных, научно-популярных и учебно-методических работ, но и как талантливый научный редактор, консультант, рецензент.

Виктор Борисович активно участвовал в общественной работе, являясь членом комиссии по вопросам помилования на территории Вологодской области, членом международного общества «Мемориал», членом Правления Вологодского отделения Российского фонда мира. Длительное время он входил в состав редсовета военно-исторического журнала «Новый Часовой», был заместителем председателя диссертационного совета Вологодского государственного педагогического университета по специальности «Отечественная история».

О значимом вкладе ученого в развитие отечественной науки, образования и культуры свидетельствуют многочисленные награды: золотая медаль Российского фонда мира «За миротворческую и благотворительную деятельность», Почетная медаль Международной академии наук о природе и обществе «За заслуги в деле возрождения науки и экономики России», юбилейная медаль «Маршал Советского Союза Жуков», нагрудный знак «За активный поиск», почетные грамоты Главы администрации Вологодской области, Министерства образования РФ, именные часы Российского государственного военно-научного и культурного центра при Правительстве РФ и другие почетные регалии.

Коллеги, единомышленники, друзья и ученики сохраняют память о талантливом ученом и замечательном педагоге. 2 октября 2010 года в Вологодской областной универсальной научной библиотеке прошел вечер памяти, посвященный 60-летию со дня рождения В.Б. Конасова. На вечере выступали его коллеги и друзья из Вологды и Санкт-Петербурга. Состоялась презентация сборника «Историк и его время», сотрудники библиотеки подготовили большую выставку работ Виктора Борисовича. В 2020 году к юбилейной дате профессора приурочен выпуск журнала региональной истории *Historia provinciae* (№ 2, Т. 4) и размещены материалы на сайтах ВИПЭ ФСИН России и областной библиотеки.

Научные исследования В.Б. Конасова по истории Второй мировой войны, военного плена, пенитенциарной системы успешно продолжают его ученики. В настоящее время в Вологодском институте права и экономики ФСИН России плодотворно трудятся его бывшие аспиранты: доктор исторических наук, доцент А.Л. Кузьминых и кандидат исторических наук, доцент Н.А. Белова, в Вологодском областном архиве новейшей политической истории – ведущий архивист С.И. Старостин.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие издателя	3
Предисловие коллег автора	4
Введение	16
Глава 1. СПЕЦСЛУЖБЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА И ПРАКТИКА РЕПРЕССИЙ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	22
Глава 2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ. ПИК МАССО- ВЫХ РЕПРЕССИЙ	42
Глава 3. ВОЛОГОДСКАЯ ССЫЛКА 30-50-х ГОДОВ ХХ ВЕКА.....	70
КУЛАЦКАЯ ССЫЛКА.....	71
«НАКАЗАННЫЕ НАРОДЫ» НА ВОЛОГОДСКОЙ ЗЕМЛЕ.....	79
ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.....	88
Глава 4. РЕПРЕССИИ В КРАСНОЙ АРМИИ И НА ФЛОТЕ.....	100
«КОГДА ПРИНИМАЛИ ЗА ВРАГА НЕ ТОГО, КОГО НАДО».....	103
«ПРОШУ МЕНЯ РАССТРЕЛЯТЬ, НО НЕ БИТЬ».....	108
«МАТЕРЫЙ ШПИОН ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК».....	114
«... ВИНОВНЫМ СЕБЯ НЕ ПРИЗНАЕТ».....	117
«Я БОРОЛСЯ НЕ ЗА ТАКУЮ ПАРТИЮ».....	122
«ЗАЩИТНИК И ПОКРОВИТЕЛЬ ВРАГОВ НАРОДА».....	125
«ОТ СЛУЖБЫ ВО ФЛОТЕ Я ОТСТРАНЕН, НО ОТСТРАНИТЬ МЕНЯ ОТ СЛУЖБЫ ФЛОТУ – НЕВОЗМОЖНО».....	130
Глава 5. РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА И ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРАКТИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	137
Глава 6. ЛАГЕРЯ И ТЮРЬМЫ, ЛЮДИ И СУДЬБЫ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕН- НОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ.....	170
Заключение. Тернистый путь к справедливости.	184
Приложения.....	197
Список сокращений.....	251
Виктор Борисович Конасов: жизненный путь и творческое насле- дие.....	253

Научное издание

Конасов Виктор Борисович

**ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
И ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ
В ВОЛОГОДСКОМ КРАЕ
(1918 – 1953)**

3-е издание,
исправленное и дополненное

Литературный редактор Е.Ф. Булатова
Художественный редактор С.И. Вильданова
Выпускающий редактор Н. А. Куклинов

Подписано в печать. Формат 70х90/16. Усл. печ. л. 25.74. Тираж 100.
ООО Издательский Дом «Порт-Апрель»,
162604, г. Череповец, ул. Заречная, 2; (8202) 49-02-40, 8-911-535-20-50
e-mail:chiefport-aprel@mail.ru ; https://vk.com/id_portaprel

Отпечатано: